

ББК 76
А 38

Факультет
журналистики ВГУ
Академия наук
региональной печати

АКЦЕНТЫ

НОВОЕ В МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК 1—2
(44—45)

**Редакционная
коллегия:**

**В.В. Тулугов —
главный редактор**
А. И. Акопов
С.А. Гостеева
Л.Е. Кройчик
(Воронеж)
С.Г. Корконосенко
(Санкт-Петербург)
А. И. Станько
(Ростов-на-Дону)
Ю.Н. Мясников
(Томск)
В.Ф. Олешко
(Екатеринбург)
А.Л. Факторович
(Краснодар)

ISBN 5-900955-02-8

ВОРОНЕЖ — 2004

Содержание

СЛОВО РЕДАКТОРА <i>В.В. Тулугов</i> «Болевые точки» современной российской журналистики	3
В НАЧАЛЕ НОМЕРА <i>Л. Е. Кройчик</i> Энергия информации: вызовы XXI века	6
<i>Г. В. Чевозерова</i> Элементарный анализ общества как системы: универсальная активная личность — структурный элемент гражданского общества	11
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЖУРНАЛИСТИКИ <i>А. М. Шестерина</i> Аудиторный фактор функционирования полемического текста в российских печатных СМИ	19
<i>Н. Дмитренко</i> Литературная критика в Интернете: проблема жанра	27
<i>А. И. Акопов</i> Язык как основа глобальной сетевой коммуникации	34
<i>В. В. Кихтан</i> Он-лайн журналистика в свете сегодняшнего дня	38
<i>Н. Мягкая</i> «Толстый» журнал в контексте процесса литературной саморегуляции общества	44
МАСС-МЕДИА О МАСС-МЕДИА Жестокое телевидение: что оно делает с нами и что нам делать с ним?	47
ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ <i>Д. В. Силакова</i> «Нескладных виршей полк за полком нам шлет Владимир Соловьев...»	50
<i>А. И. Гончаров</i> Два древнерусских антикатолических памфлета XI века и Ветхий Завет	55
<i>В. В. Смирнов</i> Тема радио в отечественной поэзии	58
РЕКЛАМА И PR <i>А. Г. Баташев</i> Журналистика и связи с общественностью	68
<i>М. А. Кирьяшина</i> Роль психологических факторов в имиджмейкинге	76
ЛИТЕРАТУРА <i>Г. А. Шпилевая</i> Эволюция конфликта мечты и действительности в творчестве Н.А. Некрасова	80
НА СТЫКЕ НАУК <i>А. А. Иванисов, А. Ю. Трунов</i> Информационные шумы как сдвиги и колебания в семантическом поле	84
СООБЩЕНИЯ Создание внутрикорпоративного издания	90
Опыт политического анализа и публицистического прогноза	94
ДАТЫ <i>Т. В. Лебедева</i> Шесть негромких юбилеев	97
ТВОРЧЕСТВО НАШИХ КОЛЛЕГ <i>Владимир Тулугов</i> Серьезно и почти	110
ПАМЯТЬ Рабочий человек	113
Добрые дела помнятся долго	114

Уважаемые коллеги!

Мы по-прежнему ждем от вас новых работ — дискуссионных, проблемных, новаторских. Редакция просит сопровождать материалы сведениями об авторе (фамилия, имя, отчество, должность, место работы, адрес, телефон, факс, e-mail). Объемы статей не должны превышать одного печатного листа, за исключением работ из нескольких частей, публикуемых с продолжением. Сноски и примечания должны быть затекстовыми, со сквозной нумерацией. Статьи сопровождаются электронным вариантом в виде файла (по e-mail или на дискете).

Нам можно написать:

394068, Воронеж, ул. Хользунова, 40а, факультет журналистики ВГУ. В.В.Тулупову (dean@jour.vsu.ru).

С нами можно связаться

по телефонам: (0732) 13-17-50, 13-17-56, 74-52-71, 33-64-31;

по факсу: 74-52-71;

по электронной почте (E-mail): root@jour.vsu.ru

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

В. В. Тулупов

«Болевые точки» современной российской журналистики

О качественной прессе и качестве чтения

В статье «Чтение как труд и чтение как отдых» (Литературная газета, 18—24 июня 2003 г., № 25 (5928), с. 13) психолог Д. Леонтьев пишет: «...Для чего люди используют литературу? Кто читает, что читает, как и с каким отношением и каким эффектом? Как говорили раньше, для утешения или для личности? Это противопоставление не случайно.

Массовая культура, которая в наше время уже преобладает в обществе над иными формами культуры, во всяком случае, количественно, принципиально ориентирована на то, чтобы не оказывать долговременного воздействия на личность. На поверхности взбалтываются эмоции, потом они успокаиваются, и ничего не меняется.

Пожалуй, ничто так сильно не тормозит, не сдерживает процессы личностного развития, не консервирует инфантильные, примитивные структуры нашего сознания, как массовая культура. К ней неприменима формула В. Ф. Асмуса «чтение как труд и творчество» — скорее, говорить надо о чтении как отдыхе и упрощении».

Как в художественной литературе различается «высокая» литература, стремящаяся к развитию понимания и личности в самом широком смысле слова, так и в журналистике можно различать, с одной стороны, качественные СМИ, а с другой — «массовое чтение», преследующее цель «доставить сиюминутное удовлетворение, не затрагивая личность в целом».

Естественно, никто не требует запрета бульварной и даже «желтой» прессы, если они не нарушают существующего законодательства. Более того: индивид (живой человек!) одновременно реализует различные потребности и желания; его читательский интерес может быть разнопланов: одни газеты люди покупают или выписывают, чтобы быть в курсе политических событий, другие им необходимы для развлечения, профессионального роста, третьи — для релаксации. Такое «контрастное» чтение оправдано и с психологической точки зрения, ибо способствует тому, чтобы существующие доминанты (очаги возбуждения в коре и подкорке головного мозга) не достигали болезненного состояния.

Напрашивается вывод: в целях реализации принципов демократии система СМИ должна быть представлена во всем типологическом многообразии. И закон о СМИ дает свободу владельцам, учредителям, издателям, гарантирует реализацию тех или иных общественно-полезных целей. Различные читательские интересы сегодня также как будто удовлетворяются: каждый имеет формальную возможность выписывать общественно-политические, сугубо партийные, специализированные и др. издания. Но если прежде на одну семью приходилось в среднем около пяти газет и журналов, то сегодня это число не превышает и единицы (при этом читатели, конечно же, отдают предпочтение местной газете). По чисто финансовым причинам население стало чаще обращаться к рознице. Но и не прибегая к серьезным конкретно-социологическим исследованиям, можно утверждать: в киосках Роспечати преобладают массовые газеты и глянцево-журналы — качественная пресса представлена единичными экземплярами.

Спрос диктует предложение или предложение формирует спрос? Ответ не так прост, как думают некоторые издатели, отдающие предпочтение «массовому чтению» и с цифрами в руках доказывающие, насколько последнее сегодня более востребовано (а потому прибыльно). Действительно, мы почти потеряли «качественного читателя». Потому что в последнее десятилетие практически не воспроизводили его. Если профессиональное сообщество не забудет тревогу, ситуация может стать катастрофической — уже сегодня тиражи серьезных (интересных, глубоких по содержанию!) общенациональных, региональных и местных газет падают, в лучшем случае — держатся на одном уровне, порой за счет обязательной подписки в организациях. Молодые читатели не обучены чтению как труду, они не понимают контекста, подтекста, их раздражают стилистические нюансы: ведь привычка пассивного восприятия информации заразна. «Мы привыкли характеризовать читателя как «субъекта деятельности чтения», но *читатель вовсе не всегда субъект чтения*. Если речь идет о чтении серьезном, когда осуществляется внутренний диалог с произведением, тогда человек действительно субъект чтения. *В ситуации же потребления массовой литературы он скорее объект*» (Д. Леонтьев).

И если прежде мы могли говорить о разных уровнях качественных СМИ, могли выстраивать своеобразные шкалы уровней развития читателей, то се-

годня это абсолютно не актуально, поскольку не имеет массового характера. Произошло «разжижение крови»: в целом уровень СМИ резко снизился, а развитых — постоянных, «регулярных» — читателей становится все меньше и меньше.

Но, думается, диалектика процесса все же приведет к тому, что количественный рост СМИ обернется новым качеством, и мы сможем рассуждать, например, о коммуникатах, т.е. реконструкциях серьезных печатных изданий, осуществляемых в процессе их восприятия, рассматривая проблемы «ментальной реконструкции», выявления долгосрочных эффектов воздействия содержания качественных газет и журналов. Проблему же «эффекта бульвара» также не следует оставлять вне поля зрения исследователей журналистики. Законы эмоционального вовлечения, типичные для массовой культуры, с очевидностью действуют и в случае популярной прессы, рекламы, доминирующих в современной массовой коммуникации.

Что же необходимо предпринять уже сегодня для выправления ситуации?

Во-первых, журналистское сообщество должно консолидироваться в понимании того, что будущее нашей профессии связано с реализацией природных функций журналистики как духовно-практической, социально-ориентированной деятельности. В прессе, как и в других видах массовой коммуникации, обязан быть авангард, демонстрирующий и последовательно защищающий веками вырабатывавшиеся профессиональные стандарты. И здесь очень велика роль Союза журналистов, факультетов и отделений журналистики, медиакритики, представленной не только в специальных журналах, которые по определению читает узкая прослойка профессионалов, но и — в массовых общественно-политических СМИ. В противном случае заказчики всех сортов будут по-прежнему задешево покупать и перекупать журналистов, относиться к ним свысока, а читатели — отказывать в доверии.

Во-вторых, учредители, владельцы СМИ — если только они не рассматривают печатные органы и электронные каналы в качестве средств защиты узкокорпоративных интересов (да и в этом случае тоже!) — должны понять, что качественная пресса наиболее выгодна во всех смыслах: именно она позволяет достичь высоких долгосрочных результатов, в том числе и экономических.

Лидеры в сфере политики и экономики (они же — рекламодатели) рано или поздно придут к осознанию того факта, что только объективная информация реально помогает им в осуществлении тех или иных задач, в достижении тех или иных целей. Всякая другая — лишь дезориентирует общество, частью которого являются и люди, принимающие решения. Поражение правых сил на прошедших думских выборах — красноречивая иллюстрация известного изречения «Монстры рожают монстров». Ложно понятая свобода печати без ограничений и ответственности всех и вся привела к тому, что демократическая идея просто дискредитирована. Не было и нет

по-настоящему влиятельных, «репутационных» СМИ, в которых электорату последовательно и толково представляли и комментировали бы перспективные программы развития общества — «желтые» же издания интересуют лишь тусовочная сторона жизни кандидатов, скандалы между лидерами партий. А телевизионные дебаты лишь добавили яркие штрихи к портретам «слуг народа», не гнушавшихся и ненормативной лексики, и даже рукоприкладства... Отсюда — тотальное разочарование в среде наиболее серьезной, думающей части избирателей.

И четвертое (самое важное и самое трудное) — миссия аудитории. О «самом читающем народе» следует давно забыть. Сегодня, если и читают, то в большинстве своем — легкую литературу, бульварную прессу, если и смотрят, то бесконечные сериалы; классическую художественную, научную литературу теперь легко приобрести (с одной стороны, это благо: все-таки издаются и с каждым годом все более профессиональней, с другой тревожит массовая невостребованность лучших образцов). Между тем общество объективно заинтересовано в качественной информации, позволяющей каждому индивиду сознательно ориентироваться в окружающей действительности, искать и находить смыслы, наполнять ими каждый свой день. Иначе следует согласиться с ролью «объекта», которым манипулируют, которому отказывают в уважении, которым постоянно кто-то владеет...

О правовом обеспечении информационной свободы

Споры о современной российской журналистике и путях ее развития несколько меняют свой вектор. Если прежде основное внимание уделялось технологиям, и прежде всего аспектам литературного мастерства: выбору темы, проблеме, конфликту, сюжету, композиции, жанру и др. — что и остается важным, актуальным! — то сегодня все чаще дискуссии переходят в этико-правовую плоскость.

Было время, когда считалось: тот журналист хорош (профессионален), кто хорошо пишет. Возможно, потому во времена агитпропа так ценились филологи, умевшие изящно, если не изощренно «сдвигать акценты» (и сегодня такие специалисты необыкновенно востребованы для написания ПР-текстов, «заказной журналистики», которая, по сути и журналистикой-то не является). Мысль А. Аграновского о том, что «тот хорошо пишет, кто хорошо думает», заставила расширить взгляды теоретиков и практиков на профессиональные стандарты нашей профессии. Умение анализировать факты, видеть за ними некие явления, тенденции, способность в особой — художественно-публицистической — форме выразить оригинальную практическую мысль привели к развитию очерковой, сатирической, статейной публицистики. Конец восьмидесятых — начало девяностых годов прошлого столетия стал расцветом российской журналистики, несмотря на

все издержки свободного информационного процесса. Даже в провинциальных СМИ появились собственные обозреватели, смело оперировавшие фактами самого разного уровня, пытавшиеся — и небезуспешно — установить логические связи между событиями районного и общероссийского, а то и мирового масштаба.

Но журналистика — не только литературное творчество, но и производство, но и политика, но и экономика. Осознание этой, казалось бы, тривиальной мысли к приверженцам чистого журналистского творчества, защитникам идеального представления о журналистике как общественно-полезной духовно-практической деятельности пришло слишком поздно. Многие качественные издания не смогли защитить себя в период передела собственности или же не выдержали, в силу как объективных, так и субъективных причин, конкуренции. Мизерные тиражи, отсутствие реального влияния на общественное мнение, а то и вообще полное банкротство и уход с рынка или же кардинальная смена направления, позиции — вот результат той стратегической ошибки.

Только недавно Союз журналистов России (см. речь председателя В. Л. Богданова на майском 2003 года VII съезде СЖР) открыто заговорил о главной опасности для журналистского сообщества — перерождении профессии. Только теперь, накануне выборов в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, СЖР распространил по журналистским союзам в регионах, по ведущим СМИ, по всем партиям и движениям наказ кандидатам в депутаты Государственной думы четвертого созыва. Неизвестно, ознакомился ли каждый кандидат с текстом наказа, как неизвестно и то, что журналистское сообщество действительно поддержало именно тех кандидатов и те избирательные объединения и блоки, «которые — в случае их избрания — сделают все, чтобы...». Но привести часть наказов, думается, имеет смысл.

Итак, журналистское сообщество призвало будущих депутатов:

— сохранить в неприкосновенности Закон РФ о СМИ и прежде всего такие его основополагающие принципы, как свобода массовой информации, недопустимость цензуры, редакционная независимость, государственная защита журналиста при осуществлении им профессиональной деятельности;

— принять федеральный закон о лицензировании телерадиовещания, предусмотрев увеличение срока лицензий на вещание до 10 лет и демократический характер формирования конкурсной комиссии;

— продолжить приватизацию государственных и муниципальных издательств и полиграфических предприятий, а также провести приватизацию радиотелевизионных передаточных центров и радиочастот в порядке, предусмотренном статьей 8 Федерального закона «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания Российской Федерации»;

— восстановить в сфере СМИ нулевой уровень НДС;

— принять федеральный закон, ставящий преграду на пути монополизации СМИ, в том числе в руках государства;

— принять федеральный закон об общественном телерадиовещании.

Часть наказов касалась непосредственной защиты редакционных коллективов и конкретных журналистов при выполнении ими профессиональных обязанностей.

Интересно, что главный редактор «Журналиста» Г. Мальцев, открывая двенадцатый номер журнала 2003 г., проследил, какие же из журналистских наказов четырехлетней давности были выполнены депутатами. И пришел к неутешительным выводам: к разработке Информационного кодекса РФ думцы и не приступали, Закона о праве на информацию нет, а положение с получением информации даже ухудшилось, не появились и закон о телевидении, закон, направленный против монополизма в СМИ... Напротив, мы явились свидетелями огосударствления ТВ, централизации рекламных потоков, укрупнения медиахолдингов, попытки принятия беспрецедентных поправок в избирательное законодательство...

Представители СЖР, прогрессивные законодатели, журналисты-практики серьезно задумались о характере информационной политики Госдумы ФС РФ (см. Журналист, 2003, № 12), ибо от нее-то во многом зависит истинная свобода прессы, информационная свобода общества, гарантированная Конституцией России. Собственно, размышления заинтересованных лиц лежат в русле того самого наказа, речь о котором и шла выше. Президент Фонда защиты гласности А. Симонов призвал срочно готовить закон о ликвидации государственного участия в учреждении и финансировании СМИ за исключением информационных бюллетеней органов государственной власти, а также сделать все, чтобы министерство печати самоликвидировалось. Главный редактор «Огонька» В. Лошак признал вину и журналистов в том, что отчужденность представителей СМИ и депутатского корпуса растет (между тем решение серьезнейших вопросов, стоящих перед журналистикой и журналистами, невозможно без подлинной консолидации с законодателями). Соглашаясь с мнением главного редактора радио «Эхо Москвы» А. Венедиктова о том, что журналист «должен подвергать сомнению все действия власти и критиковать их, если они того заслуживают», заметим, что без доверия между властью и обществом ситуация не изменится к лучшему. Ведь прав тот же В. Лошак, добавивший: «Журналисты несколько свысока относятся к депутатам, иронизируя на их счет по любому поводу. Они как бы не считают депутатов настоящей властью. Но как только возникают серьезные проблемы — ставят вопрос перед Думой».

Думается, что и при обучении будущих работников СМИ следует уделять особое внимание их правовой подготовке, ведь неслучайно в России первых журналистов с дипломами о высшем образовании выпускали юридические факультеты...

Л. Е. Кройчик

Энергия информации: вызовы XXI века

С цитат начинать текст не принято, но что же делать, если точное слово уже произнесено?

Итак, Элвин Тоффлер: «Мы входим в эру, когда решающими станут два фактора: обладание знаниями и наличие экстраординарности, обладание самыми совершенными технологиями, наиболее быстрыми и избирательными для обработки знаний и доступа к ним».

Имя новой эры – информационное общество.

XXI век – эпоха торжества новых коммуникационных технологий, видоизменяющих наше представление о самой системе средств массовой информации, в которой все большую роль начинают играть интернет и мобильная связь. Традиционная коммуникативная цепочка «адресант-текст-адресат» становится более динамичной, более открытой для переработки поступающей информации.

Так формируются по крайней мере три вызова, брошенные XXI веком современной цивилизации.

Вызов первый: состояние информационного пространства является сегодня одним из самых важных факторов, определяющих развитие цивилизации в XXI веке.

Вызов второй: информация становится реальным инструментом достижения власти в обществе.

Вызов третий: журналист превращается в фигуру, выполняющую роль катализатора развития современного социально-политического, экономического и культурного пространства.

Журналистика в целом и публицистика в частности становятся силой, в значительной степени способствующей поступательному развитию цивилизации.

Амбициозности данного утверждения может показаться необязательной, однако реальное положение вещей именно таково.

И – в мире, и – в России.

Россияне наивно мечтают о регулирующей функции власти в области СМИ «76 процентов россиян считают, что в средствах массовой информации в той или иной форме нужна цензура, – пишут «Известия», – Даешь цензуру!» можно трактовать и как заказ на ограничение распространения, к примеру, порнографии. А можно – как заказ на ограничения общественно значимой информации¹⁾, полагая, что привычная формула «Держать и не пущать!» будет способствовать улучшению нравов в обществе, не понимая, что появление всемирной информационной сети и ее интегрирующая роль делают бессмыслен-

ными все попытки ограничить коммуникативный процесс, интенсивно развивающейся в мире.

Публицистический текст перестает быть простым посредником между автором и аудиторией: из носителя информации он превращается в реальную силу.

Силу знания.

Уходят в прошлое традиционные информационные противостояния по знаменитым осям «север-юг» и «запад-восток». Глобализация, свойственная информационному обществу, делает бессмысленными все ранее существовавшие оппозиции: всепроникающая паутина уравнивает коммуникативные шансы сторон – знание о мире (хотя бы и на ординарном уровне) становится доступным.

Доступ к современным технологиям упрощает взаимоотношения человека с окружающим миром.

Термин «пользователь», пришедший из интернета, означает начало принципиальных изменений в отношениях между адресантом и адресатом. В традиционных СМИ роли между автором и аудиторией были распределены достаточно жестко: автор, собрав и переработав полученную извне информацию, передает ее для потребления аудитории. В сети взаимоотношения адресанта и адресата носят специфический характер. Пользователь в системе информационного обеспечения, именуемого интернетом, перестает быть только потребителем сообщения. Он вступает в особые отношения с адресантом, выступая в качестве со-творца: полученная информация перерабатывается пользователем, и на основе этой переработки возникает новое сообщение, поступающее в сеть. Доступ к этому сообщению имеет каждый. Таким образом, между адресантом и адресатом устанавливаются формально равные авторские отношения.

Иными словами, развитие сети максимально актуализирует информационное пространство современной цивилизации. И – одновременно – заставляет скорректировать взгляды на его природу. И на характер взаимоотношений внутри коммуникационной цепочки.

Что такое информационное пространство? Это та социально-политическая, экономическая, культурная, духовно-нравственная среда, которая формирует в системе конкретных пространственно-временных координат общественные отношения, определяет характер и динамику развития. Это тот реальный мир, в котором живет человек и как лицо

социальное, и как лицо частное (т. е. сугубо индивидуальное), ибо, понятно, что бытие человека определяют не только конкретные сферы общественной жизни, в которых информационные коммуникации играют ведущую роль, но и индивидуальные психофизические характеристики личности.

«Самостояние человека — залог величия его». Эту гениальную формулу А. С. Пушкина игнорировать не следует.

Такое представление об информационном пространстве позволяет принять как данность получившую в последние годы концепцию существования информосферы, «аккумулирующей колоссальные мировые запасы интеллектуальной энергии»². «Колоссальные интеллектуальные мировые запасы энергии» — не что иное, как постоянно обновляющееся представление человека об окружающем его мире, очевидное указание на динамизм информосферы, на взаимодействие и взаимовлияние всех составляющих этого глобального явления.

В самом общем виде информосферу можно представить как сложную постоянную возобновляемую, саморегулируемую систему, включающую в себя понятие «реальный мир» — «автор (адресант) — «сообщение» — «аудитория (адресат)».

Все составляющие этой системы паритетны по отношению друг к другу, поскольку существование каждого звена обусловлено общей для каждой составляющей ее субъектно-объектной природой.

Информосфера — это не склад представлений о мире, а система наших **работающих знаний** о нем.

Роль субъекта, творящего мир, в XXI веке возрастает в силу глобально повышающейся роли субъектов сознания — и на уровне сотворения и передачи информации, и на уровне ее осмысления и пересотворения.

Возрастающая роль воспринимающего и передающего субъекта сознания — существенная примета XXI века.

И это — не риторика!

Глобализация привела, с одной стороны, к многоканальности технических средств доставки информации, к ее интеллектуальному разнообразию и многоуровневости, к повышению интерактивности текста, как типоформирующего признака его, а с другой — к естественному в этих условиях отторжению избыточной (с точки зрения аудитории) информа-

ции, к растущей самоизоляции личности от сориентированных на эту личность сообщений.

Реплики «Телевизор не смотрю», «Газет не читаю» — вовсе не кокетливое позиционирование интеллектуалов, уставших от информационного обвала.

Родился интернет как возможность интимизации информационных взаимоотношений с окружающим миром, как способ фамильяризации отношений с соседом по разуму.

Парадокс XXI века: активизация креативных возможностей личности и одновременно — стремление личности максимально индивидуализировать свои отношения с окружающим миром.

Это идет не от неуважения к миру, а от стремления человека встать вровень с ним.

Интеллектуальному хаосу мира личность пытается противопоставить свое индивидуальное бытие.

Удается ли?

Помощь может прийти со стороны СМИ.

Информационная адресность сообщений дробится. Региональный компонент федеральных источников информации (даже канал «Россия» ввел в новостные свои программы этот компонент, подарив свой бренд местным телекомпаниям. Радиостанция «Маяк» последовала этому примеру) появился не только из-за проблем с подпиской: вектор интересов провинциальной аудитории отчетливо развернулся в сторону региональных сообщений. Дело тут не в местном сепаратизме, а в естественном прагматизме. «Все врут календари», — здраво заметил Фамусов, и местная аудитория об этом помнит, но сохраняет при этом потребность соотносить уровень вранья с собственными наблюдениями над реальной действительностью. К тому же сохраняется определенная доза доверчивости к местным СМИ: свои обманываю реже — их ложь легче проверить.

Адресная дробность сообщений связана не только с расширением сети региональных выпусков. Возросшая ориентация на традиционную аудиторию печатных и электронных СМИ приводит к заметному тематическому разнообразию публикаций.

Качественные «Известия» не гнушаются в одном номере (25 декабря 2003 года) дать самые, казалось бы, несопоставимые прежде материалы. Первая полоса открывается репортажем «Гаишники рвутся работать в новогодние праздники» (текст рассчитан на сочувственное понимание 24 миллионов российских автолюбителей). Рядом интервью с Борисом Немцовым (задумчиво глядящим с фотографии): «Избранный путь приведет к тому, что Россия станет отсталой страной» (соль на раны нескольких миллионов российских либералов). Тут же корреспонденция, дополняющая фотографию олигарха-узника: «Ходорковский остается в тюрьме» (на радость всем, кто живет за чертой бедности). А на 12-й полосе — малоинтеллектуальный кроссворд (пункт 19 по горизонтали — «Планета Солнечной системы». Пункт 1 по вертикали — «Игрок линии нападения»). А между этими полюсами — полосные рубрики «Экономика», «Конфликты и происшествия», «Культу-

ра», «Спорт», «Новости», тематический «глянцевый» вкладыш «Айзербайджан». Вкладыш особенно интересно смотрится на фоне заметок, опубликованных на полосе «Конфликты и происшествия»: «Найдены две отрубленные головы» (обе жертвы были выходцами с Кавказа) и «Скинхедов взяли за убийство азербайджанцев». Рубрика «Культура» явно сориентирована не только на высокообразованных интеллектуалов: рецензию Юрия Гладильщикова на фильм «Очень страшное кино – 3» сопровождает достаточно фривольный кадр из фильма – Памелла Андерсон в блузочке нараспашку и юбочке намного выше колен (или, если хотите, – чуть ниже талии); к заметке «Некоммерческое искусство стало коммерческим» приложен снимок-репродукция: «Спящая красавица». Айдан Салахова показала в галерее XL некое видео, запечатлевшее двух полубогаженных дам, истомленных любовными утехами друг с другом.

Из этого вовсе не следует, что газета плоха. Газета старается играть на поле читателя, которого она сама же и моделирует.

Второй ресурс – публицистический текст все очевиднее в современных СМИ выступает как дискурс. Можно спорить, в какой степени разведены понятия «текст» и «дискурс» (текст – речевая форма, дискурс – речевое событие), но нельзя не видеть, что демонстративное информационное целенаправление, лежащее в основе публицистики, превращает любой ее текст в дискурс.

«Дискурс, – подчеркивает Г. Н. Манаенко, – это общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его специфику»³.

Публицистический текст – всегда дискурс, поскольку речевая задача субъекта высказывания в нем четко обусловлена стремлением оптимально воздействовать на аудиторию в конкретной ситуации и с определенной целью.

Дискурс оптимизирует публицистическую задачу автора сообщения, учитывая и характер информационной среды, и состояние аудитории. Тривиальная формула – «публицистический текст – это открытие мира автором» – обретает реальный смысл именно потому, что текст демонстрирует не только авторское присутствие в границах передаваемой информации, но и потому, что публицистический текст содержит в себе следы того мира, в котором данный текст появляется.

Вот корреспонденция Вадима Речковского и Елены Строителевой «Это будет дело «Буданов номер два» («Известия», 19 ноября 2003 г.). Речь в материале идет об очередном суде над военными, обвиняемыми в убийстве мирных чеченцев.

Эпическое бесстрастное начало: «Для бойцов спецназа ГРУ убийство местных жителей в Чечне давно стало обычным делом. Многие даже не боятся об этом рассказывать». Этой фразе предшествует информационный лид: «В Северо-Кавказском военном

суде, где недавно был вынесен обвинительный приговор полковнику Буданову, начался новый процесс по делу российских военных, обвиняемых в убийстве мирных чеченцев».

Словосочетания «убийство местных жителей» и «убийство мирных чеченцев» оказываются семантически равновеликими: для военных понятие «местный житель», «мирный чеченец» и «боевик» в сущности равнозначны. «Одного боевика мне пришлось убить прямо на его базе», – говорит начальник разведки военной комендатуры одного из горных районов Чечни. – Он прибежал домой из леса. Отдохнуть, погреться. Автомат бросил рядом и спал без задних ног. Тут мы его и взяли. Его даже бить не надо было». «Их база» – дом, в котором раньше жил пятнадцатилетний боевик. «Даже бить не надо» – значит, чаще всего бьют.

Война жестока и немилосердна. Герой монолога – полковник, воюющий в Чечне. Боевик, им убитый, отвечал в отряде за продовольствие: «У него был закопан здоровенный бидонище сухого мяса, бочка супов «Ролтон». Мы, что смогли, уперли с собой. А остальное покروшили, порезали, бросили. И вот этого мальчишку мне трудно было убить.

...Я пристрелил его в спину. Он уже по-любому был приговорен. Находясь в поиске, мы не могли оставлять свидетеля».

Емкость информосферы определяется взаимодействием трех уровней – информационной насыщенностью авторского повествования, сущностью информационного содержания событийного ряда, связанного с действующими лицами текста; с характером восприятия всей этой информации аудиторией. Последнее обстоятельство постоянно расширяет границы информосферы, включая в нее подтекстовое, контекстное и эмоционально-образное пространство публицистического высказывания.

Официальная сухость лида («В Северо-Кавказском военном суде... начался новый процесс») сопрягается в корреспонденции с заметным расширением информационного пространства сообщения за счет живой речи анонимного полковника – «**боевика пришлось** убить прямо на базе», «**здоровенный бидонище** сухого мяса», «что смогли, **уперли** с собой», «**по-любому** был приговорен».

Полковник прост как убийственная правда, заключенная в его словах. Авторам важнее эта интонация живой речи, поскольку она дает возможность представить читателю тех, в чьих руках сегодня судьба кавказской войны, что собой представляет рутинная работа спецназа и чем все это может обернуться для российского общества, именующего себя демократическим.

Подразумевание – составная часть информосферы.

Отрезанные головы российских мальчишек вопиют о мщении. Око за око, зуб за зуб. Война продолжается и будет продолжаться. Убивать будут бесконечно. «Я просто выполнял свой приказ», – говорит один из обвиняемых. Боевые приказы, как известно, не обсуждаются. В Чечне это не первый дока-

занный случай убийства мирных жителей, ставших случайными свидетелями преступлений военных во время спецопераций», — подчеркивают авторы корреспонденции. И приводят соответствующий факт: два сержанта, по ошибке убив ни в чем не повинного человека, хладнокровно убили всю его семью (чтоб не оставлять свидетелей). Получили 18 и 15 лет лишения свободы.

Так что с арифметикой у авторов корреспонденции не все в порядке. Новое дело — это по крайней мере «Буданов номер три»: обвиняемые, сидящие на скамье подсудимых в Ростове, тоже ведь убивали свидетелей. А анонимный полковник, который, находясь в поиске, просто не мог оставить свидетеля, будет продолжать убивать.

Автор корреспонденции излагает суть дела безэмоционально; оставляя переживания читателям. И — не только переживания. За пределами повествования остается подразумеваемое пространство мира, в котором каждый из нас волен черпать доступную любому информацию о второй кавказской войне — из рассказов очевидцев, из сообщений отечественной и зарубежной прессы, из фильмов, рассказов и романов.

За внешней спокойностью изложения — стремление активизировать восприятие текста аудиторией. Интерактивность читателя — это не только побуждение его к открытому действию (поступку), к письму-отклику. Это еще и побуждение его к размышлению над фактом, над предложенной точкой зрения. Отсутствие морализаторских сентенций в данном тексте не означает отказа от демонстрации позиции публицистами. Текст корреспонденции разбит на пять фрагментов, каждый из которых имеет вполне поддающийся оценке подзаголовок — «Мы не могли оставить свидетеля», «Я просто выполнял приказ», «Военные просто захотели замести следы», «Нет человека — нет проблемы», «Родителей убили случайно. Дочерей — чтобы не выдали».

Дело не в Буданове — в будановых. В бесчеловечности власти, породившей убийство и провоцирующей новые убийства. Дело в жестокости общества, спокойно относящегося к посягательству на человеческую жизнь.

Таково целеполагание данного публицистического текста — как дискурса.

Публицистический текст — это последовательное выявление личности адресанта и адресата в их отношениях к окружающему их миру. Информация, не переставая быть товаром, потребительским продуктом, воспринимается прежде всего как новое знание, способствующее открытию мира, расширяющее представление о нем.

В этой связи особая роль отводится автору публицистического текста как творцу информации, способствующему формированию личностного отношения к ней. Публицист и СМИ выполняют функцию социального менеджмента, роль которого в динамично развивающемся мире возрастает: в информационном обществе доминирующая роль принадлежит не товару как таковому (опредмеченному или

в форме идей), а информации о нем. При этом доверие к информации тем выше, чем авторитетнее носитель ее.

Дискурс — это слово, закрепленное за субъектом высказывания (адресантом), но в публицистическом тексте субъект высказывания не всегда атрибутирован личным местоимением «я». Автор являет себя и в характере изложения материала, и в системе доказательств, и в структуре повествования, и в стилистике.

В комментарии «Покаяние-2» («Известия», 29.12.2003 г.) Юрий Богомолов анализирует происшедший в Грузии государственный переворот:

«То, что происходило в эти дни в Грузии, имеет помимо политической стороны дела еще и художественно-эстетическую.

«Бархатно-цветочная» революция на экране телевизора выглядела несколько отталкивающе. Эта ворвавшаяся толпа молодых мужчин, яростно крушащих все на своем пути, ломающих стулья, столы, сжигающих кресло президента... Этот мужчина, долбящий спикерским молотком по столу... И побледневший президент, которого охранники, подхватив под руки, спешат эвакуировать из зала... И новая власть, вышедшая на балкон к восставшему народу: впереди Зураб Жвания с воздетыми к небу руками, за его спиной довольный собой Михаил Саакашвили, чуть в стороне суровая Нино Бурджанадзе».

Личностный взгляд журналиста отчетливо угадывается и в описании происходящего («ворвавшаяся толпа молодых мужчин, яростно крушивших все на своем пути», «мужчина, долбящий спикерским молотком по столу», «побледневший президент», эвакуируемый охранниками), и в эмоциональных характеристиках («довольный собой» Михаил Саакашвили, «суровая» Нино Бурджанадзе), в сравнении «бархатно-цветочной» революции с фильмом Тенгиза Абуладзе «Покаяние».

Предложение рассматривать происходящие в Грузии события с «художественно-эстетической» стороны помогает понять точку зрения публициста. Через одну точку — учит геометрия — можно провести бесчисленное множество прямых. Через две — только одну: сравнивая фильм Т. Абуладзе с «бархатно-цветочной» революцией, Юрий Богомолов точно определяет вектор происходящего:

«Притчевая канва... фильма подсвечивает события и перипетии уже новейшей истории самой Грузии...

А теперь на холмах Грузии веселый — новый праздник. По какому случаю — вот вопрос...

Грузинский народ — артистичный народ, с чувством юмора и воображением, способствующим все обернуть в шутку. В том числе и смерть.

Он в фарс в свое время обратил советскую власть. Вспомним фильм Отара Иоселини и Эльдара Шенгелая.

Но ведь каждый фарс может иметь оборотную трагическую сторону. И жанр есть такой — трагифарс. И есть он не только в кино и театре, но — в жизни.

То, что сегодня прорывается из Тбилиси на наш экран, как раз и отдает фарсом с трагическими отсветами — ликующая площадь, пожилой президент, бегущий от сотни разгневанных мужчин, готовых днями и ночами слушать зажигательные речи харизматических ораторов».

Журналист апеллирует к аудитории (дискурс — это слово, всегда сориентированное на диалог), составляя внутри текста узнаваемые вешки — «холмы Грузии», «сотня разгневанных мужчин», «дни и ночи», «сотворили кумира», «новый мессия».

Интерактивное начало текста очевидно — читатель реально втянут в систему «художественно-эстетических» ассоциаций. Но они — фон, оттеняющий существо авторской оценки происходящего: «Грузинский народ, однажды обратив тоталитарный режим в шутку, теперь по инерции пытается обернуть в нее демократию».

Нет никакой «революции роз» — есть реальная угроза установления тоталитарного режима в Грузии.

Сотворение кумиров продолжается.

Выкопанный в «Покаянии» труп Варлама Аравидзе на свалку (как в фильме) вовсе не выброшен.

В день восьмидесятилетия Алексея Аджубея Эд.Поляковский в своей статье «Пять принципов Алексея Аджубея» напомнил о них со слов Александра Волкова, спецкора по Алтаю:

«1. Газета — это собеседник, который должен не навязывать читателю свою точку зрения, а побуждать читателя к собственным размышлениям.

2. В каждом номере должна быть «бомба», гвоздь.

3. Журналист должен писать о том, что самому интересно (а значит, и читателю).

4. Надо слушать, о чем говорят и спорят люди и немедленно откликаться.

5. Адрес материала, как и адрес издания, должен быть точен»⁴.

Сформулированное сорок лет назад не утратило своего значения и сегодня.

«Связь времен» не прервалась. Это вселяет надежду.

Примечания

1. Три четверти россиян за цензуру // Известия. 2004. № 5. 15 янв.

2. Манаенко Г. Н. Осложненное предложение в языке и речи. Очерки по теории и методологии исследования. — Ставрополь, 2003. С. 95

3. Там же. С. 95

4. Известия. 2004. 5 янв. С. 7

г. Вооронеж.

Г. В. Чевозерова

Элементарный анализ общества как системы: универсальная активная личность — структурный элемент гражданского общества

Статья первая

Рассматривая общество как систему, необходимо начать ее системный анализ с анализа элементов, из которых она состоит. Элемент системы, как известно, это самое мелкое из возможных ее составляющих, далее неделимое при данном способе анализа. Таковым в обществе, безусловно, является человек. А когда речь идет о максимально устойчивом формировании, то есть о таком типе общества, который мы называем гражданским, то в качестве его элемента мы рассматриваем активную универсальную личность.

И нас естественно в первую очередь интересуют онтологические корни, сущность понятия «**универсальная личность**». Для выяснения этой сути обратимся, прежде всего, к философской антропологии как «науке о сущности и сущностной структуре человека, о его основных отношениях: к природе, обществу, другим людям, самому себе, о его происхождении, о социальных и метафизических основаниях его существования, об основных категориях и законах его бытия»¹. Не претендуя на полный анализ, остановимся на фундаментальных характеристиках человека.

Сущностные характеристики человека

В чем же выражается *своеобразие человека*, каковы его *сущностные характеристики*?

1. Чтобы описать какой-либо предмет или явление, необходимо определить его сходства и отличия от других окружающих его предметов или явлений. Человек принадлежит к биологическому типу существ, и в этом состоит его видовое сходство. О своеобразии человека свидетельствуют его отличительные качества. Еще Лейбниц говорил, что главное отличие человека от животного мира заключается не столько в обладании сознанием (ибо и высшие животные обладают практической интеллигенцией), сколько в обладании **самосознанием**. Личность способна сознавать не только окружающий мир, но и самое себя. Левицкий пишет, что «способность объективировать себя, соблюдать дистанцию по отношению к себе составляет одну из основных особенностей личности. Только личность может иметь

собственную судьбу, осознавать себя тождественной себе при всех внешних и внутренних изменениях»².

Самосознание — весьма непростая задача для человека. Ученые, исследующие биоэнергетические свойства человека, отмечают, что человеческое подсознание обладает значительно большими сведениями, чем само сознание. И прочесть собственное внутреннее содержание человеку удастся лишь в малой степени в силу очевидного несовершенства его чувственных способностей. Помочь ему в этом практически некому, потому что информацию о себе, поступающую от других, он воспринимает с еще большим сомнением, чем, скажем, собственные интуитивные ощущения. Гораздо больше он доверяет электронным приборам, с помощью которых можно измерить параметры работы его физического тела. В какой-то степени (весьма незначительной) они характеризуют и уровни духовной жизни индивида.

Намного больше информации имеет человек о других людях, группах людей и еще больше — об обществе в целом. Чем крупнее группа, тем больше сведений, потому что они появляются в результате познавательных усилий не одного человека, а множества людей. Такая информация выступает солидным статистическим фактом, на основе которого возможны научные выводы о типах людей, отношениях, тенденциях развития и т. д. Эти знания позволяют человеку самостоятельно производить некую идентификацию себя с известными типами и таким образом, возможно, продвигаться в самопознании. И все равно человек сам для себя был и остается самой большой тайной.

Нерешенность задачи не означает отсутствие стремления ее решить. Думается, что тайна самопознания едва ли не самая манящая из всех нами неразгаданных тайн. Недаром именно о самоидентичности как непрременном условии бытия и вечного совершенства мечтал Чехов: «Как, в сущности, если вдуматься, все прекрасно на этом свете, все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве»³. Осмысление сути своего достоинства, безусловно, отличительная черта человека.

Такой вид информационной деятельности, как журналистика, конечно, способствует реализации

описанной задачи, ведь первое, что делают СМИ для своей аудитории — организуют коммуникацию. А коммуникация, согласно философскому словарю, — это «общение, при помощи которого «Я» обнаруживает себя в другом»⁴.

2. Однако следует отметить, что самосознание вообще становится возможным лишь потому, что личность обладает такой степенью внутренней свободы, которая может быть названа «**свободой воли**». Свобода воли — вторая сущностная черта человека. Благодаря ей личность может противопоставлять себя не только внешнему миру, но и своим собственным влечениям.

Отсюда выводится, по мнению антропологов Губина и Некрасовой, такая фундаментальная характеристика человека, как **непредопределенность**⁵. Наша жизнь зависит от столь многих внешних обстоятельств, что почти невозможно с высокой степенью вероятности определить, как и под влиянием чего выстроится наша судьба. Но это лишь внешняя зависимость.

Если мы живем самобытно, то мы не должны тотально зависеть от внешних обстоятельств, потому что внутренняя необходимость диктует нам при любых обстоятельствах жить, не нарушая своей самобытности, своей идеи, своих принципов. Причем, сами эти принципы выстраиваются нами под влиянием нашей воли. Это не догматизм и не фанатизм, поскольку при этом не исключается развитие своих идей и уточнение принципов, исключается лишь возможность отказаться от них без должных на то оснований, под влиянием лишь внешних обстоятельств или внутренних подсознательных влечений. Человек с внутренней мотивацией жизни, действительно, не предопределяется внешними событиями и довольно стоек относительно внутренних соблазнов. В философии существует понятие «собранный человек». Это тот, кто в каждом своем деле присутствует весь, со всеми своими принципами и идеями, однако при этом ни к какому одному делу весь целиком он не сводится.

Систему взглядов и идей философский словарь также называет идеологией. Широчайший спектр индивидуальных, групповых и общечеловеческих идеологий представляют своей аудитории средства массовой информации. Если эта работа выполняется журналистами для достижения широкой гуманитарной, а не узкополитической цели, то СМИ оказывают человечеству серьезную услугу, помогая формированию его сущностных качеств.

3. Необходимо особо подчеркнуть, что наличие свободной воли позволяет личности представляться **своеобразной, неповторимой** при всей своей общей видовой сущности. Ученые отмечают видоспецифичность животного и, в отличие от него, неспецифичность человека. А. С. Арсеньев в подтверждение этой мысли приводит простейший, но весьма убедительный пример. Если животное родилось тигром, тигр непременно будет охотиться за добычей, когда вырастет. Если оно родилось козленком, то будет щипать траву. И никто не сможет убедить или заставить эти

разные особи поменяться ролями. Человек же от рождения, подчеркивает Арсеньев, «не предназначен ни к какой определенной ограниченной форме деятельности и жизни. Но именно благодаря этой свободе, заранее непредназначенности к конечному, он в принципе может освоить все, что угодно, любую форму жизни и деятельности. Список его способностей и возможностей оказывается неисчерпаемым»⁶. Аналогично неисчерпаемыми по своему разнообразию окажутся и само содержание, и формы его жизнедеятельности. Широко и грамотно реализуемая культурно-просветительская функция СМИ позволяет развернуть перед аудиторией, по выражению Е. П. Прохорова, «панораму текущей жизни общества, образ современности»⁷. И эта панорама, в совокупности с идеологическим плюрализмом способна убедить человека в его широких потенциальных возможностях, а также многообразии способов самореализации, проявления содержательной человеческой сущности.

4. Своеобразие и неповторимость личности обеспечивают ее **незаменимость**. Незаменимость выражается в том, что каждый человек должен найти свое дело, ради которого он пришел в мир и которое кроме него никто другой не сделает. Вбивать гвоздь, писал Г. Торо, надо так прочно, чтобы, и проснувшись среди ночи, можно было думать о своей работе с удовольствием, чтобы не стыдно было за работой взывать к Музе. Тогда и только тогда Бог тебе поможет. Каждый вбитый гвоздь должен быть заклепкой в машине Вселенной, и в этом должна быть и твоя доля⁸. Данное высказывание коррелируется с представлениями о «сбранном человеке», описанном выше, который каждое свое дело делает всей своей сутью на основе полного комплекса своих принципов. И тогда, естественно, продукт его труда, а значит, и место в общественном процессе будет особенным.

Отсюда уже ясно, что каждый человек уникален и неповторим. Но только тут, отмечают Губин и Некрасова, мы встречаемся с интересным парадоксом: чем более оригинален и неповторим человек, тем он нам ближе и понятнее. Ведь в глубине своей сущности мы все одинаковы. И там, где человек в своих творениях достиг глубины общечеловеческого, прорвался сквозь национальную или социальную ограниченность, — там он всем живущим понятен и близок. Чем более неповторим, тем более и близок, тем более похож на нас, какие мы есть или мечтаем стать. Этот парадокс лишь подтверждает вывод о том, что отличительность непременно базируется на общности и образует вместе с ней органическое единство, онтологически обусловленный сплав⁹.

5. Своеобразие, неповторимость и незаменимость как сущностные черты человека ближе всего подводят нас к пониманию его универсальности. Об универсальности человека говорит такая его характеристика, как **несводимость** человека к чему бы то ни было или какому-либо одному его унифицированному свойству. Губин и Некрасова не только формулируют эту фундаментальную характеристику ин-

дива, но и выделяют характерные для людей типы игнорирования собственной природной данности. Такой подход позволяет обозначить точку зрения и произвести ее научную верификацию реальной человеческой практикой.

Сведение человека к чему-либо закрывает путь к пониманию человеческой природы, к устойчивому личностному и общественному развитию. Антропологи выделяют три типа отождествления: «отождествление человека с общественным положением, профессией, социальной ролью; отождествление со своими потребностями, часто искусственными и излишними; отождествление себя с самим собой, со своим психологическим образом, сложившемся в результате приспособления к каким-либо жизненным обстоятельствам»¹⁰.

Чаще всего подобное *сведение себя к какому-либо делу или профессии* человек оправдывает, называя такое поведение страстью, энтузиазмом, воодушевлением, а иногда даже долгом. Он считает, что ту или иную работу можно выполнить, только отдаваясь ей целиком. Но на самом деле он просто теряет свой универсализм, что в конечном итоге отрицательно сказывается и на самой работе, которой он так преданно служил. Дело не в том, чтобы стать кем-то, а в том, чтобы в любой профессии оставаться самим собой — человеком. Часть, то есть профессия как часть жизни, сколь угодно значительная, — это все же не целое, не вся жизнь.

Вторая проблема, закрывающая человеку путь к познанию своей природы, формулируется как *идентификация себя со своими потребностями*, причем, чаще всего с материальными. Но быть или иметь — это не одно и то же. Человек часто стремится не приспособиться к условиям жизни, а слиться с ними. Такое явление называется «мимесис». Он был характерен для примитивных человеческих обществ, а теперь наблюдается в развитых индустриальных странах с высоким уровнем жизни и наукообразной деятельностью управляющей бюрократии. В этом случае человек отказывается от самобытного бытия, потому что ему гораздо легче удовлетворять свои потребности, уподобившись среде. А удовлетворение потребностей волнует его больше, чем полное проявление своей человеческой сущности. Потребности начинают играть телеологическую роль, и уже не целостное, а только материальное начало человека формирует его бытие.

Аналогично обедняет человека и добровольное сведение самого себя к одним лишь духовным потребностям, ибо тогда продолжение рода человеческого вообще становится сомнительной перспективой. В этом случае часто происходит и существенный отрыв личности от обыденного, земного существования, что порождает для нее проблемы взаимодействия с окружающим миром. Человек начинает жить в некоем узком кругу себе подобных или вообще создает для себя некий виртуальный мир. В результате практика как единственно неоспоримый критерий истины не используется им для верификации его теорий.

Есть и еще одна весьма распространенная форма сведения человека — это *сведение его к своему идеальному образу, которому он, как правило, не соответствует*. Человек создает собственное представление о себе, чаще всего положительное, и глубоко проникнутый самоуважением, становится обидчивым и ревнивым. Ему кажется, что весь мир его недооценивает, а фактически он сам постоянно лжет себе. И, конечно, это закрывает пути к его развитию. Чтобы такого не происходило, Г. Гурджиев, например, предлагал «смотреть на себя как на полное ничтожество, и только тогда начинается «просыпание», нужно перестать быть интересным человеком, нужно перестать лгать. Интересным считается тот, кто хорошо лжет. А когда человек «просыпается» — ему становится стыдно лгать. Он начинает понимать, что становится нечто, чего он не знает и не понимает, он начинает постигать, что собственная мысль, собственная идея никогда не приходит просто так, а всегда есть результат неимоверно тяжелого труда. И еще не известно, способен ли он на такой труд»¹¹.

Попытка сведения человека к чему-либо — нередкое явление в нашей жизни. Иногда оно представляется людям полезным для развития их личности, в то время как на самом деле закрывает разноплановые пути развития, сужает горизонты. Обсуждение этих проблем с помощью журналистики — самой оперативной и массовой информационной системы, активно формирующей сознание личности, позволяет держать руку на пульсе современной жизни в информационном обществе, стимулируя полноценное бытие этого пульса.

6. Несводимый к чему бы то ни было одному человек неизбежно будет обладать такой фундаментальной характеристикой, как **невывражимость**. Объяснить нечто можно лишь через другое, именно так и поступают авторы словарей. Но как объяснить, что такое человек, если он ни к чему одному не сводится? Человека можно понять и описать только косвенно, по продуктам его творчества. Таким образом, познание и выражение самих себя и составляет основное содержание человеческой истории. Каждый человек, как мы уже говорили, потенциально универсален, и поэтому его самовыражение может быть столь бесконечным, сколь бесконечным окажется путь к совершенству. Вера в свою потенциальную универсальность может выступать для личности ее вечным внутренним двигателем, ее телеологической (смыслообразующей) детерминацией. Журналистика с ее историческим принципом и динамическим подходом к анализу происходящего, с ее художественно-публицистическим потенциалом может и должна выступать отражением процесса формирования целеполагания человека и процесса реализации его универсальной сущности.

Естественно, при этом всегда будет возникать вопрос: откуда же берутся неограниченные способности и возможности человека? В психологии существует два основных направления, два взгляда на истоки их формирования. Первый утверждает, что врожденных способностей у индивида нет, все они фор-

мируются в процессе его жизнедеятельности. Человек, как выражались французские материалисты XVIII века, это *tabula rasa* — чистая доска, на которой жизнь будет записывать некое содержание в виде знаний, способностей, навыков. Представителями этого направления были большинство советских психологов, в частности А. Н. Леонтьев.

Такая точка зрения исключала изначальную индивидуальную предназначенность человека и даже, напротив, провозглашала равенство индивидов. Получается, что любого человека можно вписать в существующую систему общественных отношений, сформировать под нее и для нее. Именно так и создавался так называемый новый тип — советский человек. Своеобразие личности и ее неповторимость как сущностные характеристики индивида, таким образом, существенно ограничивались внешними рамками, размеры которых были отнюдь не бесконечными и определялись потребностями данной общественной системы.

Другая позиция психологов была представлена С. Л. Рубинштейном. Она берет свое начало еще от Платона, который считал, что все способности и все знания у человека есть с рождения, но они не проявлены. Общение с внешним миром дает человеку толчки, благодаря которым он вспоминает свои знания и обращается к заложенным в него возможностям. Основание этой теории воспоминания Платон приписывал своему учителю — Сократу.

Эта идея постоянно звучала в истории. К. Маркс, например, говорил, что «человек извлекает из себя» свои родовые силы и способности. Н. А. Бердяев писал об «общей гениальности» человека, имея в виду, что практически в каждом индивиде есть некие задатки, способности к творчеству как таковому просто потому, что он Человек. Идея потенциальной универсальности личности нашла свое обоснование и в космической, и в органической философии.

Однако, признавая генетическую природную и родовую данность личности, не стоит полностью игнорировать влияние внешнего мира на формирование ее способностей. Внутренние и внешние процессы неизбежно взаимодействуют между собой, составляя единое целое. При этом, как мы уже говорили, целое влияет на содержание частей, но не уничтожает их характерные особенности. Поэтому, отдавая дань неизбежному влиянию внешней среды на формирование личности, ее общественной сущности, мы вместе с тем вправе говорить и об индивидуально-личностном самовыражении, а также о невыразимости, которую следует понимать не как принципиальную невозможность выразить разнообразные способности человека, а как бесконечность этого процесса.

Постоянное самовыражение требует от человека не только желания, но и мужества, поскольку при этом личность неизбежно подвергается внешнему давлению, далеко не всегда благостному для нее. У Чехова есть рассказ, который можно было бы привести здесь как иллюстрацию к прозвучавшему тезису. Некий чиновник, сидя на работе, задумался и маши-

нально стал что-то чертить карандашом на листе бумаги. И вдруг неожиданно у него получился портрет девушки, которую он когда-то любил. Еще попробовал рисовать своих знакомых — и вскоре убедился, что в нем живет прирожденный художник. Он испугался, что загубил в себе талант. Стал думать об этом и испугался еще больше. Зачем ему этот талант? У него благополучно сложилась жизнь: удачная карьера, хорошая семья, высокий общественный статус, всеобщее признание... Словом, очень хорошо, что он не знал о своих способностях раньше.

Но как же замечательно, что не все люди так-вы! Иные способны, открыв в себе новые возможности, презреть любые блага во имя их развития. В том и проявляется истинная человеческая сущность, своеобразие и незаменимость личности. При этом такие люди вовсе не утрачивают свою связь с Миром как чем-то целостным, напротив, они обретают внутреннее ощущение Мира, что создает исключительно благоприятный фон для личностного развития, проявления всего спектра способностей.

Особенно ярким подтверждением того, что человек был и остается непроявленной сущностью, можно считать проявление у него паранормальных способностей, которые и сегодня представляются неразгаданными тайнами человеческой психики. Да и разгадывать их находится мало желающих. Значительное время посвятил изучению этих явлений А. С. Арсеньев. В своей книге «Философские основания понимания личности» он отмечает, что люди с новоевропейским здравым смыслом готовы изучать нечто неведомое в том случае, если его хоть как-то удастся свести к чему-либо ранее известному. Но они не готовы изначально поверить в то, что никак не могут себе объяснить, хотя и видели сие собственными глазами. Они скорее поверят в невероятные объяснения, чем в очевидное невероятное. Поэтому большинству легче утверждать, что любые паранормальные способности — это какое-нибудь факирство или шарлатанство, но только не таинственная человеческая сущность. Даже наука, изучающая эти редкие проявления человеческой психики, получила уничижительное название парапсихологии (приставка «пара» означает «около») — околonaучные исследования.

Убедительным примером недоверчивого отношения к проявлению людьми необычных способностей может служить история некоего Ури Геллера, о которой рассказывает Арсеньев. В массовой печати прошла информация о способности Геллера гнуть и ломать металлические предметы взглядом. По телевидению продемонстрировали наглядно, как именно это происходит. После чего один физик высказал предположение, что Геллер мошенничает. Он, дескать, просто очень быстро и ловко преодолевает расстояние до предмета (несколько метров), ломает предмет и возвращается обратно. Никто даже не успевает заметить его манипуляций. По правилам механики легко можно было бы посчитать, какая сила и скорость в таком случае должна быть у человека. Грубые подсчеты показывали, что понадобится сила

порядка нескольких тонн. Так вот физик (!) готов поверить, что человек может мгновенно развить такую силу, но не готов поверить, что он действительно взглядом ломает металлический прут¹².

Думается, прежде чем бесосновательно отрицать необъяснимое, стоит попытаться изучить его, понять природу таинственного явления? В 70-х годах в Институте общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР существовала лаборатория резервных возможностей человека, которую возглавлял В. Н. Пушкин. Фактически она занималась парапсихологией, но, поскольку это слово было ругательным, ее название формулировалось иначе. Лаборатория провела массу интереснейших экспериментов и наблюдений, доказывающих существование парапсихических явлений.

И вот, наконец, в 1978 году была создана специальная научная комиссия, возглавляемая академиком Ю. Б. Кобзаревым из Института радиотехники и электроники Академии наук СССР, для проверки существования парапсихических феноменов. Комиссия работала долго и пришла к выводу, что такие явления существуют. Тогда Пушкин предложил Кобзареву заняться их совместным изучением. На что Кобзарев ответил: «Я думаю, что пока физическая и физиологическая основа этих и других явлений, описываемых «парапсихологией» не выяснены, их психологическими аспектами заниматься бесполезно»¹³.

Письмо академика Кобзарева ярко демонстрирует материалистическое мировоззрение с механическим, а не органическим способом мышления. Любые исследования должны начинаться с каких-то частей, по возможности элементарных, чтобы потом из них строить некую конструкцию целого. Элементарными частицами занимается физика, она — наука фундаментальная, вот она и должна стать основанием всех других наук. Тогда психология может быть сведена к физиологии, а та — к биологии — биохимии — физике.

Философское же размышление, наоборот, начинается с всеобщего (человек как целое) и идет вниз, рассматривая низшие слои его жизни сквозь призму высших. «С самого начала антропогенеза, — пишет Арсеньев, — а также и в индивидуальном развитии человека это развитие состоит в том и предназначено к тому, чтобы подчинить все «низшие» этажи его существ, включая физиологию, высшим этажам, то есть духу и мысли, и эта его предназначенность заложена в него с самого начала как возможность, которую он должен реализовать, превратив в действительность в процессе своего онто- и филогенеза»¹⁴.

Люди по сути дела потому и не верят в потенциальную универсальность человека, что в его изучении идут не от понимания личности в целом, а составляют ее по частям как из механического конструктора. Универсальность предстает как некая сумма качеств, а не их сплав, материальное и духовное начала личности не проникают друг в друга, не имеют общей основы в целом. Такая личность легко управляется, если не сказать манипулируется, со стороны путем воздействия на ее различные свойства.

Бердяев называет злом разложение целостности личности, потому что разложившиеся части ведут автономное существование¹⁵.

Целостность и целенаправленность как детерминанты развития утрачивают свою роль, а процесс эволюции универсальной личности начинает носить хаотичный, спонтанный, вероятностный характер. Целенаправленность все более формируется внешними факторами, а не внутренними свойствами и потенциями человека.

7. Именно механический способ анализа личности может привести к серьезной недооценке еще одной фундаментальной, сущностной характеристики человека, которая отличает его от остального биологического мира, — это **наличие в структуре его мышления некоего сверхсознательного уровня**. Телеологическая детерминация была бы невозможна для человека, если бы он не имел такой существенной особенности, как **присутствие в его сознании наряду с понятием «блага» понятия «ценности»: личные, групповые, общественные, абсолютные**. В сочетании неповторимо личного и направленности на сверхличное и сверхобщественные ценности заключается парадоксальное строение личности. Личность и индивидуальна, и универсальна; она есть «индивидуальное зеркало вселенной»¹⁶.

В строении личности принято выделять три иерархические соподчиненные сферы: подсознание, сознание и сверхсознание.

Подсознание содержит биоорганический инстинкт самосохранения, психоорганическое стремление к наслаждению, психическое стремление к самоутверждению. Эти влечения безличны и стихийны, они не владеют сознанием, но даны ему как материал.

Сознание — духовный центр человеческой личности. Оно стремится придать разумную целенаправленность подсознательным влечениям. Но подсознательные влечения также способны внушить сознанию рациональные доводы в свою пользу. Постоянная борьба сознания и подсознания — это борьба между цензурой сознания и хитростью подсознания.

Сверхсознание — источник моральных императивов и творческих вдохновений. Сознание может вытеснять как подсознание, так и сверхсознание, так как и то и другое обладают характером некой данности, в то время как сознание — собственно личностное образование.

Сознание, закрывающее пути сверхсознательному в силу сиюминутной неспособности его постичь, искусственно замедляет, а иногда и ограничивает формирование универсальной личности.

А. С. Арсеньев считает, что «одно из исторических значений христианства... состоит в том, что оно попыталось освободить человека от йоговского пути, то есть медленного движения вверх через различные промежуточные слои бытия. С помощью своих принципов, и в частности принципа христианской любви, христианство пытается забросить человека сразу на самый верх, когда все промежуточные слои оказыва-

ются иерархически ниже его и тем самым у него в подчинении»¹⁷.

Таким образом, сверхсознание открывает пути личностного развития. Бердяев писал: «Личность предполагает существование сверхличного. Личности нет, если нет ничего выше личности. Тогда личность лишается своего ценностного содержания, которое связано со сверхличным. Личность прежде всего смысловая категория, она есть обнаружение смысла существования»¹⁸.

Духовная сторона жизни человека

Рассуждая о сущности активной универсальной личности, мы до сих пор старались сконцентрировать свое внимание на внутренних качествах человека, присущих ему от рождения, отличающих его от окружающей среды и проявляемых им по собственной воле. Однако человек живет не сам по себе, он взаимодействует с другими людьми, вступает в так называемые внешние связи, обретая при этом новые характеристики. Как мы уже отмечали, внешняя среда никогда не оставалась в стороне от формирования личности, а значит, всегда вставал вопрос о сущности и масштабах ее влияния.

Бердяев — наиболее яркий защитник персоны — писал: «Реализация личности всегда предполагает самоограничение... выход из себя в другого... Эгоцентризм разрушает личность, он есть величайшее препятствие на путях реализации личности. Не быть поглощенным собой, быть обращенным к «ты» и к «мы» есть основное условие существования личности»¹⁹.

Выход к «ты» философ понимает как общение, основанное на духовной общности. Он считает, что духовно личность не одинока. Одиночество начинается там, где общение переходит из области духа в объективную реальность, где человек становится объектом. Там общение превращается в сообщение, не имеющее духовного родства. Это уже общение не «я» — «ты» или «мы», а «я» — «оно».

И тогда все меняется: «Общество есть большой круг... бесконечно большая сила, чем личность. Но количеством, числом и силой не решается вопрос о ценности. Изнутри, экзистенциально, из духа все перерождается. Не личность есть часть общества, а общество есть часть личности, одно из ее качественных содержаний на путях ее реализации. Личность есть большой круг, а общество есть малый круг. Личность лишь частично принадлежит обществу. Винэ хорошо говорит, что общество есть не весь человек, а лишь все люди»²⁰.

Получается, что независимо от величины группы, с которой контактирует человек (семья, коллектив, класс, государство), неизбежно происходит тирания над личностью. «Противоречие и конфликт личности и общества не оказывается преодоленным ни в одной из ступеней социальных сообщений и группировок. Он принадлежит к вечному трагизму человеческой жизни. Противоречия и конфликты клас-

сов могут быть побеждены и преодолены, но не противоречия и конфликты личности и общества»²¹.

Отсюда следует вывод: никто (ни семья, ни друзья, ни общество в целом) не должны устанавливать и регулировать отношения человека в области духа. Эти отношения личность определяет только по собственной воле! «Восхождение человека, освобождение его от подавленности миром объектов — есть замена родовых связей людей связями по духу, то есть связями личными», — к такому выводу приходит философ. И вместе с тем он же провозглашает: «...нужно принять историю, нужно принять культуру, принять и этот ужасный, мучительный, падший мир»²².

Таким образом, противоречие частного и общественного, определяющее развитие личности, неизбежно в любом обществе. Разница лишь в том, сколь абсолютные формы принимает этот конфликт. Так, например, российская интеллигенция во второй половине XIX века (Белинский, Некрасов, Чернышевский, Писарев и др.) и в первые десятилетия XX в. (официальная идеология советского государства) исповедовала служение установке на ускоренную революционную переделку общества и бытия в целом, своего рода «социальный титанизм». Это, разумеется, требовало полного подчинения частной жизни обществу.

А сегодня мы имеем полную противоположность этой идее — идею неслужения, то есть не только приоритет частной жизни над общественной, но и полный отказ от каких-либо личных действий в пользу последней. Обе крайности закрывают путь к формированию и реализации личности. Человек оказывается в клетке, выстроенной для него снаружи или же им самим изнутри — невелика разница. Крайности всегда неонтологичны, нежизнеспособны. Российская ментальность колеблется между ними. И все больше следуя закону двойного отрицания-снятия, порождает и укореняет в себе синтезированную идею общественного служения. Но только путь этот чрезвычайно сложный, хотя и нельзя сказать, что новый, незнакомый.

Причину сложности, например, В. Ф. Шаповалов видит в «отрыве народной ментальности от самых высоких достижений отечественной культуры»²³. К сожалению, имелись в наличии, но не были восприняты в России даже интеллигенцией, не то что народом, идеи Пушкина, Достоевского, Бердяева, Соловьева, Франка, Солженицына. И это при всенародной-то любви к Пушкину! Его знали многие, но поверхностно. О его философских идеях в полный голос заговорили лишь в XX веке, да и то те, кому пришлось впоследствии жить и работать за границей: Мережковский, Розанов, Шестов, Гершензон, Булгаков, Ильин, Федотов, Франк и др.

От современного в эпоху Пушкина мировоззрения либерализма поэта отличается особый акцент на свободе и достоинстве личности. Либералы требовали допустить всех граждан к активному участию в управлении государством и обществом, то есть сделать буквальной власть народа. Пушкин же считал, что это приведет к катастрофе, полному разрушению го-

сударства. Он разрабатывал идею необходимости духовно-культурной элиты.

Прежде всего, Пушкин постоянно подчеркивал значение принципа духовной независимости личности, недопустимость вмешательства государства в личную жизнь, в духовный мир личности. Ведь именно личность есть творческий элемент общественной жизни, и в этом ее основная общественная роль. В глубинах души отдельной личности, а не в массе рождаются творческие замыслы, идеи, проекты. «Пушкин хорошо понимал, — пишет Шаповалов, — что власть нуждается в идеях, которые она не в состоянии выработать самостоятельно, сколь бы ни была уверена в обратном. Кроме того, в структурах власти всегда бывает немало людей случайных, для которых национальные интересы России значат меньше, чем собственные карьерные, корыстные соображения. Такие люди рассматривают эту страну в качестве плацдарма для достижения личных целей или полигона для рискованных экспериментов»²⁴.

Но не менее диктата власти Пушкин опасался диктата толпы, массы, навязывающей автору низкопробные вкусы. Мотив противопоставления поэта, мыслителя, художника «черни» — один из сквозных мотивов поэзии Пушкина. Он понимал, что господство усредненных представлений и ценностей могут низвести и личность, и целую страну до крайне низкого и жалкого существования. Заботясь о благе народа, надо иметь мужество не приноравливать свое творчество к количественно преобладающим воззрениям. Авторы сборника «Вехи» (1909 г.) отмечали, что из правильного тезиса защиты интересов народа, из сочувствия к «униженным и оскорбленным» немалая часть русской интеллигенции сделала вывод о совершенной правоте народа во всех вопросах, в том числе и тех, которые требуют для своего разрешения соответствующей подготовки, высокого уровня культуры. Такой взгляд был охарактеризован в сборнике как «народопоклонство».

В ком же видел духовно-культурную элиту Пушкин? Желая видеть Россию в тесной духовной связи ее прошлого, настоящего и будущего, роль элиты он отводил родовому дворянству. В отрывке «О дворянстве» он писал: «Нужно ли для дворянства приуготовительное воспитание? — Нужно. — Чему и как учиться дворянству? — Независимости, храбрости, благородству, чести вообще. — Не суть ли сии качества природные? — Так, но образ жизни может их развить, усилить или задушить. — Нужны ли они в народе, так же как, например, трудолюбие? Нужны, и дворянство — la sauvegard (защита — авт.) трудолюбивого класса, которому некогда развивать сии качества»²⁵.

Однако главным критерием для Пушкина была не принадлежность к дворянству от рода, а наличие ценностных установок личности. И в этом мысль Пушкина совпадает с размышлениями Ортеги-и-Гассета и Г. Федотова о духовно-культурной элите.

«Всякий, кто не утратил мужества сохранять нормальные человеческие понятия, такие как честь, дружба, верность данному слову, родина, семья, до-

машний очаг, почитание старших, родителей и предков, кто готов служить истине, а не пресмыкаться перед «сильными мира сего», кто верит в добро, красоту, милосердие, сострадание и другие «вечные» ценности, может отнести себя к духовно-культурной элите, — обобщает Шаповалов. — Не по приобретенным научным знаниям, не по числу выпущенных книг, не по образованности, а по чистоте устремлений, по душевной самоотверженности во имя правды выделяется духовно-культурная элита. Важно отчетливо осознавать, что таким людям суждено оставаться в меньшинстве, в мире количественного преобладания пошлости, развязности, утраты смысловых ориентиров. Однако для общественной жизни, как и для ряда природных процессов, важна «закваска». Задача духовно-культурной элиты отнюдь не в борьбе, а в том, чтобы честно делать свое дело, сохраняя в обществе островки здравого смысла и трезвости духа в противовес наступающему со всех сторон океану духовного оскудения»²⁶.

Такое понимание роли элиты вовсе не создает какой-либо исключительности для нее и вокруг нее. Бердяев предупреждал, что это совершенно необоснованно — заботиться о том, чтобы лишь какая-то часть людей могла выдвинуться из общей массы и реализовать в обществе свои сущностные человеческие черты. Такую возможность должен иметь любой человек. Потому что, как пишет Солженицын, «государственное устройство второстепеннее самого воздуха человеческих отношений. При людском благородстве — допустим любой добропорядочный строй, при людском озлоблении и шкурничестве — невыносима и самая разливистая демократия. Если в самих людях нет справедливости и честности — то это проявляется при любом строе»²⁷.

Духовно-культурная элита может помочь всем желающим в их личностном становлении, выполняя роль руководящего меньшинства. П. Б. Струве писал: «Значение того, как думает интеллигенция, чрезвычайно велико... Замечательный исторический и социологический урок русской революции заключается именно в том, что она показала, с какой легкостью закрылась эта пресловутая «пропасть» (между интеллигенцией и народом — авт.): идеи интеллигенции поразительно быстро проникли в народные массы и действительно заразили их. В силу этого ответственность интеллигенции за свое «умоначертание» чрезвычайно велика. Оно перестало быть просто интеллигентским делом»²⁸.

И это дело получило название «формирование независимого общественного мнения». Оно независимо от внешних обстоятельств, оно суть выражение внутренней, личностной убежденности человека, продиктованное его собственной волей, проявляющей и развивающей его личные способности. Появление такого мнения Пушкин связывал, прежде всего, с деятельностью прессы. Именно поэтому он так стремился основать свой собственный печатный орган («Литературная газета», «Современник»). Он мыслил свой журнал в качестве связующего звена между обществом и государственной властью. В этом

положении было гуманистическое содержание его общественной жизни, ее гражданский смысл.

Средства массовой информации не только во времена Пушкина, но и сегодня нуждаются в гражданских смыслах деятельности. По своей онтологической природе они способны осуществлять огромное влияние на формирование и проявление существенных качеств человека, на его духовную и материальную жизнь. И если о духовной стороне человеческой жизни мы вели разговор в данной статье, то о материальной — речь еще впереди.

Примечания

1. Губин В., Некрасова Е. *Философская антропология*. — М.: Университетская книга, 2000. С. 9.
2. Левицкий С. А. *Свобода и ответственность*. — М.: Посев, 2003. С. 130.
3. Чехов А. П. *Дама с собачкой*. — М.: Художественная литература, 1983. С. 226.
4. *Философский словарь*. — М., 1980, С.161.
5. Губин В., Некрасова Е. *Философская антропология*. С. 164—166.
6. Арсеньев А. С. *Философские основания понимания личности*. — М.: АCADEMA, 2001. С. 151.
7. Прохоров Е. П. *Введение в теорию журналистики*. — М.: РИП-холдинг, 2002. С.8.
8. Торо Г. *Уолден, или жизнь в лесу*. — М., 1979. С. 7.
9. Губин В. Д., Некрасова Е. Н. *Философская антропология*. С. 168.
10. Там же. — С. 161.
11. Цитируется по Губину В. Д., Некрасовой Е. Н. - *Философская антропология*. С. 164.
12. Арсеньев А. С. *Философские основания понимания личности*. С. 162-163.
13. Там же. С. 166-168.
14. Там же. С. 168.
15. Бердяев Н. *Дух и реальность*. — М.: Фолио, 2003. С. 132.
16. Лейбниц Г. В. *Размышления относительно учения о едином всеобщем духе*. Соч.: В 4 т. — М., 1982. Т.1. С. 368.
17. Арсеньев А. С. *Философские основания понимания личности*. С. 177.
18. Бердяев Н. *Дух и реальность*. С. 127.
19. Там же. С. 131-132.
20. Там же. С. 141.
21. Там же. С. 146.
22. Там же. С. 140, 155.
23. Шаповалов В. Ф. *Россиеведение*. — М.: Гранд, 2001. С. 407.
24. Там же. С. 425.
25. Цит. по: Анненков П. В. *Пушкин в Александровскую эпоху. Общественные идеалы Пушкина*. — Минск, 1998. С. 241.
26. Шаповалов В. Ф. «Россиеведение». С. 420—421.
27. Солженицын А. И. *Как нам обустроить Россию. Посильные соображения (1990)*. Цит. по «В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией». — М., 1997. С. 697.
28. Струве П. Б. *Patriotica. Политика, культура, религия, социализм*. С. 204.

г. ТОЛЬЯТТИ.

А. М. Шестерина

Аудиторный фактор функционирования полемического текста в российских печатных СМИ

Как справедливо отмечают А. И. Акопов и В. В. Тулупов¹, определенный тип издания формируется на основе не одного, а нескольких признаков. Однако по отношению к исследованию полемического текста аудиторный фактор представляется наиболее значимым, поскольку совершенно очевидно, что диалог развивается по-разному между представителями разных социальных слоев общества, разных полов и разных возрастных групп. Здесь, как и в типологии русской прессы в целом, необходимо подчеркнуть наметившееся в последнее время усложнение структуры СМИ. Так, Е. Л. Вартанова среди основных факторов влияния на российскую медиасистему в 1990-е годы отмечает «становление небольших медийных структур, направленных на удовлетворение информационных запросов узких целевых групп аудитории»². Действительно, аудиторная специализация СМИ становится все более конкретной, что приводит как к сегментации рынка, так и к трудностям для исследователей определить существенные на сегодняшний день группы прессы в контексте этого классифицирующего признака. Тем не менее, некоторые основные группы сохраняются и позволяют охарактеризовать себя как наиболее устойчивые.

Включая аудиторную модель типологии в компонентную, М. В. Шкондин предлагает различать следующие типы печатных изданий: общероссийские, межрегиональные, международные, этнических общностей, территориальных общностей, для профессиональных, производственных групп, для социальных групп, для возрастных групп, для женщин и мужчин, для родителей, для малых групп, для групп верующих, для групп населения, выделяемых по другим признакам³. В такой классификации есть один существенный недостаток — отсутствие единого классифицирующего признака. Некоторые группы выделяются по размаху циркуляции информации в информационном поле (общероссийские, межрегиональные, международные, территориальных общностей), другие — по групповому признаку (для социальных, профессиональных и производственных групп, для малых групп), третьи — по полу (для мужчин и женщин), четвертые — по возрасту (для возрастных групп), пятые — по интересам (для родителей, для групп верующих). Вместе с тем, предлагаемая классификация представляется достаточной в нашей

работе. Мы не ставим перед собой цель разработать типологическую модель СМИ, а указанные группы действительно отражают состояние исследуемой нами прессы XX и начала XXI века.

Общероссийские, межрегиональные, международные СМИ с точки зрения выстраивания полемического текста, стоят перед довольно сложной задачей — разработать универсальную диалоговую структуру. Как правило, решение этой задачи связано с несколькими параметрами, среди которых основные — частая апелляция к читателю, унифицированная стилистика, широкое использование прецедентных текстов, общедоступная тематика.

Количество полемических материалов в этом типе изданий возрастает в предвыборный период. Так, например, в специальном выпуске газеты «Сеть Плюс» из 14 публикаций 10 имеют полемический характер, а 4 включают полемический компонент в большом объеме. Сигналом высокого полемического накала материалов служат уже заголовки: «Не дадим сорвать объединение Белоруссии и России!»⁴, «Красноярская девочка написала президенту о своей нищете»⁵, «Удмуртских детей лишили школ»⁶, «Что скрывает правительство?»⁷, «Один в поле не воин»⁸, «Четыре потерянных года»⁹.

К специфике аргументации полемических текстов этого типа изданий можно отнести явное доминирование провокационных конструкций и уловок, а также частое, по сравнению с публикациями других типов СМИ, использование приема гиперболизации наряду с высоким эмоциональным фоном публикации, например: «Российское общество больно»¹⁰. С такого заявления начинается материал «Мы — патриоты». Дальнейший тон публикации соответствует первой фразе. Аудитории понятно, что ничего нового в подобном заявлении нет, и что мы слышим его особенно часто в предвыборные моменты. Однако ставка делается именно на эмоциональный компонент, который в данном случае позволяет привлечь внимание аудитории. Негативный эмоциональный фон поддерживается на протяжении всего текста, где мы встречаем следующие слова и выражения: «раскололи», «в бедственном положении», «противоречие», «угрожает», «социальными конфликтами», «экономическими кризисами», «пагубный курс», «сползание в пропасть», «критика», «вырвать», «унизительной нищеты», «неравенство», «выход из кризиса не-

возможен», «предателей», «воров», «приспособленцев». Для небольшого по объему текста такое количество негативно маркированных слов и словосочетаний показательно.

Аналогичный вариант доминирования негативной информации в предвыборный период мы встречаем и в других типах СМИ, может быть, лишь в менее выраженной форме.

Однако в исследовании полемического текста можно наметить типы СМИ, характеризующиеся другой по сравнению с общероссийской прессой спецификой. Это СМИ территориальных общностей, для социальных групп, для возрастных групп, для профессиональных, производственных и социальных групп, для родителей, для женщин и мужчин, для групп верующих. Они разрабатывают и активно эксплуатируют специфические аудиторные приемы.

Из названных групп, пожалуй, **областные и городские** СМИ приближаются к общероссийским. Но и здесь есть своя специфика.

К примеру, возьмем газету «Тамбовская жизнь» за январь 2003 года и сравним ее с газетой «Труд» этого же периода. Эти два издания могут быть отнесены к ежедневным общественно-политическим (табл. 1). Они близки по целевым и аудиторным установкам, занимают первые строки в рейтингах города Тамбова и имеют помимо обычных номеров так называемые «толстые» номера (воскресная «Тамбовская жизнь» и «Труд-7»).

Сравнительный анализ газет позволяет говорить о том, что полемика в региональной прессе в целом появляется реже, чем в центральной. Отчасти это объясняется меньшей конфронтационностью прессы выбранного нами региона вообще.

Тематически полемика в газете «Тамбовская жизнь» сосредотачивается вокруг обсуждения проблем внутренней политики и мелких (чаще бытовых) вопросов аудитории. Интересно отметить тот факт, что на уровне региона практически отсутствует срединный пласт полемических материалов: обсуждаются или международные, общероссийские проблемы, и на их почве разворачиваются серьезные дискуссии, или же обсуждается нечто незначительное, интересное с точки зрения обывателя, но не касающееся напрямую жизни региона.

К особенностям полемики региональных газет относится тенденция искусственного затягивания. Традиция эта в Советское время значительно активизировалась в конце 1920-х — начале 1930-х годов, когда был выдвинут лозунг «Спору быть!» Тогда газеты и журналы пестрили полемическими материалами, а словесные баталии, споры, дискуссии продолжались годами. Сегодня сроки полемик заметно со-

кратились (в рамках Тамбовского региона — несколько номеров), однако заметна тенденция авторов материалов продолжать спор, который уже наскучил аудитории. Так, например, полемика по вопросу о подготовке журналистских кадров в газете «Тамбовское время» заняла около месяца. И это — несмотря на то, что читателю «Тамбовского времени» по большей части нет никакого дела до журналистского образования. Аналогичен пример полемики вокруг личности директора школы № 21 г. Тамбова, продолжавшейся в течение того же срока.

Искусственное внедрение полемики, как правило, связано со стремлением региональных или городских журналистов «оживить» газетный номер, добавить ему остроты или сформировать позицию читателя по конкретному вопросу.

К особенностям полемической аргументации региональной прессы можно отнести частое использование инвективы, частый выбор эпистолярной формы, тяготение стиля к разговорному. В процессе доказательств собственной правоты авторы используют широкий спектр приемов, но при этом совершают большое число ошибок, а иногда прибегают к недобросовестным способам аргументации. Аргумент «к человеку» явно доминирует над логической формой аргументации, как, например, в упомянутых номерах газеты «Тамбовская жизнь». Если выделить тексты по доминированию в них разных способов аргументации, то разрыв между этими формами будет очевидным. Например, в январских номерах газеты «Тамбовская жизнь» за 2003 год из восьми полемических публикаций только в двух было выражено стремление к логическому подтверждению позиции, в пяти отмечалось явное преобладание эмоциональных форм аргументации. А в одной — два способа убеждения были равнопредставлены.

Далее, необходимо отметить, что и в текстах, выстроенных на логической аргументации, авторы зачастую допускают ошибки, а иногда используют уловки. Например, публикация В. Комлевой «Сколько лет править губернатору?»¹¹ — пример максимально корректного и логически выверенного текста. Однако текст как бы распадается на две, композиционно не выделенные части. В первой автор рассуждает о законодательных основах установления срока исполнения полномочий главы администрации, и здесь рассуждения логичны. Во второй части полемист доказывает, что срок правления не обязательно таков, каким его ограничили в регионе. Более того, с научной точки зрения, с точки зрения исследований механизмов управления, он должен быть продлен. Здесь реализуется собственно полемика с позицией, что губернатор должен исполнять

табл. 1

	«Тамбовская жизнь»	«Труд»
Количество публикаций за январь 2003 года	344 (21 номер)	1154 (18 номеров)
Количество полемических текстов за январь 2003 года	8	118
% полемических текстов от общего числа публикаций	2.32%	10.22%

свои обязанности в течение четырех лет. Автор опускает серьезную логическую ошибку. Он рассуждает о том, что с точки зрения теории управления третий-четвертый год правления — это период расцвета, а через пять лет наступает коллапс и застой. Потому, считает В. Комлева, срок правления нынешнего губернатора может быть продлен до 5 лет. Автор опускает тот факт, что губернатор, о котором идет речь, уже переизбирался и исполняет свои обязанности более пяти лет. А следовательно, по логике автора материала он находится в ситуации описанного В. Комлевой «коллапса» и продление срока бессмысленно. Здесь мы имеем дело с явной ошибкой в рассуждении за счет логического «сбоя» в доводах. Используется *suppressed evidence* (подавление фактов), когда информация о реальном сроке губернаторства опускается вообще. В этом конкретном случае сложно сказать, имеем ли мы дело с ошибкой или уловкой. Однако наукообразность текста и стремление автора к логической четкости и выверенности аргументации позволяют предположить, что были рассмотрены все аспекты проблемы, и те, которые не поддерживают авторскую концепцию, были опущены умышленно.

Вместе с тем стоит отметить, что проанализированный текст является одним из самых корректных в плане использования логического доказательства. Можно сказать, что на региональном уровне полемические тексты выстраиваются скорее не на логической аргументации, а на вариантах ее нарушения — на разного рода ошибках или уловках.

В центральной прессе полемические тексты присутствуют во всех номерах, и им уделяется серьезное внимание. Некоторые рубрики основываются полностью или частично на полемике. Так, например, в газете «Труд» эффективно работает рубрика «Иное мнение», полностью построенная на полемических материалах, и рубрика «Ходят слухи, что...», которая содержит постоянный пункт «Опровержение слухов» и в других пунктах использует полемические приемы.

Анализ публикаций газеты «Труд» за январь 2003 года позволяет говорить о том, что полемический компонент интенсивно проявляет себя как в собственно полемических, так и в неполемических публикациях. Например, № 1 открывается редакционным материалом, где полемический компонент присутствует фрагментарно в начале текста:

«Переход от года к году перенасыщен добросовестными (и не очень) оценочными оглядками на пережитое и — прогнозами, обещаниями, заклинаниями, предостережениями относительно предстоящего. И думаешь: стоит ли прибавлять к этому потоку еще и некие «приличествующие моменту», полуритуальные слова о «Труде», учитывая, что газета должна каждодневно говорить сама за себя, добросовестно и компетентно информируя и ориентируя читателя в окружающей (к сожалению и в буквальном смысле) реальности, не лукавя отвечать на его вопросы, запросы, ожидания?»¹²

Довольно часто в качестве одной из позиций в полемике выдвигается точка зрения какого-либо

средства массовой информации, как, например, в публикации «США: война на два фронта»: «Тоном, не сулящим Багдаду ничего хорошего, президент сказал, что на следующей неделе объявит свое решение о том, каковы будут дальнейшие действия США в этом регионе.

Между тем, на здешних обозревателей сильное впечатление произвела редакционная статья в багдадской газете «Бабел», которую издает старший сын Саддама Хусейна.

/.../

С другой стороны, маневры Пхеньяна оцениваются как «дурной пример».

/.../

Буш, не очень стараясь скрыть свой скептицизм...»¹³.

Надо сказать, что в этой публикации журналист включает свою позицию в подтекст, а весь текст выстраивается на пересказе или апелляции к противоположным точкам зрения, что также часто используется как ход в общероссийской прессе и крайне редко встречается в региональных СМИ.

Опровержение публикаций зарубежной прессы или в комплексе российской прессы в региональной печати крайне редко. Здесь, пожалуй, за исследованный период в газете «Тамбовская жизнь» можно отметить лишь один материал — публикацию Ю. Шпильберга «Как фабрикуются вкусы и «звезды»¹⁴, в которой автор полемизирует с позицией центральных телеканалов: «Я не знаю, на что ориентируется руководство Первого и второго канала ЦТ...», «Я понимаю, что мои заметки — глас вопиющего в пустыне, и все-таки капля камень точит».

В газете «Труд» такие темы нередки. Лишь за один месяц опубликовано несколько материалов подобного рода: «ФСБ идет по следу»¹⁵, «Архивная утка»¹⁶, «Саддаму в Москве убежища не дадут. Сенсация оказалась мертворожденной»¹⁷, «Опровержение с прологом и эпилогом, или Подоплека одной пиаровской акции»¹⁸.

Еще один распространенный прием в центральной прессе — это сопровождение основного полемического материала подверсткой, включающей мнение редакции или компетентный комментарий. Так, в материале «Конгрессмены пойдут на поправку»¹⁹ речь идет об отмене поправки в законе о торговле США, а далее дается мнение председателя Комитета Госдумы по промышленности, строительству и наукоемким технологиям Мартина Шакума, где он оценивает этот шаг как малоэффективный, запоздавший. Интервью-конфронтация «Не морозь меня!»²⁰ содержит подверстку «От редакции».

Иногда журналист формирует не подверстку в форме комментария, как бы выделяя одну из точек зрения и давая ее более подробно, а помещает в материале равные позиции, как, например, в публикации «Куда глаза глядят. Бегут солдаты из казарм»²¹. Здесь даются две точки зрения на проблему — солдат и руководства. Кроме того, материал сопровождается объективной статистикой и хроникой побегов. Журналист выполняет роль арбитра.

В плане аргументации картина в центральной прессе почти не отличается от региональной — доминирует аргумент «к человеку», а в логических доказательствах часты ошибки и уловки. Однако, в отличие от региональной газеты, в центральной удалось обнаружить полемические образцы, тяготеющие к образности. Интересен в этом отношении материал «Под березами на Ольшанах»²², который представляет пример так называемого системного образа (в противовес к атомарному в аналитике и информационных жанрах). Речь идет о заброшенном кладбище русских эмигрантов в Праге. Текст содержит полемику с точкой зрения о несущественности проблемы для русского человека. Однако автор использует отнюдь не логические аргументы — он создает образ кладбища, который ассоциируется с образом нашей истории. В концовке читаем: «На одном из крестов надпись, которую нельзя читать без волнения. Впрочем, она обращена ко всем, лежащим на Ольшанах: «Вечная память вам, отстрадавшим, России верные сыны» (с. 4). Такой образ заставляет принять позицию журналиста. Несколько иной текст, но построенный по тому же принципу доказательства через обращение к образной системе выразительных средств, — полемический портретный очерк «Отлученная от неба»²³, где создается образ женщины, чья жизнь принесена на алтарь нашей авиации. Женщины, которую несправедливо забыли.

Существенным отличием полемических публикаций проанализированной центральной газеты в сравнении с региональной становится широкий жанровый диапазон в противовес к акцентуации полемического выступления в газете «Тамбовская жизнь».

Думается, упомянутые жанровые и структурные отличия текстов связаны с позиционированием изданий и с ориентацией на удовлетворение потребностей аудитории. Однако во многом они демонстрируют и потенциал центральной и региональной прессы, и, отчасти, конформизм последней.

В секторе печатных изданий для **профессиональных, производственных и социальных групп** вариативность объема полемического текста и особенностей структуры чрезвычайно широка и связана со спецификой информационного поведения аудитории. В средствах массовой информации, ориентированных на удовлетворение информационных интересов аудитории, где полемическая и вообще диалоговая форма передачи информации традиционна, полемика проявляет себя ярко и выразительно. В прессе же, ориентированной на аудиторию с монологическими привычками в получении информации, полемика практически отсутствует (табл. 2).

Как видим, высокий процент полемических текстов демонстрирует издание, ориентированное на профессию, основанные на коммуникации. В журнале «Журналист» большое число текстов выстраиваются именно на полемике. Даже праздничный номер, посвященный 300-летию российской прессы, открывается в рубрике «Дневник редактора» полемической публикацией Г. Мальцева «Юбилей и юбиляры»²⁴, в которой автор анализирует ситуацию в области СМИ. Он, например, выступает против «использования» журналистики властью: «С прессой активно работают партии и движения, и, что совершенно недопустимо, журналистов втягивают в партийное строительство. Начали производить телодвижения и окружные власти. Логика у них простая: раз есть власть — значит, нужна своя газета, свое телевидение и радио. Региональные и муниципальные начальники вообще не церемонятся. Вон в Подмоскowie у администрации области и Союза журналистов есть прекрасный договор о сотрудничестве» (с. 1).

Автора явно не устраивает описываемая и детализируемая далее ситуация. Г. Мальцев выступает с полемикой по новой версии закона «О СМИ»: «Сейчас медианачальники вносят новый проект Закона о СМИ. Сегодня мы публикуем мнение о нем профессора М. Федотова, одного из авторов первого закона. Но и невооруженным глазом видно: права главных редакторов, редакций, журналистов заметно урезаны. Вносящим проект «богатеньким буратино» они и не нужны. А журналистов спросили?» (с. 1).

Действительно, далее в журнале помещена также полемическая публикация В. Чельшева «Кто подрежет волчьих уши?»²⁵, в основе которой — беседа с М. Федотовым.

Необычайно силен полемический пафос в другой публикации В. Чельшева — «Зонд»²⁶, где ярко выражено колебание жанров. Здесь в одном материале четко различимы полемическая рецензия, спор и полемический портрет. О полемическом настрое автора материала сигнализирует уже начало фрагмента рецензии: «Наговорено о романе много, и, чтобы представить книжку и ее автора, оттолкнемся от негативных на нее взглядов» (с. 26). Далее полемика развивается в споре уже в первых репликах:

«Виталий Чельшев (В.Ч.): поступки бывают от силы и от слабости. Это от слабости.

А.П.: Нет, от силы духовной! Вот выйдите на улицу и крикните: «Я черносотенец!» Скажут: безумный... И тут же вокруг вас вакуум... Безумный человек... Я пробовал. Иду как-то: люди стоят, симпозиум такой. Подошел к ним и сказал: «Я русский националист»...

табл. 2

	«Журналист»	«Сети и системы связи»	«Семь верст»
Количество публикаций за январь 2003 года	62	16	48
Количество полемических текстов за январь 2003 года	13	0	1
% полемических текстов от общего числа публикаций	21%	0%	2%

И через минуту остался один... Провозгласил – и остался один!

В.Ч.: Ну, и толку?» (с. 27).

А последняя часть публикации под самостоятельным микрозаголовком «Каков он на самом деле?» вступает в своеобразную полемику с представленным выше материалом – автор опровергает некоторые положения созданного им образа, рассказывая о своем впечатлении от героя материала – Александра Проханова.

Здесь и в большинстве других публикаций журнала «Журналист» очевидно доминирование аргумента «к человеку» как средства пафосности.

Другое дело – пресса, которая ориентирована на аудиторию, привыкшую получать информацию в монологической и фактологической форме. К таковой принадлежит большая часть изданий, адресованных занятым в технической сфере. Например, в январском номере журнала «Сети и системы связи» не удалось обнаружить ни одного собственно полемического текста, хотя публикация П. Шульца «Ошибки, которые вы уже не сделаете, прочитав эту статью»²⁷ содержит полемический заголовок (якобы есть ошибочные предположения, и, если их не исправить, обязательно будут допущены промахи), полемическое начало, построенное на опровержении традиционных убеждений: «Успех в бизнесе не зависит от того, насколько новы, хороши или необычны ваши продукты. Не зависит он и от вашего умения употреблять модные словечки и разные специальные термины в рекламных текстах. И совсем не обязательно, чтобы ваша технология была сверхинновационной» (с. 8).

Такой пример полемики эпизодичен. В целом же журнал выстраивается на монологических текстах, а в полемике доминирует логическая аргументация.

Профессиональные средства массовой информации, демонстрирующие присутствие полемического текста, отличаются по характеру самих публикаций. Ориентированная на гуманитариев пресса использует чаще сложную образную аргументацию; СМИ, рассчитывающие на читателя с техническим образованием, обращаются к логической или маскирующейся под нее эмоциональной аргументации. Такая зависимость не безусловна и нарушается некоторыми изданиями, но можно говорить об общей тенденции, связанной, думается, с информационными привычками аудитории.

В прессе для возрастных групп совершенно очевидно различие в полемическом плане между детской и молодежной прессой.

Сравним издания этих групп по количеству полемических текстов на январь 2003 года (табл. 3).

Если в детских изданиях полемический текст единичен, а нередко отсутствует вовсе, то в моло-

дежной прессе он встречается сравнительно часто. Во многом это связано со стремлением вести диалог с подростками по самым разным вопросам. Как известно, эта группа аудитории отторгает назидательность и охотнее вступает в диалог, нежели многие другие группы. Полемический же текст позволяет в чем-то проявить своего рода максимализм, свойственный молодежному коммуникационному поведению. Особенность полемики молодежного издания – специфический сленг.

В детских же журналах отсутствие полемического компонента можно связать с небольшой долей публицистических материалов вообще – основу детских журналов составляют сказки, рассказы, комиксы, кроссворды, головоломки, загадки и другие материалы непублицистического характера, в которых полемический компонент явно не выражен. Исключения составляют обращения редакции (например, от имени «Мурзилки») в основном нравоучительного характера. Однако, думается, дело еще и в том, что полемические конструкции оцениваются как слишком сложные для детского восприятия.

По-разному проявляет себя в этих типах изданий аргументация. Так, в прессе для детей один из самых распространенных аргументов – аргумент при помощи примера, очевидно соответствующий особенностям детского восприятия. В изданиях же для молодежи доминирует аргумент от авторитета. В изданиях для пожилых доминирует «дамский аргумент», и часто встречаются такие уловки, как «раздувание» проблемы», «расширение и сужение тезиса», «произвольные доводы».

Возвращаясь к детской прессе, отметим, что вообще все издания, так или иначе связанные с детской тематикой, бедны полемическими текстами. Так, в группе «издания для родителей» публикации крайне редко содержат полемику. Например, в январском номере журнала «Семья и школа» за 2003 год, включающим в название расширение «Журнал для родителей», из 16 материалов не удалось обнаружить не только ни одного полемического текста, но даже элементов полемики.

Разная система полемических текстов сложилась и в журналах для мужчин и для женщин. Думается, это связано со спецификой восприятия информации полами.

Прежде всего, неодинаково количество полемических текстов в изданиях этого вида (табл. 4).

Особенностью женских изданий в данном случае является то, что довольно часто полемика проявляется в структуре текста. Так, например, в январском номере «Cosmopolitan» удалось обнаружить только три материала, полностью выстроенных на основе полемики. Два из них представлены в посто-

табл. 3

	«Мурзилка»	«Смена»
Количество публикаций за январь 2003 года	9	23
Количество полемических текстов за январь 2003 года	0	3
% полемических текстов от общего числа публикаций	0%	13%

янной полемической рубрике «Спорный момент», а третий представлен в рубрике «Здравствуй, Cosmo!» Вместе с тем, существенная роль полемики в непolemических текстах очевидна. Об эффективности такого рода структур свидетельствует то, что большое количество текстов начинается именно с полемического фрагмента (15 из 40, что составляет 37,5 % текстов). Здесь чаще всего мы встречаем прием опровержения предполагаемой позиции оппонента: «Что произойдет, если в одном купе окажутся подходящие друг другу по возрасту свободные мужчина и женщина? Неверно. Это случится позже. А вначале они будут просто говорить, и непременно выяснится, что у них ужасно много общего и они идеально подходят друг другу»²⁸.

Иногда читатель как бы включается в круг позиции журналиста: «Как часто, выбрав в магазине крем, мы не решаемся его купить из-за высокой цены и сомнений. Что он вовсе не так эффективен, как обещают. А зря — дорогие продукты действительно основаны на эксклюзивных формулах и дают результат»²⁹.

Случается, что журналист использует полемику для формирования эффекта обманутого ожидания: «Об играх в постели сказано... Нет, еще не все, осталось рассказать о том, как смешно они порой заканчиваются»³⁰.

Или: «Слышала ли ты что-нибудь про сексуальный интеллект и про его коэффициент? И не должна была»³¹.

Если мы возьмем другой женский журнал «Shape» (№ 1 за 2003 год), то обнаружим, что собственно полемических текстов в журнале нет, и, вместе с тем, часто остается полемическое впечатление от прочитанного материала. Такой эффект, как и в «Cosmopolitan», создает частое включение полемики в сильные точки текста — заголовки и начало.

Таким образом, полемика, не составляя основу материала, все же часто используется журналистами женского журнала в роли «засывалы» — как механизм привлечения внимания к публикации.

Однако и в других текстовых фрагментах — основной части, концовках — мы находим ее элементы. Интересно, что полемичность текста в женских изданиях нередко сочетается с эпистолярностью и возвращает нас к традициям русской и зарубежной публицистики XIX века. Так, в «Cosmopolitan» полемические тексты или тексты с большой долей полемичности включаются в рубрики, аналогичные почте или вопросу в редакцию.

В мужских журналах полемические материалы встречаются реже, чем в женских изданиях. Здесь, правда, как и в женских журналах, сохраняются ва-

рианты использования полемики в начале текста и в заголовках. Например, публикация в журнале «XXL» «Джентльмен на склоне» открывается фразой: «На курорты ездят не только летом, но и зимой»³². Эта фраза могла бы без изменения быть воспроизведена в материале женского журнала.

В двух группах изданий неодинакова система ошибок и уловок. В женских изданиях часто проявляется такой аргумент «к человеку», как «апелляция к публике»: «Честно говоря, мы сами в Новый год не собираемся вести себя рассудительно и вам не станем советовать. Никаких подсчетов калорий и «спать по восемь часов»³³.

Как показывает структурный анализ текстов, в них нередко используется такая уловка, как «раздувание» проблемы. В той части публикаций, которая содержит справочную или рекламную информацию, а также в околонучных материалах она сочетается с «аргументом к городскому»: «Ученые долго спорили о том, когда же полезнее заниматься спортом — утром или вечером. Одни эксперты авторитетно утверждали, что наибольшего эффекта можно достичь, только занимаясь рано утром, причем обязательно до завтрака. Другие же настаивали на том, что вечерние тренировки больше способствуют похудению и укреплению мышц, разогретых за день. Итог подвел американский физиолог Робин Стур: «Научные исследования не подтверждают ни ту, ни другую точку зрения»³⁴.

В мужских изданиях в редких полемических публикациях нельзя говорить о доминировании аргумента «к человеку» — здесь и эта форма аргументации, и логическая аргументация сочетаются почти в равной мере, как, например, в публикации «Драма у светофора»³⁵. Речь идет о ситуации, когда водитель попадает в пробку. Пафос текста таков: «Не нервничайте, действуйте!» Первый призыв подкрепляется эмоциональной аргументацией, второй — логической. Оспаривается точка зрения, что, во-первых, в такой ситуации лучше ничего не предпринимать и, во-вторых, что здесь без волнения не обойдешься. «Казалось бы, а как же иначе?» — задает вопрос журналист, и отвечает — как именно «иначе» должен поступить водитель.

Весьма серьезно проявляет себя полемический текст в изданиях для **групп верующих**. Прежде всего, интерес представляет православная пресса. Здесь количество полемических материалов в среднем составляет 17 % от общего числа публикаций³⁶. Предрасположенность прессы для групп верующих к использованию полемических конструкций неудивительна. Как отмечают многие исследователи, негативное отношение христианства к любым формам

табл. 4

	Cosmopolitan (январь 2003)	XXL (январь 2003)
Количество публикаций за январь 2003 года	40	55
Количество полемических текстов за январь 2003 года	3	0
% полемических текстов от общего числа публикаций	7.5	0

конфликта – образование относительно новое, и в сфере ораторики еще не утвердившееся. А богатая христианская традиция утверждения и распространения веры дает прекрасные полемические образцы, на которые могут ориентироваться современные публицисты.

С точки же зрения аргументации православная пресса использует аргумент к человеку в сочетании с частым апеллированием к логике. Стремление к логичности и доказательности ощутимо в каждой полемической публикации. Однако иррациональность самого предмета полемики, как правило, вынуждает апеллировать не только к логическим структурам, но и к эмоциональным. Здесь мы часто встречаем оценочные слова и конструкции, ссылки на авторитет.

Особенно ощутимы такие аргументативные приоритеты в сетевых аналогах печатных СМИ, которые сочетают перепечатки из традиционного варианта издания и приемы диалогизации контента. Например, в сетевой версии газеты «Церковный вестник» примером традиционного для православной прессы полемического выступления может стать публикация Алексея Саганя «Преодоление сектантского мышления»³⁷, где полемический компонент зафиксирован уже в заголовке и проявляется в тексте в цитировании различных (иногда довольно агрессивных) позиций. Эта публикация вошла в тематическую подборку номера, в котором в рубрике «Дискуссия» рассматривается та же тема в публикации «Осторожно, сектантство!» Здесь даются разноплановые выступления различных церковных деятелей. Первое открывается критикой православной прессы: «Когда мы сегодня говорим о первом русском царе, мы рассматриваем события, исходя из тех или иных принципов. Я взял на нашу встречу газету, которая называется «Русь Православная». Весь номер посвящен этой тематике, и я обратил внимание на то, какие в нем используются «интересные» приемы. Например, приводится высказывание Патриарха, а затем идут целые главы из трудов митрополита Санкт-Петербургского Иоанна. Тем самым слово епархиального архиерея как бы получает некий смысловый приоритет перед словом Патриарха. Но это только начало. Материал, в котором приведены слова Патриарха, имеет заголовок «Безумцы, провокаторы, враги Церкви» — по существу, именно так здесь преподносится Патриарх! Дальше мы снова видим короткую цитату из Патриарха и большой комментарий редакции, превратно толкующий смысл его слов. И это лишь некоторые из используемых в этой газете приемов»³⁸.

Далее автор Архимандрит Макарий (Веретенников) переходит к обсуждению актуальной для современной Православной церкви проблеме — так называемой «эпохе новых чудотворцев», где рассуждает о недопустимости возвеличивания человека на основе занимаемого им поста и о пагубном значении массовой канонизации.

В следующей части публикации протоиерей Владислав Ципин продолжает тему канонизации и спорит с предложением канонизировать Ивана Грозно-

го, отмечая, что «мысль о канонизации царя Ивана Грозного... никогда в прошлом всерьез никем не высказывалась. Эта идея — явление последних лет». Автор часто привлекает аргумент при помощи примера и аргумент при помощи аналогии, что оправдано в ракурсе необходимости анализа роли конкретной личности в духовной истории России. Заканчивается публикация возвращением к содержанию православной прессы, и автор выступает против многих подходов этого типа изданий к освещению вопросов православия:

«Что касается церковной печати, если она действительно церковная, если журналы или газеты издаются по благословению Святейшего Патриарха или епархиальных архиереев, то в таких изданиях не может быть места для пропаганды идей, на вредность которых недвусмысленно указало священноначалие. Что же касается мирян, которые выступают в нецерковной печати на эти темы, то они ответственны за все печатные выступления перед своей совестью и Богом».

Рассмотренная нами подборка публикаций содержит и уникальные примеры обращения к строгой фактологической аргументации, и редкие в других типах прессы приемы. Так, в рассуждениях Александра Дворкина выбирается любопытная и малопредставленная не наступательная, а оборонительная полемическая позиция: «Сразу оговорюсь: я не сторонник теории заговора, но сейчас ясно, что есть силы, которые стремятся расколоть нашу Церковь, или, по крайней мере, ее ослабить. На примерах исследования сектантства видно, насколько свободнее и вольготнее чувствуют себя секты, например, на Украине, где Православная Церковь расколота и ослаблена»³⁹. Автор предлагает защитить Церковь от сил, которые могут воспользоваться ситуацией, и выступает, прежде всего, против сектантства, используя строгие логические аргументы.

Этот и другие примеры позволяют говорить о том, что, обращаясь к православной русской прессе, мы можем познакомиться с прекрасными образцами христианской полемической мысли, основанными на вековом опыте публичных выступлений и сохранившемся в малоизменившейся форме до наших дней.

Примечания

1. Акопов А. И. Методика типологического исследования периодических изданий / А. И. Акопов. — Иркутск: Издательство Иркутского ун-та, 1985. С. 51; Тулупов В. В. Газета: маркетинг, дизайн, реклама / В. В. Тулупов. — Воронеж: Кварта, 2001. С. 53.
2. Вартанова Е. Л. Современная медиаструктура / Е. Л. Вартанова // Средства массовой информации постсоветской России. — М.: Аспект Пресс, 2002. С. 16.
3. Шкондин М. В. Системная типологическая модель СМИ / М. В. Шкондин. — М., 2002. С. 21.
4. Не дадим сорвать объединение Белоруссии и России! // Товарищ. 2003. 20 авг.

5. Красноярская девочка написала президенту о своей нищете // Товарищ. 2003. 20 авг.
6. Удмуртских детей лишили школ // Товарищ. 2003. 20 авг.
7. Каменщиков И. Что скрывает правительство? // Товарищ. 2003. 20 авг.
8. Суворов В. Один в поле не воин // Товарищ. 2003. 20 авг.
9. Корнилов Г. Четыре потерянных года // Товарищ. 2003. 20 авг.
10. Мы – патриоты // Товарищ. 2003. 20 авг.
11. Комлева В. Сколько лет править губернатору? // Тамбовская жизнь. 2003. 28 янв.
12. Потапов А. К читателю // Труд. 2003. 4–8 янв.
13. Алексеев В. США: война на два фронта // Труд. 2003. 4–8 янв.
14. Шпильберг Ю. Как фабрикуются вкусы и «звезды» // Тамбовская жизнь. 2003. 1 янв.
15. Петров А. ФСБ идет по следу // Труд. 2003. 10 янв.
16. Поляков М. Архивная утка // Труд. 2003. 17 янв.
17. Степанов А. Саддаму в Москве убежища не дадут. Сенсация оказалась мертворожденной // Труд. 2003. 11 янв.
18. Марков И. Опровержение с прологом и эпилогом, или Подоплека одной пиаровской акции // Труд. 2003. 10 янв.
19. Алексеев В. Конгрессмены пойдут на поправку // Труд. 2003. 2 янв.
20. Сидоров А. Не морозь меня! // Труд. 2003. 11 янв.
21. Ищенко С. Куда глаза глядят // Труд. 2003. 9–15 янв.
22. Качаева И. Под березами на Ольшанах // Труд. 2003. 17 янв. С. 4. Далее цитируется эта публикация с указанием страниц в тексте работы.
23. Журин А. Отлученная от неба // Труд. 2003. 16–22 янв.
24. Мальцев Г. Юбилей и юбиляры // Журналист. 2003. № 1. С. 1. Далее цитируется эта публикация с указанием страниц в тексте работы.
25. Чельшев В. Кто подрежет волчьи уши? // Журналист. 2003. № 1. С. 13–15.
26. Чельшев В. Зонд // Журналист. 2003. № 1. С. 25–28. Далее цитируется эта публикация с указанием страниц в тексте работы.
27. Шульц П. Ошибки, которые вы уже не сделаете, прочитав эту статью // Сети и системы связи. 2003. № 1. С. 8. Далее цитируется эта публикация с указанием страниц в тексте работы.
28. Баулина М. Любовь на полном ходу // Cosmopolitan. 2003. № 1. С. 94.
29. Превосходная степень // Cosmopolitan. 2003. № 1. С. 43.
30. Поиграем? // Cosmopolitan. 2003. № 1. С. 64.
31. Сарыкина В. Займемся любовью по-умному! // Cosmopolitan. 2003. № 1. С. 131.
32. Новый взгляд на Новый год // Shape. 2003. № 1. С. 20.
33. На старт... Внимание... Расслабьтесь // Shape. — 2003. № 1. С. 116.
34. Польза круглые сутки // Cosmopolitan. 2003. — № 1. С. 58.
35. Трофимов Ю. Драма у светофора // XXL. 1999. № 11. С. 52.
36. Были проанализированы такие издания как «Десятина», «Московский Церковный вестник», «Православная Москва», «Радонеж», «Русь Державная», «Татьянин день» за январь–март 2003 года.
37. Сагань А. Преодоление сектантского мышления / А. Сагань // Церковный вестник. 2003. № 3. (<http://www.tserkov.info/numbers/? ID=9>).
38. Веретенников М. Русские митрополиты в эпоху святителя Макария // Церковный вестник. 2003. № 3. (<http://www.tserkov.info/numbers/? ID=9>)
39. Дискуссия // Церковный вестник. 2003. № 3. (<http://www.tserkov.info/numbers/? ID=9>).

г. ТАМБОВ.

Н. Дмитренко

Литературная критика в Интернете: проблема жанра

Представляя собой виртуальную проекцию реальной жизни, Интернет отражает фактически все стороны человеческой деятельности. Не стала исключением и литература. Если говорить точнее, то огромная (если не большая) часть литературного процесса современности реализовала себя на просторах этой виртуальной сети. За последние несколько лет у Интернета появились свои исследователи и теоретики, каждый из которых предлагает свой взгляд на те или иные аспекты литературы в сети. Так, например, А. Долгополов выдвигает структурно-типологическую концепцию литературных интернет-ресурсов¹, Дмитрия Кузьмина, Марину Константинову и ряд других современных исследователей² интернет исследует проблема вычленения отличительных признаков сетевой литературы от литературы традиционной («бумажной») и т. д.

Литература в Интернете становится сегодня предметом довольно пристального внимания молодых филологов и писателей. Но при этом в тени оказывается другая, не менее значимая и значительная часть нынешнего отечественного литературного процесса — *сетевая литературная критика*. Она составляет серьезный массив текстов, полных новизны как по форме, так и по содержанию. Многие литературно-критические тексты в Сети не укладываются в традиционные жанровые структуры, выбиваются из нее.

Примечательно, что практически все существующие сегодня исследования сетевой литературной критики не носят ярко выраженного академического (научного) характера. Авторами теоретических исследований становятся, как правило, писатели (или так называемые «сетевые деятели»). Исследования того, что происходит в сетевой литературной критике, носят, в основном, характер размышлений о том, как возможность публиковаться в Сети повлияла на общий вид современной литературы; в каком направлении литература будет развиваться в ближайшие годы; возникают попытки публикации творческих манифестов (среди наиболее популярных «постинтеллектуализм» Льва Пирогова³, «нетнеизм» Кота Аллергена⁴, знаменитый «СЕТЕРАТУРА как ее НЕТ» Александра Андреева⁵). Все эти работы рассматривают отдельные проблемы современной истории и теории литературы. И все же литературно-художественная критика незаслуженно остается за пределами поля зрения исследователей.

Интернет, ставший в середине 1990-х годов общедоступным явлением, оказал значительное влияние на течение литературной жизни нашей страны. Благодаря ему отечественный литературный процесс приобрел уникальность, не имеющую аналогов в мире. Дело в том, что для традиционной «бумажной» литературы эти годы стали периодом глубочайшего кризиса. Тиражи толстых журналов стали катастрофически падать, у читателя пропал интерес к творчеству серьезных авторов, а в центре всеобщего внимания оказалось «бульварное» чтиво. Но именно благодаря Интернету литературный процесс обогатился новыми именами и темами. Интернет открыл двери в искусство большому количеству молодых, никому до этого не известных и никогда не публиковавшихся прозаиков и поэтов. Люди, неравнодушные к литературе и не желающие потреблять текстовую продукцию коммерциализовавшихся изданий (дамские романы, триллеры и детективы, написанные словно по шаблону и как две капли воды похожие друг на друга), получают возможность следить за альтернативным развитием литературы, разворачивающимся на виртуальных просторах Интернета.

Первыми наиболее значительными литературными ресурсами русскоязычного сегмента «всемирной паутины» стали сайты «Тенёта» (1994 год), «ЛИТО» (1995 год), «Вавилон» (1997 год) и «Центролит» (1997 год), открывшие свои виртуальные двери прозе и поэзии молодых литераторов. Авторский состав появившейся в сети литературы обладал рядом специфических особенностей. Так, основной из них стало то, что большинство первых сетевых авторов были выпускниками технико-математических факультетов крупнейших российских вузов. Как известно, они же были первыми в России, кто приобщился к всемирному виртуальному пространству.

Рядом с художественными произведениями на этих сайтах, часто строившихся по типологической модели обычного офф-лайнового «толстого» журнала, публиковались и литературно-критические тексты. Именно эти тексты и явили собой первые попытки осмысления специфики сетевой литературы по сравнению с традиционной и стали первыми откликами на произведения сетевых авторов, популярность которых сегодня достигла значительных масштабов даже за пределами Интернета⁶.

В Интернете к сегодняшнему дню сложилась целая система литературно ориентированных ресурсов, в которых значительное место занимает крити-

ка. Прежде всего, следует отметить «Журнальный зал», который в настоящее время разместился на сайте «Русского журнала» (<http://magazines.russ.ru>), где содержится каталог многих сетевых литературных проектов. К ним следует добавить еще 24 электронные версии бумажных журналов и как минимум 4 электронные версии газет, посвященных вопросам современной литературы (приложение к «Независимой газете» «Exlibris», «Литературная газета», «Литературное обозрение» и «Книжное обозрение»). Стоит заметить, что на реальную полноту обзора всех страниц, посвященных литературному творчеству в Интернете, вряд ли может претендовать хоть один исследователь сетевой словесности. За приведенными нами цифрами стоят лишь наиболее крупные, популярные среди посетителей и постоянно обновляющиеся в течение не менее чем трех-четырёх лет сайты, в числе авторов которых — признанные мастера в области литературно-художественной критики.

Столь многочисленное разнообразие в виртуальном пространстве страниц, посвященных литературе, — явление, имеющее несколько причин. Во-первых, на фоне тотального сокращения количества наименований «бумажных» литературно-художественных изданий и естественного сокращения их штатов в России середины 1990-х годов возникла ситуация неустойчивости молодых литературных работников. Во-вторых, становящийся массовым Интернет открыл возможность расширения эстетического пространства. Большинство пользователей сети в тот период обращалось к ней, в основном, как к средству отдыха и развлечения. И, учитывая то, что Интернет был (и, увы, пока остается) в России (да и в значительной части мира) привилегией интеллектуально развитых слоев населения, способы развлечений, которые предпочитал такого рода потребитель, были более «изысканными» по сравнению с обычными.

Наиболее популярным способом проведения интеллектуального досуга издавна было чтение. От него образованный русский читатель традиционно привык получать не только интересно построенный сюжет или захватывающую интригу (то, что стали предлагать новые издательства), но и пищу для ума, уважение своих интеллектуальных и эстетических потребностей. Так качественная литература, вытесненная из реального пространства книжных и журнальных издательств, стала востребованной в пространствах виртуальных. Вслед за ней в Интернет приходит и критика, в числе основных функций которой всегда были информирование аудитории о текущих событиях в современном творческом процессе и идейно-эстетическая оценка художественных произведений. Причем, было неправильно говорить только о литературно-художественной критике. Речь идет об искусстве в целом: театре, кино, живописи, скульптуре, литературе. С появлением искусства в сети естественно возник и механизм его оценки. Появились материалы, целью которых стал анализ состояния текущего творческого процесса в целом. Литературная критика явилась лишь частью подобных текстов.

«Официальная» и «стихийная» критика

Абсолютная открытость Интернета для всех и каждого, в любой момент, наложила огромный отпечаток на качество и способы подачи информации в сети. На литературно-художественной критике — информации эстетического характера — открытость Интернета отразилась в полной степени.

Рассуждая о том новом, что привнес Интернет в современную литературную критику, А. Долгополов указывает, что наряду с использованием традиционных форм оценки произведений в сети появляются и «новообразования: форумы, гестбуки, чаты»⁷. И далее: «можно ли назвать перечисленные формы специфическими жанрами сетевой литературной критики — вопрос пока нерешенный»⁸. Думается, что в данном случае было бы правильнее говорить не о специфических жанрах, появившихся и существующих только в Интернете. В жанровом плане Интернет пока не подарил ничего нового. Другое дело, что традиционные, классические жанры получили, благодаря открытости и общедоступности, новое стилистическое и языковое наполнение.

Говоря об интернет-критике в целом, необходимо подчеркнуть: из всего огромного массива литературно-художественной критики в сети ярко выделяются две группы — назовем первую критиками «официальными», а вторую «стихийными». Основанием для данной классификации является авторский состав. В первую группу входят люди, имеющие, как правило, богатый профессиональный опыт в области критики. Это профессиональные филологи, литературоведы и журналисты, уже добившиеся успеха в «бумажных» литературных изданиях. В их числе В. Курицын (популярный автор «Литературной газеты», «Независимой газеты», еженедельника «Сегодня», «Русского телеграфа» и журнала «Матадор»), Б. Кузьминский (журналист в «ЛГ», «НГ», «Сегодня», «Коммерсанте», литературный обозреватель журнала «ОМ»), Андрей Немзер («Новый мир»), К. Кобрин (автор многочисленных литературно-критических текстов в журналах «Октябрь», «Новый мир», «Звезда», «Итоги» и др.), О. Кабанова («Русский телеграф», ведущая отдела культуры «Известий») и многие другие.

Представители группы «официальной» критики основали в сети целую систему профессиональных интернет-изданий, обладающих, как правило, всеми типологическими признаками традиционного литературно-художественного журнала. В таких изданиях всегда поддерживается высокий уровень публикаций, а классические для литературно-художественной критики жанры сохраняют свою чистоту.

Абсолютно противоположной выглядит ситуация в творчестве критиков «стихийной» группы. Ее составляют обычные пользователи, равнодушные к современному творческому процессу. Чаще всего местом для их публикаций в Интернете становятся уже упоминавшиеся форумы, гестбуки (гостевые

книги литературных и околослитературных виртуальных страниц) и чаты (от англ. chat — «разговор», «беседа» — программа, позволяющая общаться в Интернете одновременно с неограниченным количеством пользователей в реальном времени, «встраивающая» свой текст сразу в структуру сайта). Именно «стихийная» критика представляет собой наиболее самобытную и оригинальную часть литературно-критического процесса в Интернете. Именно в ее текстах можно обнаружить много нового и необычного — того, чего до сих пор не было в традиционной «бумажной» литературно-художественной критике.

Классические жанры в «стихийной» критике наполняются экспрессивными характеристиками, слабо аргументированы эстетически, отличаются стилистическим демократизмом. Вот несколько примеров. Первый — из гостевой книги литературно-публицистического сайта *bee.vsu.ru*, в которой появился отклик на ироничный рассказ неизвестного автора «Женщина» о бытовых сложностях молодой пары, начавшей совместную жизнь: *«Что б таких женщин не рождали, а если и рождали, то сразу убивали»*. Сравним его с официальной критикой. Вот цитата из написанного Львом Пироговым обзора произведений, номинированных на премию «Антибукер» 2000 года. *«Боре Акунину однозначно нельзя давать. Ну, за «Толобас» же. Раньше он, несомненно, был явлением и был очень достоин. Но как только 19-й век из дискурса ушел, так сразу куда-то делась и интеллектуальность. «Толобас» — это уже просто боевик все ж таки. Не такой стремный, как любят «ЭКМО» и «Вагриус», но и не такой, чтобы давать, конечно»* или *«Оле за «Один в зеркале» нужно бы дать в силу уже вышеописанных ранее естественно-научных причин. Но. У нее, у Оли моей, огромный недостаток. Во-первых, пишет плохо. Вечно нудит, нудит... Во-вторых, она как бы это... Нуне вручали ж уже скоко раз ей... Неудачница — нельзя сказать (я ж приглядываю за ней), но как-то репутация, что ли, подмоченная у ней. Типа как в спорте — футбольная команда «Локомотив». «Вечно вторые». Ктому ж сейчас мощная антигендерная волна в мире наконец поднялась (вот и Астрид Линдгрен Нобелевку в этом году не дали), а мы что ж — вредить будем? Значит, Оле давать нельзя»*. В разделе рецензий Proza.ru — эссеизированный отклик на рассказ Ольги Хорхой «На матерном языке»: *«Понятно, что мат изначально имел магическое значение. Вот только имеет ли сейчас? Нет, иначе творилось бы черт знает что! Ане имеет по той простой причине, что используется слишком часто и безо всякого понимания силы своих слов»*.

Между тем магическое использование можно встретить и сейчас. Один парень, добродушный, интеллигентный, от такого просто грубого слова не услышишь, был однажды разозлен нами, что называется до ручки. Мы его специально из себя выводили. И вот он, когда уже был вне себя от ярости, вдруг заматерился (мне показалось — поступок просто на генном уровне), чем привёл нас в состояние ступора. Мы стояли как дураки, улыбались и не знали что делать. Потом подошли и извинились».

Вывод — слова магические или нет, зависит от того, кто их использует. Тот, кто ругается часто, — балобол и лох.

А насчёт опасности того, что матерными словами зачастую заменяют обычные, рассуждать не буду. Все и так знают, что чем скуднее словарный запас, тем примитивнее человек».

Нетрудно заметить, что «стихийная» и «официальная» критика интонационно сближаются в Сети. Сеть делает любой текст фамильярным — общение без посредников не требует изысканности высказываний. Тут все построено на живой разговорной речи, на апелляции к разуму посетителя сайта: мы — единомышленники и потому понимаем друг друга с полуслова. Отсюда и «Боря Акунин», и «однозначно», и «19 век из дискурса ушел», и «боевик все ж таки», и «стремный», и «у Оли моей», и «типа как в спорте», и «Нобелевка».

У фамильяризации текста есть одно важное качество — она сокращает дистанцию между критиком и читателем. Она эмоционально доверительна. Критик как бы говорит посетителю сайта: «Мы с тобой понимаем, о чем идет речь, мы думаем с тобой одинаково, чего же нам стесняться в выборе слов». Но при этом критик-профессионал сохраняет следы своей «высоколобости» — «дискурс», «интеллектуальность», «репутация», «антигендерная волна» и проч.

Такое стилистическое сближение «стихийной» и «официальной критики» закономерно: «интеллектуалы» не просто подстраиваются под особый интернет-стиль письма — им важно «приручить» «диких» критиков, вовлечь огромную массу читателей в систему своих рассуждений о литературе и искусстве. Профессиналам хочется, чтобы их читали. Чтобы граница между «стихийной» критикой и «официальной» не выглядела откровенно демонстративной. А в идеале — хорошо бы, если бы этой границы вовсе не было.

Интернетский раздел «стихийной» критики заполняет виртуальные просторы тысячами критических откликов и заметок — таких, которые не найдешь в литературно-художественном журнале или газете, и которые способны через несколько лет изменить представление человека о самом понятии «литературно-художественная критика». Уже сегодня, рассуждая о современном состоянии словесно-творческого процесса в России, мы не можем не учитывать этого огромного массива «критических заметок» в гостевых книгах или на форумах литературных страниц в сети.

Современные исследователи литературных ресурсов в Интернете обратили внимание на семь функций сети вообще и субъектов литературного процесса в он-лайне в частности. Эти наблюдения представляются заслуживающими внимания, но не очерпывающими.

Так, в частности, А. Ю. Долгополов, говоря о необходимости классифицировать функции Интернета, выделяет следующие его задачи: «представление максимально полного массива текстов; оперативная публикация новых произведений; оценка произведений, в том числе и литературно-критическая; ори-

ентация читателя в выборе произведения; регламентация литературного процесса; приобщение читателей к лучшим литературным образцам, формирование у них литературного вкуса; реализация рекреационной и игровой функций»⁹. Нам кажется, что названные Долгополовым функции ничем, в принципе, не отличаются от задач традиционной литературно-художественной критики. Поэтому точнее было бы рассматривать специфику литературных ресурсов в Интернете не с точки зрения особенности функций литературно-художественной критики, а с точки зрения выявления характерологических признаков Интернета как специфического канала информационного обслуживания аудитории.

Эти характерологические особенности в равной степени свойственны как «стихийной», так и «официальной» литературной критике. Это:

1. Повышенная оперативность. Рецензия или статья в Интернете может быть опубликована мгновенно после ее создания, в то время как между созданием текста и его публикацией в «бумажном» издании проходят месяцы.

2. Наличие возможности прямого контакта с творцом и осуществление этого контакта — «писателя всегда чувствуешь рядом. Дочитав очередную главу... можешь отправить ему свое послание, точно зная, что прочтает, и, может быть, прямо сейчас»¹⁰.

3. а) большая свобода творчества для «официальных» критиков — отсутствие жесткого регламента объемов и тематики текстов со стороны редакции;

б) нередактируемость «стихийной» критики — отсутствие механизма отбора текстов для публикации;

4. Высокая интенсивность обсуждения текущего творческого процесса — непрерывно поддерживающаяся «температура кипения» в бурлящем литературном котле.

5. Демократизм (как стилистический, так и коммуникативный) — порожден абсолютной открытостью литературно-критической среды для любого интересующегося современным творческим процессом человека и/или автора, где эмоциональные отклики обычных читателей часто соседствуют с глубоким профессиональным взглядом высококвалифицированных филологов и литературоведов. Это приводит к соединению в литературной интернет-критике научного анализа с непосредственностью отклика.

Вот, к примеру, отклик, оставленный на сайте ЛИТО.ру (о поэтическом сборнике Яна Прилуцкого «Королева керлинга»): *«Сильные стихи. Хм-м... Это, пожалуй, самые сильные, по-моему, современные стихи, которые я читал за последний год. Манера западная. Но так, пожалуй, и понятно, как сильно в оригинале звучат те западные/те же поляки/поэты, которых не могут воспроизвести переводчики. Верлибр более непрерыводим, чем пушкинский ямб. А тут по-русски. Цельный сборник»*. В авторе этого критического отклика нетрудно увидеть грамотного филолога, разбирающегося в тонкостях поэзии. Но чуть ниже опубликован эмоционально окрашенный краткий отклик непрофессионального литературоведа: *«Ян, очень (и очень, и очень...) Спасибо»*.

6. Стилистическая раскованность.

7. Неконтактируемость прямых контактов.

8. «Букетный» характер критики — вокруг одного художественного произведения довольно быстро появляется несколько разнохарактерных/разнокачественных мнений («букет»), способных дать читателю возможность посмотреть на данное явление с различных сторон. А это, в свою очередь, делает критический взгляд более объективным.

Жанровое разнообразие литературно-художественной критики в Интернете

Современный период в развитии массовых телекоммуникационных технологий накладывает отпечаток на развитие способов подачи информации. Так, телевидение в пределах известных передач с каждым днем все больше и больше склоняется к преимущественному использованию информационных жанров. Репортажи, блиц-интервью, краткие телезаметки хронометражем не более минуты и «пунктирные» обозрения важнейших событий отодвинули на второй план телеочерки, телезарисовки и другие жанры, предполагающие глубокий взгляд на явления окружающей действительности. Особенно, когда речь идет о явлениях эстетического характера. Подавляющее большинство отечественных радиостанций работает по аналогичной схеме, предлагая зачастую поверхностный и непрофессиональный взгляд на явления эстетического характера, ограничиваясь в своей работе лишь наиболее краткими по форме и лаконичными по смыслу информационными жанрами.

В газетах и журналах современный творческий процесс освещается шире. И потому жанровое разнообразие литературно-критических материалов более богато. Сегодня на страницах «Нового мира», «Звезды», «Октября», «Литературной газеты», «Книжного обозрения», приложения к «Независимой газете» «Exlibris» и т. д., в общественно-политических газетах «Известия», «Российская газета», «Коммерсантъ», «Сегодня» и т. д. живы основные жанры критики. Но при этом стоит отметить, что сегодня очевидным минусом современной критики в газетно-журнальной периодике стал и особый «легковесный» подход, который... на самом деле имеет мало отношения к критике, он все больше сдвигается в сторону книжного маркетинга»¹¹.

Наиболее используемыми в «бумажных» изданиях жанрами стали обзоры (сегодня они особенно популярны в общественно-политической и не специализирующейся на вопросах литературы прессе), аннотации, рецензии, агитационные рекламные статьи и — чуть реже — интервью с писателями и биографические очерки. Не всегда и не во всех печатных СМИ сегодня находится место критическим статьям, эссе, полемическим заметкам, письмам читателей. В Интернете же все перечисленные жанры находят свое место. На наш взгляд, в Сети пока нет ни одного литературно-критического жанра, который можно было посчитать забытым. Более того, авторы

сетевой критики открывают второе дыхание в традиционных жанрах. Так, например, произошло с **критическим отзывом**, которой, благодаря усилиям преимущественно авторов «стихийной» критики, стал более кратким, ясным, внятным, бойким и ироничным. Вот, скажем, яркий пример такого отзыва на рассказ Александра Шакилова «Спринтер», взятый с «национального сервера современной прозы» Proza.ru. В центре произведения — описание внутреннего мира двенадцатилетнего мальчика-инвалида. В результате аварии, приковавшей Тему к креслу и навсегда лишившей его родителей, между героем и объективной действительностью вырастает стена его фантазий. В них Тема видит себя блестящим спортсменом, жизнь которого — это громкие победы, любовь поклонников и, как следствие, радость и гордость родителей. В реальности же — почти нищая жизнь с бабушкой и абсолютное равнодушие окружающего мира. Отклик, написанный на рассказ «Спринтер» автором по имени Turandot, точен и лаконичен: *«Отлично выдержан баланс, не скатывающийся ни к хрустально-розовым дрожащим слезинкам, ни к разухабистому чернушному ёрничанью. Эмоциональная наполненность без излишнего эмоционального надрыва, но производящая, тем не менее, куда больший эффект на читателя.»*

Чуть следовало бы проработать еще, вычитать — но это уж шрифтовка, со временем.

Хороший слог и стиль, обещающий стать своим, только своим, авторским. В чем и хочется пожелать успехов и терпения». Или еще более краткий и емкий отклик, оставленный «Умницей»: «Не знаю... Но пишете Вы хорошо».

Одним из наиболее динамично используемых сегодня в литературно-критической среде Интернета является жанр **критической статьи**. Стоит отметить, что он, в отличие от отзыва, — прерогатива «официальной» ветви. Основные проблемы, которые статья призвана решать сегодня в Интернете, — это теоретическое осмысление достижений сетевой литературы, попытки зафиксировать и осмыслить ее специфику, достоинства и недостатки. От своего «бумажного» прототипа статью отличает усиленное внимание не к конкретным субъектам или литературным группам текущего творческого процесса, но к самому явлению сетевой литературы, ее состоянию. Массив критических статей такого характера в русском литературном Интернете огромен. Среди наиболее заметных работ — статья М. Константиновой «В сетях рулинета» (о тематической специфике данной статьи говорит ее подзаголовок: «Полностью заменить собой литературу Интернет не может, а вот изменять — уже начал». М. Константинова сравнивает значения таких понятий как «автор», «профессионализм», «качество текстов», «аудитория», «успех» в традиционной и сетевой литературах). Не меньший интерес представляет и статья Энрике Шмидта «Бестелесные радости» о том, что сетевая литература более раскрепощена, деперсонифицирована. Отличительной особенностью авторов «сетературы» стало «преодоление собственной телесности, осво-

бождение мысли и души от своей изначальной природы и вхождение в свободный, лишенный какой-либо косности виртуальный мир... соответственно, принципиально другими становятся литература и литературное творчество. Принципиально в другом качестве выступает здесь автор, происходит одновременно «распад литературного субъекта» и «растворение единого текста в бесконечных разветвлениях гипертекста». «Мультипликация субъекта, или, другими словами, деконструкция монолитного литературного я... выглядит в контексте Интернета вполне органично». Интересны также рассуждения В. Курицына в статье «Сон о сети» («Главный и единственный тезис [этого] выступления: все фокусы, которые дарит нам Интернет, уже были. Они предумотрены бумажной литературой. Гостевые книги и «творческие среды» снисли Пушкину и Шекспиру. Лучшие перья, пытливейшие ундервуды пытались воплотить на бумаге эти неясные интуиции. Воплощали совершенно неполно, если сравнивать с той возможностью воплощения, которая есть сейчас. В этом разница: да, было все, но чаще в качестве метафоры. В виртуальном мире появилась возможность сделать метафоры реальными. Реализовать метафоры»). И еще одна достойная внимания критическая статья принадлежит Д. Кузьмину. Его «Краткий катехизис русского литературного Интернета» посвящен шести основным вопросам, вынесенным в заголовки отдельных частей статьи: «Какая литература шире всего представлена в Интернете?», «Правда ли, что Интернет — это современный самиздат?», «Как соприкасаются в Интернете профессионалы и любители?», «Что изменилось в Сети с приходом профессионалов?», «Можно ли найти в Интернете новые переводы, публикации по зарубежной литературе?», «Как обстоят в Сети дела с авторским правом?», «Составляет ли Интернет конкуренцию «бумажным» изданиям?».

Жанр **критического очерка (эссе)**, несомненно, популярен как среди профессиональных литераторов, так и среди обычных пользователей, оставляющих свои замечания в гостевых книгах, форумах, чатах или, как это бывает на сайтах типа proza.ru и stih.ru, входящих после прочтения в файл «Добавить рецензию». Как и предполагает классическая теория данного жанра, он позволяет автору дать максимально глубокий взгляд по проблеме рассматриваемого произведения, достичь предельного самораскрытия в собственных рассуждениях, постоянно соотносящихся с мыслями из критикуемого художественного произведения. Чем новым обогатился критический очерк (эссе) в сети? Главным образом, лексической и стилистической раскрепощенностью, вследствие чего читать его стало увлекательнее. Интернетскому автору не нужно поддерживать марку издания, в котором он публикуется, не нужно подстраиваться под четко определенную целевую аудиторию и стремиться оправдывать ее надежды (как это происходит в «бумажной» газетно-журнальной периодике). Автор демонстрирует эмоции (аргументированные, но все же эмоции!) от прочитанного. Вот

пример. На литературном сайте www.topos.ru в числе постоянных авторов фигурирует талантливая эссеистка Маруся Климова (под этим именем пишет известная писательница и переводчица Татьяна Кондратович). Она ведет постоянную рубрику сайта «Глазами гения», в которой ее критический взгляд на те или иные художественные произведения всегда сопровождается рассуждениями о многих сопутствующих явлениях современной действительности, отличается подчеркнуто индивидуалистическим восприятием критикуемых текстов, параллелями из собственной жизни. Таков материал, посвященный 85-летию А. И. Солженицына «Однажды в России»¹², где автор длинно рассказывает о своей любви к кофе, которая помогла ей выиграть зонтик от «Нескафе Голд». Получение этого приза на почте по дате совпало с недавно праздновавшимся юбилейным днем рождения писателя. И таким образом, повествование Маруси Климовой превращается в довольно глубокие и интересные размышления об «Одном дне Ивана Денисовича», переплетая их с еще в школе полученными впечатлениями от его прочтения. Не менее индивидуалистично (как того и требует жанр) и ее эссе о творчестве Жана Жене «За что мне нравится Жене?». Кроме того, среди блестящих мастеров сетевой эссеистики следует отметить Льва Пирогова, всегда живо и образно подающего свои критические мнения в жанре эссе, а также форумы сайтов lito.ru, proza.ru и stihi.ru. На них чаще попадает, если можно так выразиться, микро-эссе. Как, например, это, взятое со «стихов.ру». Катя Непомнящая посвятила его стихотворению Елены Кантор (Люлики) «Утопия»: «Станет моим любимым у тебя (или одним из). Я собираюсь написать стихотворение, где попытаюсь протистить с темой бабочек (опять же по личным мотивам). Лен, это как рисунок на шелковой ткани. У меня дома в прихожей висит китайская картинка. Вчера, когда китаец принес мне еду (иногда заказываю), он так обрадовался, что уходить не хотел. Сказал, что она удачу мне принесёт. Только твой рисунок выполнен изящнее. Спасибо».

Жанр **рецензии**, если верить ссылкам на главных страницах большинства пишущих о литературе интернетских страниц, является самым популярным и востребованным. Практически на каждом посвященном досугу сайте можно найти ссылку «Рецензии» и... наткнуться на тексты, которые рецензией не являются. Под этим жанром в сети маскируется огромное множество откликов, аннотаций и небольших по объему, как правило, рекламных текстов. Вот как сформулировано представление о сетевой рецензии на литературном портале russ.ru: «Рецензия — объем до 90 строк (3 стандартные страницы). Сущностно рецензия отвечает лишь на два вопроса: о чем данная книга (спектакль, ТВ-шоу и т. п.) с обязательной, пусть весьма ограниченной, демонстрацией фрагмента текста, картинки; как это сделано (по возможности, с каким-то соотношением с родственными явлениями, описанием контекста)». Как правило, непрофессиональные критики, работая по такой

схеме, забывают о том, что назначение рецензии — воссоздать *образ* рассматриваемого художественного произведения. Чаще всего они ограничиваются банальным пересказом, цитированием отрывков, предлагая читателю самостоятельно оценить «авторскую стилистику». Такой уровень критики является обычным для lib.km.ru, ссылок «Литература» на мультипорталах Яндекс, Апорт и Рамблер.

На этом фоне рецензии литературных сайтов (журнального типа) выглядят образцом соблюдения «чистоты жанра» и практически ничем не отличаются от «бумажных» прародителей. Разве только гипертекстовыми ссылками на критикуемые тексты и примеры «родственных явлений» в литературе.

Из поэтических литературно-критических жанров на сегодняшний день в Интернете необычайно бурно используется **пародия**. Споры о том, стоит ли считать ее формой (жанром) литературно-художественной критики, ведутся до сих пор. На мой взгляд, наиболее аргументированной является позиция исследователей, признающих за пародией право быть полноценным критическим жанром. Такой точки зрения придерживался, в частности, А. Морозов, утверждавший, что «литературная пародия, сатирическая и отчасти юмористическая, в отличие от пародических использований, является одной из форм художественной критики. Пародия вырастает из критики и продолжает её средствами, заимствованными из арсенала самого критикуемого. Это — предметная критика. Раздраженный и насмешливый критик, наряду с логическими доводами, переходит на пародию. Приведение к абсурду художественных средств разбираемого автора является своеобразным критическим доказательством»¹³. Об этом же говорит Л. Гроссман в своей статье «Жанры литературной критики» предлагая классификацию критических работ, одной из которых предстаёт пародия: «...8) рецензия; 9) критический рассказ; 10) литературное письмо; 11) критический диалог; 12) пародия...». Данную точку зрения учёный доказывает и в других работах: «Пародия на литературное произведение всегда является его оценкой. Выделяя и гипертрофируя те или иные комические, странные или своеобразные черты оригинала, пародия тем самым характеризует данный текст, отражает его в своём «кривом зеркале» под определённым углом зрения, судит и оценивает его... Анализ жанра свидетельствует, что искусство пародиста чрезвычайно родственно приёмам и задачам литературной критики»¹⁴.

На «стихийном» уровне пародиями изобилует интернет-страница stihi.ru Вот яркий пример — стихотворение Аси Аськиной, опубликованное на сайте:

*Мой милый в ванне лежит, отмывая.
А мысли милого где-то витают.
О слоганах новых для фирмы пельменной,
О дани своей для рекламы нетленной.
Я фибрами всеми души ощущаю,
Как я для него на часок исчезаю.
И пальчикам нежным моим очень жалко,
Что спину без них трет жестоко мочалка.*

Эта публикация получила в свой адрес в качестве ответа пять литературно-критических пародий. Вот одна из них:

*Крутится, вертится мыла кусок,
Белая пенка летит в потолок,
Руки проворно снуют вверх и вниз -
С охоткой исполню я мужа каприз:*

*Шею намылю, надраю лопатки,
На кухню потом побегу без оглядки -
Варится супчик и тушится плов,
Чтоб мой муженёк был для ночи готов.*

На бумаге стихотворная пародия давно стала вымирающим видом, а в Интернете она существует вполне успешно.

Подводя итоги сказанному, следует отметить главное, что внес Интернет в литературную критику: сетевой читатель сегодня стал полноправным, активным участником литературного процесса, субъектом, который в значительной степени влияет на его облик. Вследствие этого читатель в Сети, наряду с профессиональными и авторитетными литературными критиками, теперь нередко выступает в качестве автора-творца. Насколько эти изменения позитивны и как они повлияют на литературный процесс в целом, еще предстоит исследовать.

Примечания

1. Долгополов А. Литературные ресурсы в Интернете: функциональный подход и подход и попытка клас-

сификации // Акценты. 2003. №2–3. С. 34–38.

2. Наиболее полный список работ по теории сетевой литературы (в том числе и упомянутых Д.Кузьминского и М.Константиновой) представлен в Интернете по адресу <http://www.litera.ru/slova/teoriya/index.htm>

3. Изначально опубликовано в «Литературной газете» – 30 января–5 февраля 2002г. – С.7.

4. Кот Аллерген. Постмодернизм? Нет, нетнеизм!// http://www.russ.ru/netcult/20030136_allergen.html

5. Андреев А. СЕТЕРАтура как ее NET // <http://www.litera.ru/slova/andreev/setnet.html>

6. В качестве примера можно привести популярных сегодня писателей Алексея Экслера и Макса Фрая.

7. Долгополов А. Литературные ресурсы в Интернете: функциональный подход и подход и попытка классификации // Акценты. 2003. №2–3. С. 34–38.

8. Там же.

9. Там же.

10. Костырко С. Сетевое: легенда об Экслере, небо-логическое самоусовершенствование, литературное Рок-Кабареи архив приказов по литературному институту // Новый мир. 2001. №11.

11. Бавильский Д. Ситуация в критике сегодня ужасная // http://www.russ.ru/krug/20030815_krit.html

12. Климова М. Глазами гения №13. Однажды в России // <http://www.topos.ru/cgi-bin/article.pl?id=1892>

13. Морозов А.А. Русская стихотворная пародия // Русская стихотворная пародия (XVIII-начало XX вв.) – Л.: Сов. писатель, 1960. С. 7.

14. Гроссман Л. Пародия как жанр литературной критики // Бегак Б., Кравцов Н., Морозов А. Русская литературная пародия. – М.-Л., 1930. С. 39, 48.

г. Воронеж.

А. И. АКОПОВ

Язык как основа глобальной сетевой коммуникации

Проблемы языка и текста в электронных сетях в широком смысле этих понятий настолько сложны и многоаспектны, что следует вначале остановиться на этом. В самом деле, каким образом можно охватить все проблемы языка, даже в самом постановочном виде, в единой формуле? Ведь Интернет — это целый мир, среда обитания современного человека. И тогда — что есть язык и текст Интернета? Речь может идти и о языке программирования, и о тексте сетевых публикаций, и о способе передачи информации, и о специфике коммуникации, и о способе организации текста, и о форме изображения, и о многих других лингвистических, психологических, технических и иных проблемах.

Конечно, не только в Сети, но и в реальной действительности существует все разнообразие устной и письменной речи, текстов различных жанров и форм, но только в Сети многочисленные аспекты языкового функционирования объединены в причудливый конгломерат переплетенных и перемешанных тем, проблем и вопросов.

В данной статье предпринимается попытка кратко охарактеризовать и сформулировать некоторые из них, на взгляд автора, наиболее актуальные.

Для начала необходимо, прежде всего, выделить в особый блок проблемы технологические, в первую очередь, программистские. При этом не следует думать, что речь идет только о технике — компьютерах и программах. Ведь машинные проблемы напрямую влияют на возможности воспроизведения текста в Сети, однако в данной работе они не рассматриваются. Что касается остального, то начать стоит с распространения Интернета в мировом сообществе. Для того чтобы эффективно распространить Интернет по всему миру, есть два пути. Первый из них — создание универсального языка, доступного всем жителям планеты. Создать единый язык — вековая мечта обитателей Земли. Согласно ветхозаветному мифу (Быт. 11:1—9) изначально, по воле Творца, «на всей земле был один язык и одно наречие». Но когда люди, пришедшие с Востока в Месопотамию, решили «построить себе город и башню высотой до небес», Бог посчитал это непростительной дерзостью и смешал язык их, «так чтобы один не понимал речи другого», и рассеял их «оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню]. Посему дано ему имя: Вавилон» (считается, что от древнееврейского глагола «балал» — сме-

шивать)¹. Так и началось Вавилонское столпотворение, которое продолжается до сих пор. Но мечта о едином языке осталась навсегда, а нынче, в эпоху глобализации, приобрела черты воистину знакового события, способного изменить мир. Возможность всех (а не только англоязычных!) обитателей планеты и каждого индивидуума, в частности, а также культурных, этнических, религиозных и иных групп людей по интересам напрямую общаться друг с другом в реальном времени, обращаться к мировому сообществу, — это, может быть, единственный выход из противоречий и угроз, в которых оказалось современное человечество!

Наиболее близкой к массовому воплощению попыткой создания международного языка в прошедшее столетие оказалось создание **эсперанто**. Опубликованный в 1887 году варшавским врачом Людовиком Заменгофом проект поначалу был горячо воспринят мировой гуманитарной общественностью. Эсперантисты по праву гордятся поддержкой Л. Н. Толстого, высказывание которого я впервые прочитал на одном из центральных их сайтов. Не удержусь, чтобы его не привести: «Для того, чтобы люди могли понимать друг друга, нужно или то, чтобы все языки сами собой слились в один, что если и случится когда-либо, то только через большое время... или то, чтобы был избран всеми один язык, которому обязательно обучались бы все народы или, наконец, то, чтобы все люди разных национальностей составили бы себе один международный облегченный язык и все обучались ему. В этом и состоит мысль эсперантистов. Мне кажется, что последнее предположение самое разумное и, главное, скорее всего осуществимое.» (Л. Н. Толстой. Собр. соч.: Т.6, С.101)².

Вопреки поддержке представителей культуры и усилиям значительного числа энтузиастов по всему миру эсперанто больше века распространялся в разных странах, но решающего успеха так и не достиг. В этом смысле мировая электронная сеть предоставила эсперанто качественно новый шанс. Поэтому в последние годы профессионалы-эсперантисты предприняли (и предпринимают до сих пор) отчаянные попытки внедрить в Интернет именно этот, уже созданный, международный язык. В 90-е годы был подготовлен комплекс программного обеспечения, созданы мощные серверы и многочисленные сайты эсперантистов, проводятся международные конференции, издается немало книг, в том числе словарей, учебников по эсперанто на

различных языках. В Интернете представлен Всемирный союз эсперантистов (www.eua.org), Российский союз эсперантистов (www.reu.newmail.ru), много различных специализированных сайтов, есть и эсперантоязычный портал www.rusio.ru. Однако, к сожалению, прогнозы энтузиастов в отношении эсперанто как универсального сетевого международного языка оказались слишком оптимистическими. Кроме обычных психологических барьеров, препятствующих распространению эсперанто в доинтернетскую эпоху, прибавились интересы сетевых монополистов, производящих компьютерное и сетевое оборудование и программное обеспечение. Так или иначе, но этот путь в глобальном смысле пока остается нереальным.

Второй путь — массовое внедрение прогрессивного интернет-оборудования в новые языковые этнические пространства. Ведь сотни языковых сообществ на земле остаются неохваченными Интернетом по причине отсутствия адаптированных программно-технических средств. Проблема заключается в огромной стоимости последних, что при малом тираже неприемлемо для производителей сетевого оборудования и программного обеспечения вследствие большой убыточности мероприятия. Речь идет о шрифтах, кодировках, клавиатуре и прочем. Даже такие распространенные языки Востока как китайский, японский и корейский внедрялись в Сеть с большими трудностями. В связи с этим японские ученые — лингвисты и специалисты в области сетевых технологий — в течение уже многих лет работают над созданием универсального, по их мнению, машинного языка. Принцип этого языка основан на использовании модулей-переводчиков с любого языка на любой другой. Таким образом, не посягая на коренные языки этносов, японцы предлагают массовое использование сверхскоростных электронных переводчиков, которые сразу будут выдавать пользователю текст на его родном языке³. Опыт применения первых модулей показывает, что, хотя они далеки от совершенства, пользоваться ими в большинстве случаев вполне можно, и это еще один серьезный шаг на пути международного общения. Правда, объем предстоящей работы, вследствие огромного количества функционирующих в мире языков, а также неприменимость модулей для научно-культурологических и профессиональных целей — вызывает уныние. Во всяком случае, это задача не одного десятилетия...

Что касается русского языка, то, несмотря на его пока еще не очень массовое распространение в Интернете (десятое место по числу пользователей), его значение на огромных пространствах бывшего СССР и ряда стран, где проживают многочисленные русскоязычные диаспоры (Израиль, Испания, Германия, США, Канада и др.) — трудно переоценить. Особенно, если выделить культурную составляющую русского Интернета (Рунета).

Использование многими народностями бывшего СССР в качестве шрифта кириллицы вначале способствовало быстрому освоению Интернета, одна-

ко с переходом некоторых бывших республик на латиницу возникли проблемы, связанные с несоответствием действующих кодировок ряду специфических букв в каждом из языков и опять-таки дороговизной сетевого перевооружения.

Проблемы создания международного языка или создание возможности функционирования действующих национальных языков имеют большое геополитическое значение и, вследствие этого, а также слишком больших, непосильных для многих этносов, затрат, должны решаться на уровне международных культурологических программ, скажем, ЮНЕСКО, ЕЭС и СНГ.

Другая группа проблем связана с языком сетевых текстов. Первое, что бросается в глаза русскоязычному пользователю, впервые вступающему в сетевое пространство, это обилие англицизмов. Сетевой язык испещрен всевозможными вариациями английских терминов — как в развернутом, так и в сокращенном виде, а иногда в форме аббревиатур фразеологических оборотов. При этом английские слова часто пишутся на кириллице, изменяются в русских грамматических формах, превращаясь в оригинальные новообразования. Больше всего подобное лексическое формотворчество касается терминологии, имеющей западные, в основном, американские корни, но проникающей также во все другие сферы языка. Можно сказать, что Интернет способствует смешению лексики и трансформации языка именно в силу своего главного свойства — сверхскорости передачи информации. Пользователь пишет «please» вместо «пожалуйста» просто потому, что первое короче, а затем, по той же причине, чтобы не переключать клавиатуру при наборе на латиницу и обратно, — «плиз» и даже «плз»! Термин **subj** (сокращенный вариант от **subject** — тема, предмет) чаще применяется в русской транскрипции *сабж*. Популярное приветствие **hail** имеет русский эквивалент *хай*. Пример другого плана. Зачем писать четыре длинных английских слова, обозначающие устойчивое выражение «исключительно по моему мнению», когда можно, опять же не переключая клавиатуру на английский, набрать всего четыре русские буквы — «имхо» (взамен аббревиатуры ИМНО). Еще эффективней экономия языкового материала выглядит при обмене технологической информацией между специалистами. (Ко всему вышесказанному напомним, что за время работы в Интернете, увы, надо платить).

Что касается англицизмов, тут придется смириться: не захотели заниматься в свое время «вредной» наукой кибернетикой, изобретение вышло «ихнее», на кого ж теперь обижаться? Когда-то Лев Ошанин, автор текстов многих весьма популярных патристических песен (так не хочется употребить современное словечко «шлягер»!), написал большое стихотворение, в котором была такая строчка: «И вот летит по миру слово sputnik, его по-русски произносит мир!» и гордое утверждение в конце: «О, сколько новых слов, необычайных, внесем мы в человеческий язык!» (цитирую по памяти). Ну, вот, как

внесем, так и русицизмы пойдут, коих тоже немало (одна *perestroika* чего стоит!).

Теперь рассмотрим вопрос отхода от литературных норм. Естественное раздражение филолога по поводу очередного посягательства на «великий и могучий» при внимательном изучении существа происходящего быстро сменится осознанием того, что мы имеем дело с возникновением еще одного профессионального языка, *языка сетевого общения*, который литературный язык не испортит, потому что изначально является иным.

Тут стоит напомнить слова известного немецкого теоретика печати Эмиля Дофивата, который в своей знаменитой работе «*Zeitungslehre*» посвящает отдельный параграф (Die Sprache in der Zeitung) языку прессы. Приводя примеры нападков на газетный язык, начиная с 17 века, он подчеркивает: «Газетный язык — это профессиональный язык, как и любой другой. Он должен соответственно оцениваться...» и дальше — «критики забывают, что в публицистике язык... должен оставаться понятным и близким к жизни. Иногда как раз благодаря этому он становится обновленным и творческим». Очищение газетного языка «до химической чистоты», по мнению Э. Дофивата, как раз и делает текст «бездухным и бесплодным»⁴. Представляется очевидным возможность применить эти рассуждения и к языку Интернета. (Разумеется, если речь не идет об обычной языковой безграмотности).

Другое дело, что люди, пишущие в Интернете, зачастую забывают, что Сеть — это пространство, где есть всё, как и в реальном мире — от высокой культуры до мусорной свалки. Потому и изъясняться надо соответственно месту действия. Это относится, естественно, и к текстам сетевых публикаций: в культурном издании они должны быть написаны на литературном языке. Впрочем, применение разных стилей и владение литературным языком зависит и от культуры пишущего. Так что ситуация вполне логичная, ничего сверхъестественного в этом смысле в Сети не происходит.

Однако есть другое: в Сети возникла «новая форма языкового взаимодействия — письменная разговорная речь»⁵. На это до цитируемой выше работы Г. Н. Трофимовой обратили внимание ряд сетевых авторов, например, А. Травин, употребивший по этому поводу выражение «письменная устная речь»⁶. Рассуждение на эту тему имеют место и в диссертации М. М. Колесниковой⁷. На мой взгляд, этому феномену стоит посвятить отдельное исследование. Ведь мы имеем дело с необычным сочетанием устной речи и письменного текста, на которое накладываются эмоциональные психофизические элементы. Близкое к этому имеет место в письме, где адресат известен автору послания, и поэтому последний во время письма как бы представляет своего визави в процессе их воображаемого разговора. Но в сетевом общении все гораздо острее вследствие резкого сокращения срока прочтения сообщения (вплоть до прямого диалога в программе ICQ). Важно подчеркнуть: сказанное отно-

сится не только к жанру письма или беседы, но также к любому тексту. В прежние времена автор статьи, предназначенной для печатного научного издания, во время ее написания не думал о реакции читателя, потому что до выхода в свет (при риске неприятия работы редакцией) и чтения его работы коллегой (известным или неизвестным) проходило несколько месяцев, а иногда и годы. Совсем другое ощущение пишущего, уверенного в том, что первые читатели могут появиться (и даже написать отклик) уже в день публикации, которая, в свою очередь, может состояться даже в день написания текста. В этих условиях психология автора иная, и он тоже, как и в письме, как бы ведет воображаемый разговор с читателями, часть из которых ему знакома. А это, безусловно, оказывает влияние на стиль и манеру изложения.

Стоит отметить, что и авторы, и редакции могут и не быть подвержены этой сетевой специфике, а создавать и публиковать обычные, традиционные тексты, такие же, какие пишутся для печатных изданий. В Интернете это тоже можно увидеть: тексты и издания без сетевой специфики.

В целом текст сетевой публикации более динамичен, индивидуализирован, конкретен, краток. Для этого используются: сетевая терминология, знание читательской аудитории, интерактивность, выражающаяся, в частности, в гиперссылках. Последние составляют основу гипертекста, представляющего собой отдельный, весьма широкий объект для исследования. Понятие гипертекста как нелинейной формы письма возникло задолго до Интернета. Эту форму давно использовали разные писатели, например, Набоков, Борхес, Кортасар, Павич. Об этом писали и в литературно-художественных журналах, и, в последние годы, в Сети А. Андреев, М. Визель, С. Корнев, Э. Шмидт. Этой теме, ввиду ее необъятности и специфичности, мы касаться не будем, отметив лишь некоторые моменты, влияющие на восприятие текста публикации.

Гипертекст в Сети представляет собой *способ организации информации, позволяющий создать объемное текстовое пространство, состоящее из системы текстов, семантически связанных между собой и подчиняющихся основному тексту публикации*. Последнее представляется важным, так как тексты, на которые имеются интерактивные ссылки, не должны быть слишком большими, а сами ссылки — слишком частыми, иначе потеряется значение и смысл самой публикации. К сожалению, в Интернете нередко можно наблюдать обратное, что приводит не к усилению аргументации излагаемых в публикации положений, а к ослаблению, размытости изначальной идеи. (Кстати. Не только в смысле нелинейной формы письма, а и с точки зрения «способа организации информации» Интернет не избрал гипертекст. Попытки сделать текст объемным, получить в нем два и больше уровня углублений мы наблюдаем уже в сочетании двух изданий Г. Ф. Миллера 1728 года — в газете «Санкт-Петербургские ведомости» и в приложении к ней — «Примечаниях», где вход в

углубление и расширение понятий, в отсутствие спасительной электронной клавиши сегодня, осуществлялся элементарным копанием во втором бумажном издании...).

Подытоживая сказанное, еще раз подчеркнем: язык и текст в Интернете представляют собой большой пласт проблем, подлежащих серьезному научному исследованию.

Примечания

1. Библия. Ветхий Завет. Бытие 11:1-9
2. www.openweb.ru-esperanto.

3. См.: М. Латышева. Переведем туда и обратно // <http://segodnya.ru>

4. E. Dovifat. *Zeitungslehre*. — Berlin, s. 125. (Цитируется в моем переводе — А. А.)

5. Г. Н. Трофимова. К вопросу о специфике функционирования русского языка в Интернете // www.dialog-21.ru/archive.

6. А. Травин. Электронная письменная переписка // www.russ.ru/netcult.

7. М. М. Колесникова. Периодические издания электронных сетей. — Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. — Ростов-на-Дону, 2003.

г. ТОЛЬЯТТИ.

В. В. Кихтан

Он-лайн журналистика в свете сегодняшнего дня

Журналистика сегодня преобразается буквально на глазах. Использование Интернета расширило возможности традиционных средств массовой информации. Одновременно всемирная паутина способствовала возникновению сетевых изданий, которые, как правило, не имеют печатных аналогов.

В Интернет пришли радио и телевидение. «Новые технологии создают новые средства распространения новостей», — отмечают Р. Рэддик и Э. Кинг¹. И далее они отмечают: «Являясь одновременно полезным инструментом для репортеров, Internet и, в частности, World Wide Web приобретают также большее значение в качестве новой среды для распространения новостей»².

Эти изменения столь динамичны, что трудно поверить в то, что около десяти лет назад в России мало кто слышал или говорил об Интернете. Сегодня к нему подключены миллионы людей, и число их постоянно растет. Его услугами пользуются уже не только профессиональные компьютерщики, но и люди самых разных профессий.

Журналистика — одна из тех, кто наиболее интенсивно осваивает это пространство. Для журналиста Интернет — это огромный и неистошимый источник новостей, событий, тем для статей, репортажей и др. Главное — уметь пользоваться им, рационально применять полученную информацию, каким образом и где — на этот вопрос попытаемся ответить в данной статье. В ней будут рассмотрены три основных вопроса:

1. Сетевые новостные ресурсы.
2. Краткий обзор новостных порталов.
3. Каталог ссылок.

Безусловно, это только начало освоения большой и весьма плодотворной темы — сетевая журналистика или журналистика он-лайн. Эти термины уже признаны нашей наукой, и ими мы будем пользоваться как синонимами.

Хочется надеяться, что и само понятие, и непосредственно проблема сетевой или он-лайн жур-

налистики найдет достойное место в исследовательском поле СМИ как явление, того заслуживающее.

Сетевые новостные ресурсы

Рейтинг четырех лучших новостных сайтов в сети Internet (**Rambler's top 100**).

По данным на конец 2003 года в четверку лучших сайтов входят:

1. www.lenta.ru
2. www.rbc.ru
3. www.gazeta.ru
4. www.izvestia.ru

Поисковая система и рейтинг Rambler — одни из самых популярных ресурсов в российской части Интернета. Rambler содержит миллионы документов с более чем 42 тысячами сайтами России и стран СНГ, имеет развитый язык запросов и гибкую форму вывода результатов.

Сайт Rambler's top 100 каждый день обновляет информацию и статистику (<http://top100.rambler.ru/top100/> раздел «СМИ и периодика». (см. табл.).

«Традиционные СМИ — печатные и даже электронные — в современном мире уже не могут играть той роли, которая принадлежала им всего несколько лет назад. Интернет становится одним из ключевых факторов эволюции общества...», — эти слова до сих пор украшают презентационный раздел одного из первых в Татарстане «СМИ нового поколения».

В начале 90-х годов несколько российских федеральных печатных изданий стартовали во Всемирную Сеть, а уже чуть позже появились и так называемые «он-лайн-СМИ». В это время на рынках масс-медиа уже ощущалось характерное оживление, вызванное ростом популярности Интернета.

Следует отдать должное владельцам газет, которые первыми открыли свои электронные представительства. Теперь в штатном расписании редакций

Рейтинг по посещению заглавных страниц

Сайт	Хосты	Посетители	Хиты
Lenta.ru	20 606	23 714	33 593
RBC.ru	17 558	26 083	44 003
Gazeta.ru	16 063	18 738	28 585
Izvestia.ru	10 249	11 777	15 383

федеральных изданий появились должности веб-редакторов и веб-мастеров, а любимые газеты и журналы с той поры стали доступны в любой точке мира. Электронные версии усилили раскрученные бренды, сделали издания роднее, аудиторию — моложе.

По мнению исследователя СМИ в Интернете А. А. Калмыкова, существуют три различия СМИ в он-лайн:

— Интрамедиаальные (когда функции традиционных СМИ дополняются он-лайн изданиями): (газета и ее он-лайн версия — А.К.)

— Интермедиаальные (различия между новыми и старыми СМИ одной категории): он-лайн-СМИ имеют здесь преимущество, как уже сказано, из-за возможности перманентного обновления.

— Трансмедиаальные (путем создания новых форм коммуникации): новые формы интерактивного общения, когда реципиент может выбирать информацию из бесконечного потока предложений. Таковым является информационно-образовательный портал, как, например, созданный им, где есть каталоги ссылок на другие сайты и т. д.

Кстати, есть в мире зарубежный сегмент аудитории. Именно поэтому на заре своей молодости Интернет чаще сравнивался с телевидением. И не только из-за преемственного значения он-лайн-СМИ на волне взрывного роста этой отрасли. Ключевые факторы здесь — оперативность и географическая широта покрытия. Интернет-ТВ имеет колоссальные перспективы, не сравнимые ни с виртуальными лентами, ни с он-лайн-версиями газет, — с ним не придется дожидаться времени новостей. Но, как говорится в одном рекламном ролике, «не в этой жизни».

Он-лайн-ТВ дорого, трудоемко, да и технология его пока еще не доработана. А потому форма подачи информации в Интернете в ближайшие годы вряд ли принципиально изменится, разве что информационная база станет мощнее и визуально насыщеннее. Именно таких изменений — скорее, «количественных», чем качественных — следует ждать от активизации сайтов традиционных СМИ. Успех их работы в принципе зависит от «качества интеграции с работой «оф-лайновых» журналистов. А у последних, как мы знаем, кроме устоявшихся десятилетиями традиций и механизмов, на руках — уже созданные материально-техническая база, уже заключенные договоры с информационными агентствами и уже раскрученная аудитория.

Lenta.Ru — новости он-лайн

Мировые и российские новости: политика и экономика, культура и искусство, компьютеры и Интернет, финансы и техника, спорт. Сообщения ведущих информационных агентств. Архив публикаций новостей ведущих информационных агентств.

Свидетельство о регистрации Lenta.ru

Lenta.ru зарегистрирована в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетель-

ство о регистрации средства массовой информации ЭЛ 777—4400 выдано 23 февраля 2001 года. Lenta.ru зарегистрирована в качестве электронного периодического издания. Учредитель — ЗАО «Лента.Ру».

Кто делает Lenta.Ru

Проект Lenta.Ru — результат сотрудничества Фонда эффективной политики и интернет-холдинга «Рамблер» с командой интернет-профессионалов, создавших в декабре 1998 года проект Gazeta.Ru

Правила поведения на форумах Lenta.Ru

Форумы Lenta.Ru открыты для спокойного обсуждения новостных материалов сайта. В критических случаях в обсуждение может вмешаться модератор. Его слово — закон.

Экспорт новостей из Lenta.Ru

Заголовки, подзаголовки, краткие аннотации и иллюстрации к новостям Lenta.Ru можно автоматически экспортировать для републикации на любом другом сайте. Многие корпоративные веб-мастера и владельцы личных страниц находят эту возможность для себя полезной.

Как перепечатывать из Lenta.Ru

Все материалы, опубликованные на сервере Lenta.Ru, за исключением особо оговоренных случаев, могут быть воспроизведены в любых средствах массовой информации, на серверах сети Интернет или на любых иных носителях без каких-либо ограничений. Единственным условием перепечатки и ретрансляции является ссылка на первоисточник.

Рубрика «Обзоры»

Рубрика «Обзоры» является специализированным разделом сервера, предназначенным для публикации обзоров других СМИ, материалов сторонних авторов, писем общественных организаций и других документов представляющих какой-либо интерес. ЗАО «Лента.Ру» и редакция не несут ответственности за содержание этих материалов и достоверность изложенной там информации.

Lenta.Ru открыла подписку на новости

Lenta.Ru открывает сервис рассылки оперативных сводок своих новостей через службу рассылок Subscribe.Ru. Читателям, желающим получать сводки по электронной почте, предлагается оформить подписку, сообщив свой адрес электронной почты.

«РосБизнесКонсалтинг» — информационное агентство

Информация (новости, аналитические материалы, обзоры) о деятельности международных и российских валютных, денежных и фондовых рынков. On-Line информация Российской торговой системы о торгах корпоративными ценными бумагами. Новости «пластикового мира». Банковская страница. «Итоги недели» — основные экономические события, ссылки экономические издания. О социально-

экономическом положении России от Госкомстата. Курс доллара.

На сайте есть порою так необходимый и очень удобный «поиск» по электронному изданию и текстам.

Также создана своя сеть владельцев электронных ящиков и подписчиков на новости сайта.

Сервер РИА «РосБизнесКонсалтинг»

Это один из наиболее посещаемых информационных ресурсов в российской части сети Интернет. Его аудитория — руководители высшего и среднего звена.

Социально-демографический портрет аудитории РБК по результатам анкетирования на сайте www.rbc.ru за 2002 год:

Межбанковские Кредиты (МБК) online

«МБК online» — система формирования котировок по межбанковским кредитам. «Межбанковские кредиты» — база данных по ставкам привлечения и размещения рублевых и валютных кредитов на короткие и длинные сроки. Банки, зарегистрированные в системе «Межбанковские Кредиты», имеют возможность выставлять текущие ставки по кредитам в режиме реального времени, причем процедура обновления информации предельно проста и занимает минимум времени. В основе работы системы «Межбанковского кредита» — удобное и надежное программное обеспечение, созданное специалистами РБК и не имеющее аналогов в российском Интернете. Подключиться к «МБК online» можно с любого компьютера с выходом в Интернет.

В настоящее время в системе «Межбанковский Кредит» зарегистрировано около 100 банков. Число уникальных посетителей в день превышает 500.

CNews.Ru — проект Интернет-холдинга РБК

Подборка материалов новостных лент РБК: Hi-Tech News, e-Business News и Telecom News, освещающих события в сфере высоких технологий. Рейтинг новостей. Пресс-релизы компаний. Календарь событий. Форум. Чат.

Из 90 тысяч посетителей РБК.Ru около 10–15 процентов, скорее всего, приносят дополнительные сервисы, не имеющие ничего общего с понятием «СМИ» («халявные» сервисы).

Авторские права на дизайн и всю информацию веб-сайта, а также на подбор и расположение материалов принадлежат РосБизнесКонсалтинг. Все права защищены и охраняются законом (© 1995–2003).

Gazeta.Ru - ежедневная интернет-газета

Новости дня и комментарии. Материалы по разделам: политика, бизнес, финансы, общество, культура, спорт, авто и стиль. Новости про Интернет и информация о компьютерных рынках.

«Известия.Ru» — ежедневное интернет-издание

Лента новостей, обновляемая в режиме реального времени. Публикации о событиях политики,

экономики, социальной жизни, культуры, спорта и др. Архив. Конференции он-лайн. Информация о проектах издания.

Известия — интернет-служба газеты «Известия»

Электронные версии газет и журналов ИД «Известия»: «Известия», «Закон», «Неделя», «Финансовые Известия», «Известия-Экспертиза», «Фотоагентство». Подборки специализированных материалов: обзор рынков, культура, программа TV, погода, медицина, спорт и др. Сведения об информационно-правовой системе «Кодекс». Список услуг. Цены на рекламу. Условия подписки.

Краткий обзор новостных порталов

По мнению специалистов, подобно своим печатным двойникам, сетевые теле- и радио версии разрабатывают свой собственный стиль и подход к освещению событий^{3 [3]}.

И печатная, и сетевая журналистика стараются выделиться не только за счет содержательности своих материалов. Они считают возможным привнести свое в определение пути развития и формы зарождающейся сетевой культуры.

Например, плавающая командная панель, позволяющая легко переходить от одного раздела к другому, возникает автоматически при подключении к сети. В некоторых разделах страницы включены функции использования видеозаписей и прослушивания аудиоинформации в режиме реального времени.

Совсем недавно в Интернете открылся сайт программы «Подробности», и его уже сейчас можно назвать интересным новостным порталом.

В принципе, этот новостной сайт не отличается особой новизной, но в нём присутствуют достаточно интересные рубрики, которые не везде можно встретить: «мнение», «взгляд со стороны» и «калейдоскоп». В остальном портал можно с уверенностью назвать клоном телевизионных «интернетовских подробностей», т. е. типичная интернет-версия новостей.

Другое дело портал Lenta.Ru, который удивляет своей удобностью в навигации и обилием новостей, а также прекрасно продуманным их расположением.

«Ленту» отличает ещё одна положительная черта. Новости не только имеют краткое изложение. Они могут быть представлены и в полном варианте, если заинтересовали читателя. Единственным и самым большим недостатком «Ленты» следует считать её слишком долгую загрузку.

Gazeta.Ru

Электронная газета Российских политических новостей. Анализ и критика новостных сообщений.

NewsLink

Собрание более 1800 соединений к информационным источникам, службам новостей, включая де-

ловые новости и профессиональные ассоциации. Узел поддерживается Эриком Майером (info@newslink.org). NewsLink считается одним из самых популярных среди журналистов.

Russia-On-Line

В сентябре 1995 года «Совам Телепорт» открыл новую сетевую службу Russia-On-Line. Подобно Америке Онлайн и Компьюсерву, Russia-On-Line предоставляет электронные почтовые счета, доступ к Интернету и другие информационные сетевые услуги. Некоторая информация доставляется бесплатно, некоторая — за определенную плату. Появляющиеся информационные сетевые услуги включают:

- «Cominfo» агентство новостей;
- Газета «Экспресс Хроника»;
- Гарант-сервис;
- Гидрометеорологический Центр Российской Федерации;
- Основное финансовое агентство новостей;
- Информационная компания «Руссика-Известия»;
- Издательская группа «Открытые системы»;
- Агентство «О чем говорят газеты».

St.PetersburgPress

Эта электронная версия Санкт-Петербургского еженедельника выпускается в полном объеме (с объявлениями) на английском языке.

Ukrainian Arts Monitor

Еженедельный бюллетень «Ukrainian Arts Monitor» состоит из новостей и объявлений о событиях в области искусства и культуры в Украине. «Ukrainian Arts Monitor» выходит как в виде списка рассылки, так и через Интернет.

Izvestia (Известия)

Этот узел предоставляет статьи из прошлых выпусков «Известий». «Свежая» электронная версия «Известий» доступна (за несколько часов до выпуска печатного издания) подписчикам с электронными счетами через Russia-On-Line.

CNN

Заголовки и текст некоторых статей CNN существуют на WWW. Те, у кого есть мощные компьютеры, высокоскоростные модемы и полные счета Интернета, могут просматривать трансляции CNN в Интернете.

AssociatedPress

Электронные статьи Associated Press имеют восемь категорий (общая, международная, Вашингтон и т. д.), которые обновляются каждые пять минут. Пользователи обязаны зарегистрироваться, хотя доступ к узлу бесплатный. Услуги этого узла предлагаются для частного использования читателями и могут быть перепечатаны, транслированы и использованы без специального письменного разрешения.

Каталог ссылок

Если Вы только начинаете своё знакомство с сетью Интернет, то этот раздел сайта — для Вас. Не секрет, что Интернет содержит очень большое количество информации. Даже слишком. И самая распространённая проблема для новичков — найти нужные сведения. Этот небольшой каталог поможет вам в этом. В нём представлены ссылки на самые разнообразные и полезные ресурсы сети.

Поиск в Интернет

«Яндекс»- поиск по «русскому» Интернету. Учёт русской морфологии. Подсветка найденных документов, показ контекстов. Параллельный поиск в «Новостях» и «Товарах». Подписка на запрос. Структурирование поиска по разделам каталога и серверам.

«Рамблер» — информационно-поисковая система. Первая российская поисковая система. Имеет возможность учета морфологии русского языка.

«Апорт» — поисковая система. Учёт русской морфологии. Выделение контекстов найденных слов. Уточнение поиска по разделам каталога и серверам. Поиск с переводом запроса на английский язык и наоборот.

Google — поисковый сервер. Поиск (в том числе на русском языке), каталог, статистика.

«AltaVista» — поисковая система. Возможность поиска информации в сети интернет (включая русскоязычный Интернет).

«Yahoo!» — поисковая система и каталог ресурсов. Поисковая система (возможен поиск на русском языке). Каталог ссылок на ресурсы сети Интернет в разных странах мира.

«Filesearch» — поиск по FTP-серверам. Поисковая система, осуществляющая поиск среди миллионов файлов, собранных практически со всех Российских FTP-серверов и нескольких тысяч серверов по всему миру. База поиска постоянно обновляется.

Новости

«Утро» — ежедневная электронная газета. Новостная лента. Политические, экономические, спортивные, культурные, криминальные новости. Архив с 1999 года. Курсы валют. Прогноз погоды.

«Ведомости» — электронная версия ежедневной деловой газеты.

«Свежий выпуск». Публикации на темы экономики и макроэкономики России. Прогнозы. Архив. Поиск. Курсы валют. Фондовые индексы. Перечень крупнейших компаний мира. Подписка. Регистрация.

«Страна.Ru» — национальная информационная служба. Материалы на тему: политика, экономика, культура, наука, религия, чрезвычайные ситуации, терроризм. Статьи: ситуация на Ближнем Востоке, АПЛ «Курск», чемпионат мира по шахматам, статус ЦБ РФ и др. Карты и путеводители по округам России. Идеология и принципы работы службы. Перечень сотрудников.

«Коммерсантъ» — издательство. Абонентский доступ к он-лайн версии газеты «Коммерсантъ» (текущим номерам и архивам). Возможность размещения рекламы в газетах издательства и баннеров на сервере. Он-лайн архив журнала «Домовой». Об издательстве: история, награды, документы, сотрудники редакции газеты «Коммерсантъ».

«Regions.Ru» — агентство региональных новостей. Политические, экономические, общественно-культурные новости из регионов страны в режиме on-line. Аналитические материалы. Справочник «Федеральные органы власти». База данных и мониторинг регионального законодательства. Каталог региональных СМИ.

«Финмаркет» — информационное агентство

Полный спектр финансовой, экономической, фондовой информации: курсы, ставки, котировки, ход и итоги торгов. Сведения о внебиржевом рынке векселей. Он-лайн предложения на покупку, продажу банковских и корпоративных долговых обязательств. Новости. Аналитические обзоры рынка, технический анализ, прогнозы, графики. Сведения о предлагаемых агентством услугах и ценах на них.

«Полит.ру» — информационно-политический канал. Ежедневные новости. Политические и экономические обозрения. Комментарии к событиям политики, экономики, культуры российского общества. Мониторинг российских и зарубежных СМИ. Интервью. Статьи. Фотографии. Дискуссии. Подписка.

«Комсомольская правда» — электронная версия ежедневной газеты. Материалы свежего номера в постоянных рубриках. Архив. Анонс следующего номера. История газеты с 1925 года. Сведения о сотрудниках. Условия подписки. Информация для рекламодателей. Чат. Форумы.

«Компьютер Пресс» — электронная версия ежемесячного журнала. Статьи и обзоры по аппаратному и программному обеспечению, компьютерным сетям, играм и мультимедии, телекоммуникациям. Тестирование. Поиск по статьям. Архив номеров.

«АК&М» — информационное агентство. Экономическая, политическая, финансовая информация и новости. Курсы валют — ЦБ РФ, СЭЛТ ММВБ, пункты обмена. Динамика курсов. Итоги торгов.

«Эксперт» — деловой еженедельный журнал. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России. «Эксперт-200»: ежегодный рейтинг крупнейших компаний России. Материалы о крупнейших банках и компаниях России. Подробный финансовый анализ российских эмитентов. Архив с 1995 г. (платный). Ссылки на поисковые системы и популярные российские серверы

«Интерфакс» — информационное агентство. Политические, деловые и финансовые новости из России, стран СНГ и Балтии, мировые новости. Материалы политико-экономического еженедельника «Время». Обзор зарубежной прессы о России, СНГ и странах Балтии. Об услугах и изданиях агентства. Ссылки на сайты правительственных органов РФ.

«Росбалт» — информационное агентство. Сведения об агентстве и его деятельности по сбору и рас-

пространению информации в европейской части России и североευропейских странах. Лента новостей. Архив новостей. Фотоархив.

Телевидение в Интернет

ОРТ — Общественное Российское Телевидение. Официальный сайт Общественного Российского Телевидения. Программа, новости, популярные программы, чат на ОРТ.

РТР — Телевидение и Радио России. Новости, программы РТР, анонсы, общение, пресс-центр. Прямой эфир (RTR TV Live!)

МУЗ-ТВ — национальный музыкальный канал. Программы, ведущие, интерактив, чат, форум, прямой эфир в Real Video.

Телекомпания «ТВЦ». О компании: зона вещания, коммерческая деятельность, результаты работы. Анонсы, описание программ, расписание вещания. Текстовые материалы новостных выпусков.

Радио в Интернет

«Эхо Москвы» — радиостанция. Новостная лента (имеется архив новостей), подписка на рассылку. Программа передач. Расшифровки интервью с гостями радио. Звуковые и текстовые записи эфирных материалов. Он-лайн опрос общественного мнения. Форум. Поиск. Расписание движения поездов, электричек и самолетов. Карта Москвы.

«Автордио — Народная Марка». Сайт радиостанции «АВТОРАДИО — Народная Марка». Он-лайн эфир.

«Европа+». Новости, программы, Еврохит топ — 40. Прямой эфир.

Радио «Хит FM 107.4». Сетка вещания, новости, Хит Чат. Прямой эфир.

Как видим, Интернет расширяет свои возможности. Все большее число изданий, теле- и радиопередач выходит в сеть. При этом они стремятся расширить и тематику своих новостных материалов. События из области политики, экономики, культуры, образования, спорта представлены на новостных порталах.

В области средств массовой информации технологические новшества всегда создавали много проблем. Вместе с тем они предоставляли огромные возможности. В данном случае можно наглядно убедиться, насколько расширились в количественном плане возможности СМИ. Количество сетевых изданий внушает надежду, что это весьма динамическая сфера развития СМИ.

С появлением Интернета журналисты, а затем и читатели или его пользователи получили совершенно новое средство для получения новостей. Причем, вхождение в информационное поле в данном случае объединяет в этой связи и журналистов и читателей. Они выступают пользователями сети.

Что касается журналистов, то появление сетевых изданий предъявило новые требования и к их мастерству. Понятие профессионализма несколько видоизменяется, но это тема отдельного разговора, который сегодня необходим. Надеюсь, что мы его продолжим в самое ближайшее время.

Выводы

Около десяти лет назад России мало кто слышал или говорил об Интернете. Сегодня к Интернету подключены миллионы людей, а пользуются его услугами не только профессиональные компьютерщики, но и все слои населения любого возраста. Многие используют Интернет как способ развлечения. Многим он необходим для работы. Журналисты в числе тех, кто первыми осваивают пространство сети. Во всемирной паутине можно найти любую необходимую информацию.

Для журналиста Интернет — это огромный источник новостей, событий, тем для статей, репортажей и др. Главное — уметь пользоваться им, рационально применять полученную информацию.

Каким образом и каковы его информационные возможности — на этот вопрос и была предпринята попытка ответить в данной статье.

Примечания

1. Рэддик Р., Кинг Э. Журналистика в стиле он-лайн. М., 1999. С. 359.
2. Там же. С. 359.
3. См.: Джазоян А. Е., Калмыков А. А., Коханова Л. А. СМИ и современные медиа-технологии. М., 2000.
4. См.: Рэддик Р., Кинг Э. Журналистика в стиле он-лайн. М., 1999. С. 374.

г. Москва.

Н. Мягкая

«Толстый» журнал в контексте процесса литературной саморегуляции общества

Сегодня большинство социологов отмечают кризис в социокультурном развитии нашей страны. Резкая смена общественно-политических ориентиров отразилась и на литературном процессе как одном из направлений социокультурного процесса. Важно проследить, как формируется идеология литературы, каковы нынешние способы организации литературных коммуникаций в России и, соответственно, те представления о литературе, которые эту коммуникативную деятельность опосредуют. В этом аспекте могут заинтересовать прежде всего процессы дифференциации и консолидации самого литературного сообщества, а также читательская публика с ее вкусами и предпочтениями, институты, тиражирующие словесность и доносящие ее до читателей (издательства, библиотеки).

Важнейшее событие девяностых годов в интересующей нас сфере — это распад и уход государственных форм организации и управления литературой. Очевидно, что практически ни одной из этих организационных форм и привносимых ими мобилизационно-запретных функций сегодня не существует. Это влечет заметные перемены в символическом значении литературы — в ее роли смыслового полюса, ориентира, фокуса для привычной по прежним временам консолидации образованных слоев российского населения. Общепринятым стало говорить о снижении знаковой роли литературы в России (и ее чисто культурной значимости, социальной привлекательности как для самых литературно образованных россиян, так и для более широких групп населения), о конце русского литературоцентризма.

В начале девяностых годов прошлого века квалифицированные, активные специалисты стали осваивать сферу массмедиа, менеджмента, рекламы, бизнеса, искать более ощутимые формы социального подъема, быстрого признания и реальной оплаты труда. Соответственно начали перестраиваться структура досуга и система культурных приоритетов. К концу столетия уже сами подобные процессы социального перетока стали определяющим образом воздействовать на значение и престиж литературы, на характер литературных образцов, социально востребуемых более мобильными и заметными группами общества, говоря экономическими категориями — на платежеспособный литературный спрос.

Для широких кругов российского населения особое значение приобрело телевидение — как канал, несущий яркие и в то же время доступные обра-

зы современности и современного, прежде всего — относящегося к сфере развлечений, демонстративного поведения и т. п. Можно сказать, что государственно-идеологизированная, массово-мобилизационная модель культуры в России стала заменяться массово-развлекательной. Это привело к преобладанию массовых образцов зарубежного кино на телеэкранах или к более чем заметному присутствию переводной массовой словесности в книгоиздании и чтении. Важно, что сам образ культуры, организация культурного поля (в том числе — литературного сообщества) все шире складываются сегодня под воздействием технологии массовых коммуникаций и маркетинга — конкурсов, викторин, рейтингов, ток-шоу, которые ведут «звезды» предыдущих конкурсов, викторин, рейтингов и т. д. При этом, отметим, что проблемы литературы, книгоиздания, литературной культуры присутствуют на отечественном телевидении — в сравнении, скажем, с французским или немецким — крайне слабо: ограничено по времени, мелко по уровню.

Государственно-номенклатурная модель управления культурой, включая литературу, сменяется рыночными формами саморегуляции. Речь не только о прямом спросе на ту, а не иную литературу в непосредственном денежном выражении, что достаточно очевидно. Дело еще и в косвенных формах социального заказа и поддержки определенных образцов — через разделение финансовых потоков, распоряжение ими, их регулирование и т. п. Таковы немалочисленные уже издательские программы, в том числе — с субсидиями зарубежных государственных организаций, посольств и проч., поддержка издательств, их проектов, тех или иных книг через различные фонды и гранты, спонсорство со стороны частных фирм и отдельных лиц. Аппарат подобной системы, сложившейся за девяностые годы, ее кадры сами представляют собой компактную, но достаточно влиятельную теперь подгруппу. И это сообщество в известной степени задает, предопределяет, нюансирует образ современной российской культуры и литературы в расчете на ближайшие к ним культурные группы, структуры массмедиа.

Фактически единственным реликтом прежней государственной системы литературных коммуникаций остаются на нынешний день «толстые» литературные журналы — трибуна литературы прежних дней. После публикационного бума конца 80-х — начала 90-х годов, когда эти издания имели максималь-

ные за все время их существования тиражи и в максимальной степени выполняли свою главную функцию — приобщение к литературным образам и представлениям, значимым для всех образованных людей того времени, резко сузили круги своего хождения. Тиражи, назначавшиеся сверху в пределах сотни тысяч экземпляров, а порой и доходившие до миллиона и даже нескольких миллионов, сегодня насчитывают несколько тысяч и постепенно сокращаются. Если число периодических изданий в целом — не считая газет — за девяностые годы почти не изменилось, то их средние тиражи уменьшились более чем в восемь раз. Это вполне наглядно показывает, как раздроблен и продолжает дробиться соответствующий социальный контингент их привычных потребителей — интеллигенция, как убывают ее социальная роль, влияние, престиж в глазах других общественных групп.

Говорит ли это об изменении позиции «толстого» литературного журнала по отношению к литературному процессу, или эти показатели наглядно демонстрируют медленное вымирание «толстяков» как явления литературной жизни? Не потеряет ли наша литература с их уходом что-либо значимое и неповторимое, что впоследствии придется долго восстанавливать заново? Думается, рассмотрение ситуации, сложившейся в сфере деятельности «толстых» литературных журналов, актуально: ведь целенаправленные изменения еще могут привести к положительному результату.

Сегодня эти издания, практически полностью сохранив свой «состав», имеют, в пересчете на образованное население страны, тиражи, близкие к «малым литературным обозрениям» или к «журналам поэзии» в развитых странах Запада. Однако они остаются за своими пределами литературный авангард и не подвергают систематической рефлексии современные формы литературы. Литературная критика в них за девяностые годы фактически сменилась преимущественно рецензированием, косвенными формами рекламы и другими типами «мягкого» литературного обозрения. Они либо поддерживают сложившуюся литературную коалицию, либо отмечают возможных кандидатов на пополнение этого круга — претендентов на коммерчески обоснованную положительную литературную репутацию.

«Толстые» журналы и стоящие за ними кадры литераторов потеряли поддержку сколько-нибудь широких и влиятельных в обществе читательских групп. Их читающая публика все больше сдвигается на культурную периферию — например, в провинцию, где альтернативных источников литературы почти нет, и к более старшим возрастным группам, зачастую не имеющим других контактов с миром литературы, кроме «своего» журнала. Собственно же поисковой литературной периодики — а она в такой огромной стране, как Россия, должна бы исчисляться десятками, если не сотнями изданий — становится все меньше и меньше. И реально работающими формами сплочения писателей, критиков, рецензентов сегодня уже выступают не столько журналы — по

своей «традиционной» функции это органы конкурирующих и конфликтующих, борющихся за «своего» читателя литературных групп — сколько ритуалы непосредственного общения и сплочения всего литературного сообщества в виде вручения премий и презентаций вышедших книг, этих как бы кандидатов на будущие премии. Тем самым центрами или узлами литературных коммуникаций становятся, с одной стороны, клубы и салоны, предоставляющие площадку для литературных заявок, а с другой — издательства, эксперты которых дают подобным заявкам оценку и которые переводят данную оценку в форму издательской стратегии (серии, «библиотеки» и т. п.). Деятельность же собственно журналов либо подстраивается под эти формы, либо напрямую примыкает к ним.

В целом, в литературном сообществе преобладают сейчас процессы самоорганизации (внутреннего сплочения), принимающие вид форм и мероприятий, стилизованных как клубные, салонные, и выступающие одной из разновидностей, условно говоря, «светской» жизни.

Другим, куда более ярким, шумным и любопытным для широкой публики вариантом ее стала за девяностые годы публичная и домашняя жизнь людей успеха, на чем бы этот успех ни основывался, — звезд кино, эстрады, шоуменов и менеджеров масс-медиа и проч. (отсюда происходит популярность сравнительно дешевых, но привлекательно оформленных журналов типа «ТВ-парк» и «Семь дней»). Из людей, пишущих сегодня, известен за пределами собственно литераторского круга лишь тот, кто попадает на экран телевизора или страницы подобной приближенной к телевидению прессы.

Что же может и должен в этих обстоятельствах предпринять российский «толстый» литературный журнал, СМИ, отражавшее еще недавно литературную жизнь целого государства?

Одним из таких изданий является «Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал «ЗНАМЯ», выходящий с 1931 года. Задуманный первоначально как «ЛОКАФ» — издание Литературного Объединения Красной Армии и Флота, с 1934 по 1990 год он был органом Союза писателей СССР, где, наряду с патентованными образчиками литературы социалистического реализма, были представлены произведения А. Твардовского, В. Некрасова, Ю. Казакова, К. Симонова, Ю. Трифонова, многих других талантливых писателей.

В 1990 году журнал объявил себя независимым, отстояв свои права в полуторалетней судебной тяжбе с Союзом писателей СССР. Учредителем стал трудовой коллектив редакции, издателем — ООО «ЗНАМЯ». Журнал традиционно распространяется по подписке, в том числе и за рубежом, принимает участие в ряде программ Института «Открытое Общество». Произведения, напечатанные в «ЗНАМЕНИ», неоднократно отмечались Государственными, Букеровскими, Пушкинскими и иными престижными премиями, вызывали и продолжают вызывать инте-

рес литературной критики, наиболее просвещенных читателей, российских и зарубежных средств массовой информации.

Сколько же читателей у «Знамени»? К сожалению, точными социологическими данными журнал, по признанию самих сотрудников, не располагает. Но известно, что это в основном не индивидуальные подписчики, а читатели библиотек, в том числе и даже главным образом — провинциальных.

Нынешнее существование журнала весьма скромно. Часть тиража выходит благодаря Институту «Открытое общество» (фонд Сороса) и спонсорской поддержке нескольких отечественных финансов: благодаря последним журналу удается несколько лет вручать своим лауреатам денежные премии. Если еще десять-пятнадцать лет назад «Знамя» приносило прибыль государству, то сегодня журнал сам нуждается в материальной помощи, которую государство оказывает не столь охотно.

Автор изучал ситуацию, привлекая материалы самих литературных журналов, дискуссий и публикаций, посвященных им, в электронных и печатных СМИ, знакомился с мнениями редакционных работников. Работая над дипломным сочинением, автор предложил программу стратегического развития «толстого» литературного журнала «Знамя» с целью придания ему наибольшей конкурентоспособности и усиления имиджа журнала. Предлагаем вниманию читателей избранные места из концепции, предложенной на суд в том числе и сотрудников данного журнала.

1. Проведение конкретно-социологических исследований (опросы, анкеты) для составления психологического портрета реального и потенциального читателя журнала в печатном варианте и в его варианте электронной версии.

Для любого издания важно, в первую очередь, знать своего читателя, того, для кого ведется работа. Необходимо учитывать пол, возраст, литературные вкусы и многое другое. Особенно важно это для «толстых» журналов, созданных в другом времени, в рамках другой политической и культурной системы. Соответственно, другим был и их читатель. Кто он сейчас? Необходимо акцентировать два момента: что привлекает современного читателя и как его не потерять; чем можно привлечь читателя завтрашнего?

В ходе работы было проведено локальное социальное исследование, давшее следующие результаты: читателями «Знамени» в основном являются люди от 37 до 65 лет. Многие в этой возрастной категории сегодня перестали читать «Знамя», и среди причин отказа

фигурируют две основные: 60 % — расширение ассортимента и возможности выбора в литературе; около 40 % — изменения, произошедшие в самом журнале, в подборке его материалов.

В возрастном диапазоне 20—30 лет читателями «Знамени» в основном представлены студенты филологических факультетов или близких к ним специальностей.

Среди возрастной группы до 20 лет читатели «Знамени» — большая редкость.

2. В ходе анализа полученных результатов выявить:

— место «толстого» журнала (в частности, «Знамени») в социокультурном и литературном пространстве современной России;

— представления читателя об идеальном «толстом» литературном журнале (содержание и оформление);

— «общий» портрет своего читателя;

— место журнала в сфере интересов целевого читателя.

3. Изучение конкурентной среды.

Анализ других «толстых» журналов («Октябрь», «Новый мир» и т. д.), публицистических издания литературной направленности («Ридерз Дайджест» и т. п.).

4. Создание концепции журнала «Знамени» (цели, задачи, тематика, проблематика, позиция, дизайн).

Если раньше «толстые» журналы являлись достаточно доступным способом опубликовать произведение большим тиражом, то сегодня выгоднее опубликовать произведение в издательстве. В то же время именно коллективу профессионалов под силу справиться с ролью проводника в мире литературы.

5. Выработка стратегии продвижения, популяризации издания.

Существует множество способов, которые помогают привлечь внимание аудитории. К сожалению, 70-летие журнала «Знамя» за последние несколько лет стало практически единственным событием, обратившим на себя внимание массовой аудитории. О презентациях, вручениях премий узнали единицы.

Необходимо поддерживать постоянный контакт с аудиторией (работа отдела писем, проведение небольших конкурсов, анонсы произведений).

Создание электронной версии журнала, собственного сайта в Интернете с возможностью постоянного общения аудитории друг с другом, полюбившимися авторами, проведение рейтингов, конкурсов и литературных игр.

г. Тамбов.

Жестокое телевидение: что оно делает с нами и что нам делать с ним?

Жестокость и натурализм, в избытке присутствующие на телеэкране, давно уже стали предметом яростных дискуссий. Влияют ли они на поведение людей в реальной жизни? Следует ли законодательно ввести ограничения на показ сцен насилия и убийств? Если — да, то какой характер должны иметь эти ограничения и кто будет контролировать их исполнение? Не превратится ли «забота об общественном здоровье» в банальную цензуру, ограничение свободы слова и выбора — или в кормушку для проверяющих?.. Сегодняшний Форум «Известий» — попытка найти ответы на эти вопросы.

Визг пилы и полет на зонтике

Критерии ограничения показа насилия на ТВ очень просты. Любое действие, считающееся в реальной жизни преступлением, не должно воспроизводиться на экранах телевизоров в дневное (утреннее) время.

Влияние кинокартинки на взрослого, психически здорового человека невелико. Другое дело дети. Мне было лет семь, а до сих пор помню фильм про войну, где гитлеровцы пилят живого человека. Ведь и показано-то ничего не было: визг пилы, крики. А ощущение ужаса осталось.

Еще случай. В увиденном мультике герой летает на зонтике. Мы с другом берем зонтик побольше и отправляемся прыгать с гаражей. В итоге — сломанный зонт, разбитые колени и взбучка от родителей.

Дети воспринимают все увиденное в кино «взправду». И если в жизни они не окружены бандитами, ворами и проститутками, то незачем и погружать их в этот мир «силой искусства». Считаете по-другому? Смотрите насилие, ложь и грязь вместе с ними. Вечером. У несовершеннолетнего не должно быть шанса увидеть кровь на экране, пока вы на работе.

Но провести такие меры не удастся. Рекламодатели не позволят. Насилие — бойкий товар. Под него продается все — и чипсы, и пиво.

И. Бухтояр, Хабаровск.

Ареопаг снизу

Государству необходимо поддерживать культуру, оказывающую благотворное влияние на человека. Но к чьим советам должно прислушиваться государство? Как сформировать влиятельную общественную организацию, некий ареопаг культуры?

Всеобщими выборами — избави бог. Из чиновников нельзя, это понятно. По цеховому принципу тоже нельзя во избежание корпоративных влияний. Актер, конечно, может состоять в ареопаге, но заниматься не театром, а, скажем, литературой. Основой ареопагов должны быть ценители культуры, а не производители.

Решение простое: самозапись и тестирование на культурный уровень. Никакого массового паломничества в районные отделы культуры не предвидится. Но кто-то придет. Потусуются и выберут из своей среды членов ареопага более высокого уровня и т. д. Это нужно сделать только один раз, а потом будет действовать система гильдий: ареопаги будут сами себя пополнять, как академии. Выглядит несколько экстравагантно, но другого-то способа не просматривается.

Для начала потребуются некоторые деньги и организационная помощь, без государства не обойтись. Но ведь, как сказал Александр Сергеевич, правительство — наш единственный европеец. Конечно, гражданское общество не строится, а вырашивается, но кто-то должен пропахать поле для начала. Между прочим, именно этот способ избрали «Известия», организовав свой Клуб. И кто скажет, что не получилось?

Г. Трубников.

Голубой клапан

С крушением коммунистического режима в Россию пришло «новое» телевидение. Сначала в «600 секундах» Невзоров показал жизнь обычных людей. Телезрители стали узнавать себя, стены своих зашарпанных квартир, пьяных соседей... Затем на смену этой программе пришли «Дорожный патруль» в Москве и «Телевизионная служба безопасности» (ТСБ) в Санкт-Петербурге. ТСБ показывала наркоманов, алкоголиков и работу питерской милиции. «Дорожный патруль» — окровавленные трупы автолюбителей, детей-уродцев у родителей-наркоманов, обгоревших старушек...

Программы выходят и сегодня, а значит — зрители есть. К сожалению, россиянам приятно видеть соседей, которых сбила машина, или коллегу по работе, который отравился угарным газом.

Все это пытаются разбавить российские продюсеры, снимающие преимущественно фильмы о войне в Чечне или про «порядочных» убийц. Фильм «Брат» (да и «Брат-2») стал отражением нашего вре-

мени. Все мальчики хотели быть похожими на Данилу, а девочки мечтали о таком друге. Его прозвали «героем нашего времени» — вот такое у нас время.

Насилие на телеэкране — это неотъемлемая часть российского общества. Без него жаждущие действия выйдут на улицу, круша все на своем пути.

П. Смоляк, Санкт-Петербург.

Меню для пипла

Наши борцы за нравственность ухитряются объединять в своих лозунгах две противоположные вещи: «Долой секс (эротика) и насилие (кровь) с экранов!» Но подавляющее большинство из нас с удовольствием будет заниматься или занимается первым и, надеюсь, никогда не решится на второе. В показе человеческого тела есть некий просветительский аспект, в показе насилия — только провоцирующий.

Выходным клапаном и страховкой от совершения низменных вещей является круговорот собственных мыслей. Мы прокручиваем ту или иную ситуацию в голове (убийство, самоубийство, извращение, насилие), чтобы не совершать этого в жизни. Показ жестокости на экране опасен тем, что иллюзия превращается в спектакль с жестким сценарием, раскадровкой и прописыванием всей технологии той или иной мерзости. Вполне вероятно, что смещение выходного клапана у некоторых перейдет из виртуальной мизансцены в реальную: насилие сначала над беззащитным (животное), затем над слабым (люди) и т. д.

Я однозначно за то, чтобы убрать боевики как жанр с экранов до 23.00. Ничего страшного в этом нет. Если кто-то хочет увидеть подобный фильм — покупай кассеты и смотри сутки напролет. Государство должно по-хорошему навязывать хорошее. Глупо выступать против технологии «пипл схавает все что ему дадут» — это, к сожалению, так. Но государственные каналы могут позаботиться о составлении «меню для пипла» — предпочтительного с точки зрения «питательной» ценности. Нас же агитируют употреблять витамины и микроэлементы и не есть канцерогены и нитраты (те же боевики в аналогии).

ТВ у нас не платное, обратный отклик (рейтинг) эфемерен. Пустили гадость — привыкли к гадости, пустят хорошее — станем лучше!

И. Беспалов.

Клуб антинасилия

Жестокость в искусстве, по-моему, всегда можно определить на интуитивном уровне. Я делил книги (фильмы, мультики) при воспитании детей и внуков на добрые и жестокие, добрые я покупал и дарил, жестокие игнорировал.

Правда, они все равно при возможности покупали себе то, что считали нужным. Внук в 9 лет заявил: «Я трачу деньги для своего счастья, а не для вашего!» Тем не менее на свой компьютер жестокие игры я ставить не разрешаю. Все дети это уже поняли и как-то учитывают.

Причины жестокости на экране — экономические: показывают, раз есть спрос. Значит, и бороться нужно экономическими методами: пропаганда (показ) насилия и жестокости должна караться изъятием всей прибыли плюс штраф в том же размере.

Санкции применяются при превышении порогового «коэффициента жестокости» (КЖ). В качестве КЖ можно принять отношение числа экспертов, проголосовавших за признание фильма жестоким, к общему числу голосовавших. Экспертами может быть произвольный круг людей, организованных на добровольной основе. Начальный ранг (вес мнения) каждого равняется единице, при совпадении мнения эксперта с большинством к рангу добавляется 1, при несовпадении — убавляется 1. Организацию работы подобного «Клуба антинасилия» можно обсудить. Но все надо подкрепить законодательно.

Ю.С. Мишин.

Ой, что за гадость... Дайте две штуки

Масс-медиа лишь отвечают на запросы потребителя. Они просто зеркало психологии масс, которые, желая получить свою дозу адреналина, с удовольствием смакуют те зверства, о которых пишут газеты, снимаются фильмы и передачи.

И возмущение обилием насилия в масс-медиа очень часто бывает неискренним. Человек может сколько угодно рассуждать о том, как же ему «надоела вся эта гадость», но, подойдя в очередной раз к газетному лотку, почему-то покупает «какую-нибудь криминальную хронику». Хотя на отсутствие выбора в наше время пожаловаться трудно.

Я несколько лет торговал желтой прессой в электричках и не раз сталкивался с возмущенными репликами типа «ну сколько можно смаковать всю эту мерзость», «надоела чернуха» и т. п. Но спрос на таблоиды всегда был несравнимо выше, чем на нормальные издания.

Вот ситуация из личной практики:

— Что у вас там в газетке, молодой человек? — спрашивает женщина средних лет. — Что-о-о-о!!!! Маньяк изнасиловал, убил и съел своего пятилетнего сына?! Фу, какая гадость! Ой, какая пакость! Ну зачем вообще пишут такое?! Дайте пару номеров, еще соседке дам почитать.

Я знаком с несколькими издателями бульварных газет. Интеллигентные люди, без всяких садистских наклонностей. И им больше, чем кому бы то ни было, осточертело все то, о чем они вынуждены пи-

сать в своих изданиях. Но на попытки хоть немного облагородить содержание газеты рынок тут же отвечает падением тиража.

М. Перов, Санкт-Петербург.

Пока Борька спит

Что мы приобретем, запретив сцены жестокости? Избавиться от нравственных потерь — уже приобретение. Конечно, важна и свобода выбора. Просто сама по себе. Достаточно мы жили в несвободном обществе. Америка, где я сейчас работаю, быстро становится полицейским государством. Вот если бы Россия олицетворила здоровую альтернативу!

Что касается конкретной телечернухи, то я порой «хаваю» продукцию типа «Улиц разбитых фонарей» или «Дальнобойщиков», поскольку такие вещи вызывают прилив адреналина, снимая стресс. При

этом я вроде не становлюсь циником, по-прежнему обожаю старые фильмы. Я считаю, что отобрать свободный выбор у совершеннолетнего человека под каким бы то ни было благим предлогом — значит снова стать на путь тоталитаризма.

Разумеется, детей надо отгораживать от этого. Я никогда не смотрю ничего такого, пока мой Борька не спит. В дальнейшем (когда он научится пользоваться ТВ) буду программировать домашнюю телесистему, чтобы он не смотрел сомнительные каналы.

А взрослых пусть оставят в покое. Интерес к насилию спадет сам собой, когда стране молодой демократии оно приестся. Люди начнут смотреть нормальные фильмы, изредка возвращаясь к «жестоким» лишь для разрядки, как я.

Г. Сапожников,
Калифорния (США).
«Известия», 17 мая 2003 г., с. 12.

Д. В. Силакова

«Нескладных виршей полк за полком нам шлет Владимир Соловьев...»

Поэзия Владимира Соловьева в журнале „Вестник Европы”

Владимир Соловьев к середине 1880-х известен читателю в основном по публицистическим выступлениям, но в течение 1886–1887 годов он появляется в «Вестнике Европы» только в поэтическом отделе. На это были свои причины. Соловьев — опальная фигура в журналистике. «Против меня начался здесь настоящий штурм, причем цензура, запрещающая все мной написанное, представляет моим противникам полный простор выдумывать на меня всякие небывлицы!»¹ — жалуется он Фр. Рачкому в письме 1886 года. В 1887 году в отношении цензуры к Соловьеву ничего не изменилось. Почти в каждом из писем за рубеж Соловьев упоминает об ограничениях в прессе: «духовная цензура запрещает все...», «Катков умирает... можно ждать больших перемен...», «все это весело, ибо чувствуется начало конца», «у нас мракобесие все возрастает...»². Это не означало, что в эти годы Соловьев сторонится публицистических выступлений. Он писал для «Вестника Европы» статью «Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии». Она была возвращена Стасюлевичем, «ибо подлежит предварительной духовной цензуре, которая его наверняка запретила»³. (Статью напечатала «Русская мысль». Прочитав ее, К. П. Победоносцев заключил, что «всякая» деятельность Соловьева вредна для России). «Наша братолюбивая сущность» и «широкая терпимость шибко действуют», — горько иронизировал Владимир Соловьев.

Получив подряд несколько отказов от М. М. Стасюлевича, гонимый публицист предлагает осторожному редактору искать формы полемики, которые позволяли бы обойти духовную цензуру. «Полезно напечатать у Вас целиком, без комментариев и только с некоторыми подчеркиваниями поучение Архиепископа Никанора...» — советует он Стасюлевичу, попутно объясняя взаимные выгоды от этой публикации. Она отразит «невообразимую подлость обличительных приемов со стороны Корифея нашей иерархии» и «циническое неверие во внутреннюю духовную силу своего дела»⁴. Стасюлевич же уже двадцать лет руководит журналом и знает, что цензуру такими хитростями не проведешь, «она и в невинном занятии найдет про дерзости»⁵. Впрочем, судя по письму к брату Михаилу, где обсуждаются вопросы напечатания эклоги Вергилия, Соловьев представлял размах цензурных репрессий, направленных против него. Он подозревает, что и эту публикацию «не пропустит духовная цензура, укажет, что Вергилий, не получивший богословского

образования, не имеет права трактовать религиозные предметы...»⁶. В целом же Соловьев понимает и разделяет сомнения опытного, вполне искушенного в цензурных перипетиях редактора, доверительно рассуждая о невозможности свободы слова в эпоху правления «зловредного триумvirата и лжецерковника Победоносцева, лжегосударственного человека Толстого (Д. А. Толстого — Д.С.) и лжепророка Каткова»⁷. Стасюлевичу доверяет Соловьев «крик сердца ... вырванный нашим «единственным» публицистом»⁸:

*Содома князь и гражданин Гоморры
Идет на Русь с «газетой большой».
О Боже! Суд свой праведный и скорый
Яви, как встарь, над гнусностью такой...*

Соловьев предпочитает молчать или говорить образами, чем «пропагандировать содомские идеи на основе православия, самодержавия и народности».

Итак, «вольным» для Соловьева оставалось только поэтическое слово, поэтому, повторим, начинает он свое сотрудничество в журнале «Вестник Европы» не столько как публицист, сколько как поэт. В 1886 году в журнале появляются восемь его стихотворений. Соловьев, как известно, писал стихотворения не часто, поэтому для него это число значительно. Всего же Стасюлевич поместил в журнале 56 его поэтических опытов, т. е. без малого половину из всех напечатанных при жизни поэта-философа. Столь же внушительное собрание складывается из шуточных и сатирических стихотворений, разбросанных по письмам к М. М. Стасюлевичу, А. Н. Пыпину, прилагаемых к присылаемым в редакцию материалам, сочиненных экспромтом на обедах у Михаила Матвеевича.

Поэтический отдел для Стасюлевича — любимое детище, и относился он к нему придирчивее, чем к любому другому. Он нередко возвращал стихи даже очень известным поэтам (к примеру, Я. П. Полонскому), со скрупулезной тщательностью следил за точностью поэтических переводов, очень мало печатал лирических произведений, хотя, по воспоминаниям Л. З. Слонимского, редакция была завалена поэтическими рукописями, которые только «подрывали бурю в душе» тонкого ценителя поэтического слова, каким был Стасюлевич. После смерти А. К. Толстого уровень поэзии в журнале определяли Н. М. Минский, А. А. Голенищев-Кутузов, А. М. Жемчужников. Вл. Соловьев не был, конечно, поэтом «первой величи-

ны», но в этом «втором» ряду он выделялся своей са- мобытностью.

Вероятно, М. М. Стасюлевич горячо приветство- вал нового поэта, т. к. Владимир Соловьев, до этого написавший несколько своих стихотворений в «Руси» и «Русском вестнике», в поэтическом отделе «Вестни- ка Европы» появляется регулярно, иногда печатая сти- хотворения целыми циклами. В авторском предисло- вии перед первым изданием стихотворений он (Соло- вьев) объясняет, что публикует их только потому, что они нравятся некоторым его друзьям «более, чем мне самому»⁹. К «некоторым», видимо, относится и ре- дактор «Вестника Европы», восторженно писавший А. Н. Пыпину о новом приобретении поэтического отдела и отмечавший музыкальность, простоту лири- ческого мотива, интонацию высокой грусти, свой- ственную стихотворениям поэта-философа. И в даль- нейшем Соловьев остался едва ли не единственным поэтом, пользовавшимся у Стасюлевича неограничен- ным «кредитом доверия». «Вестник Европы» печатал все поэтические тексты, присылаемые Соловьевым. «Не прошло» одно единственное стихотворение «Ку- мир Небукаднецара», обличающие К. Победоносце- ва как идеолога и вдохновителя внутренней реакции. Но это была особенная ситуация, и, отсылая текст издателю, Соловьев предвидит неуспех: «Если бы встре- тились цензурные затруднения, то существует хоро- ший прецедент: стихотворение Хомякова на ту же тему и столь же резкое по содержанию, хотя более слабое (*vive la modestie*) по форме. У меня сохранена *couleur locale* и нет слишком определенных намеков, тогда как Хомяков обвиняет Навуходоносора за преследо- вание печати, которая, насколько известно, даже вов- се не существовала в те времена»¹⁰. И у журнала, и у самого Соловьева были наисложнейшие отношения с обер-прокурором Святейшего Синода, а «намек» слишком очевидны, чтобы ссылка на «прецедент» спас- ла издание от неприятных последствий. Стихотворе- ние «Вестник Европы» все же напечатал, но только после смерти и Владимира Соловьева, и К. Победо- носцева.

Интересно, что, несмотря на то что в стихотво- рениях Соловьева столь же много мистически идеаль- ного, как и в его философских построениях (а за это, помним, «Вестник Европы» его традиционно крити- ковал), такой «символизм» несколько не смущает строгих материалистов. Понятно, что в таких сти- хотворениях, как «Нильская дельта», «Земля-владычи- ца», «Осеннюю дорогой», «Меркнет день», где мотив «двоемирия» разрешается как утверждение «земного начала, высокой сущности «здешней» жизни», соло- вьевский поэтический идеал человеческого счастья со- впадал с устремлениями сторонников социального прогресса. Именно такие пейзажные зарисовки Соло- вьев адресует в журнале без особых колебаний (что для него, в целом, не характерно). «Земной», реально осязаемый пейзаж цикла «На просторе» (1893), сти- хотворения «Монрепо», «Сайма», «У Саймы в пол- день», «Последняя любовь» (1894), «Сайма зимой», «Сумерки над Иматрой», «Иматра», по утверждению поэта, ближе «невским скептикам», чем «глубины со-

знания мирового», которые открываются в тех же об- разах «пред внутренним оком».

К примеру, «финской осенью» 1894 года, которая для Соловьева была по-болдински плодотворной, он все свои лирические стихотворения сразу же, что на- зывается «с листа», шлет Стасюлевичу:

*Примите, милый мой патрон,
Чухонской музы порожденье!
Грешит так быстро — не закон
Виной всему — уединение*¹¹.

Он выщучивает собственную плодовитость, подраза- мевая стихотворения «Монрепо» от 26 сентября 1894 года и «Эти мшистые громады...» от 27 сентября 1894 года. Через неделю образ «чухонки» вновь возникает в письме Стасюлевичу:

*На берегу пустынных вод
Мне муза финская явилась.
Я только вежлив был, — и вот
Она уж тройней разродилась.*

«Двух вы уже получили, а третьего, двухголового, прилагаю на особом листе...»¹². «Двухголовый младе- нец» — это два стихотворения «Сайма в бурю» и «На другое утро», объединенные общим заглавием «Сай- ма» и датированные соответственно 3 и 4 октября. Финская муза оставила Соловьеву еще несколько тво- рений, и все они в разное время отосланы в «Вестник Европы», где и напечатаны. И только одно стихотво- рение, написанное между лирико-философскими пей- зажными этюдами, 1 октября, Соловьев посчитал не- журнальным — «Панмонголизм». Вероятно, чувствуя, что его грозные предсказания краха миру, «завет любви забывшему», не совсем ко двору живущим оптими- стическими ожиданиями либеральным реформато- рам, он «утаивает» этот текст от издателя. Впрочем, эта ситуация «утаенного стихотворения» скорее ис- ключение. Соловьев очень часто отсылает в журнал те стихотворения, где внешний мир обесценивается в сопоставлении с тем «мистическим» смыслом, кото- рый стоит за образами реальности. Точнее сказать, в них утверждается доминантность духовной основы мира, который по пути к идеалу должен «дематери- лизоваться». И таких стихотворений, где из мистиче- ских образов рождается грандиозная утопическая кар- тина, в журнале было несколько: «В землю обетован- ную» (1886), «Какой тяжелый сон!..» (1886), «Пусть тучи темная грозящая толпою...» (1891), «Вновь белые ко- лолокольчики...» (1900) и т. д. Появились перечисленные стихотворения в разные годы, и Стасюлевич всегда чув- ствовал их мистическую тональность, будь то в «чисто интимной» или философской лирике. «Стихи слиш- ком личного характера и выражают состояние како- го-то душевного смятения на романтической подклад- ке...»¹³ — пишет Михаил Матвеевич жене, получив «О, что значат все слова и речи» и «Милый друг, я не верю несколько...», т. е. стихотворения, где тема любви рас- крывается через излюбленную идеалистическую идею всечеловеческого, «надмирного», единства. Но подоб-

ная сложная «двуплановость» не была свойством исключительно поэтической мысли Соловьева. Эти же попытки «примирить» мистицизм и «позитивизм» (формула З. Г. Минц) характерны для всех публицистических статей, адресованных им в «Вестник Европы». Все сложности и противоречия поэтического мировоззрения Соловьева: беспредельный размах поэтических мечтаний, смещение реалистического и идеалистического пластов или их невероятный «синтез», социальный утопизм исторических прогнозов — все отступало перед гуманистическим пафосом соловьевского мистицизма, культом целостной личности, во имя которой жизненные противоречия, страшное неблагополучие мира должны быть преодолены.

Помимо тех стихотворений, где ход поэтической и философской мысли мог показаться спорным, в «Вестнике Европы» впервые появились и «объективно» лучшие из его стихотворений: «Мыслей без речи и чувств без названья», «Белые колокольчики», «Наконец она стяхнула...» и т. д.

«Политические» стихотворения Соловьева, появившиеся в «Вестнике Европы», так же неоднородны. Некоторые из них вполне согласуются с общей линией журнала, оппозиционного правительственной реакции. Таковы соловьевские переводы с итальянского («Ответ Микель-Анджело» на «Эпиграмму» Дж. Б. Строщи на статью «Ночь» Микель-Анджело»), в которых за метафорическим образом скрывалось категоричное неприятие мрачной победоносцевской действительности:

*... и слаще камнем быть!
Во времена позора и паденья
Не слышать, не глядеть — одно спасенье...*

Другие — «Ех oriente lux», «Дракон» — несколько выпадают из рамок идейно-политической направленности издания, в котором появились. «С Востока свет, с Востока силы» — самое славянофильское сочинение Соловьева. Представления о великой мессианской роли России здесь выразились с особой энергией, свойственной поэтическому слову, и прямо соотносятся с основными положениями речи «Три силы», разгромленной журналом несколько лет назад. Единственный новый мотив — требование гражданской свободы в обстановке воинствующего деспотизма — несколько смещал акценты. Соловьев говорит не только об исключительности исторического призвания России:

*Тот свет, исшедший от Востока,
С Востоком Запад примирил,*

но и о тех условиях, при которых это призвание реализуется. Это, во-первых, возрождение «духа веры и любви», и, во-вторых, осознание гражданских обязанностей, отказ от «мертвой» идеи национальной исключительности. Ответственность исторического момента:

*Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса или Христа,*

или (в целом в более приемлемой для «Вестника Европы» терминологии) страной деспотии или демократических свобод, переживалась и Соловьевым, и его журнальными соратниками одинаково остро. Несмотря на явную, славянофильскую идеологическую ориентацию, это стихотворение, по-видимому, было не просто «пропущено» в печать, но и «нравилось» некоторым соратникам. Позднее Соловьев цитирует его в «Оправдании добра», часть которого посвящена В. Д. Спасовичу, участвовавшему в «Вестнике Европы». Известно, что отдельный экземпляр Соловьев переписал для А. Н. Пыпина (правда, с менее выразительным названием «Роковой вопрос»), а, значит, и его «недоверие» «случайным союзникам» не было для него сознательной позицией. Поэту достаточно тех ассоциаций с современностью, которые вызвали его мистико-реалистические размышления, чтобы примириться с «отвлеченными рационалистами».

В тех случаях, когда сам поэт был не удовлетворен стихотворением или предвидел скептическое к ним отношение, он всегда стремится форсировать ситуацию, первым высмеять и отпародировать негладкость поэтической мысли или несовершенство формы. К таким стихотворениям, как правило, прилагаются небрежно-шутливые замечания-извинения. «Так как эти стихи... не могут быть помещены в «Вестнике Европы», то прилагаю другие, имеющие два достоинства: 1) краткость; 2) и то, что они последние... а дальше, вероятно, не до стихов будет, лишь бы совсем стихнуть не пришлось...»¹⁴. Отсылая пронзительно-тоскливые размышления «Лишь только тень живых...» и «Наконец она стяхнула», добавляет: «... если же находите, что меланхолию следует подносить публике в дозах умеренных, то отложите...»¹⁵.

Недовольный стихотворением «Воскресшему» («Лучей блестящих полк за полком...»), Соловьев вдовгонку пишет письмо Стасюлевичу с просьбой внести необходимые поправки. Для того «чтобы он видел объективное отношение к произведениям» самого автора, Соловьев прикладывает «только что» сочиненную пародию, которой «открывается» в истории литературы небывалый жанр «самопародий»... «Теперь, по крайней мере, я не боюсь никаких пародий и ругательств, — будьте свидетелем, что я первый себя обругаю и пародировал».

*Нескладных виршей полк за полком
Нам шлет Владимир Соловьев,
И зашибает тихомолком
Он гонорар набором слов.
Вотще! Не проживешь стихами,
Хоть как свинья будь плодovit!
Торгуй, несчастный, сапогами
И не мечтай, что ты пишешь...»¹⁶*

В браурном небрежении собственными стихотворениями была, конечно, большая доля лукавства. Соловьев очень придирчиво следит за своей поэтической репутацией. К некоторым отрицательным рецензиям на свою поэзию он готов отнести как к обычному факту литературной жизни. После критическо-

го отзыва Буренина тут же шлет редактору очередное стихотворение, «чтобы показать, сколь мало мы его боимся»¹⁷. Но если его имя начинали связывать с неприемлемыми Соловьевым художественными тенденциями, он энергично защищается от непрошенных апологетов. Увидев в «Русском обозрении» «архиплохие стихи на память Фета», подписанные его инициалами, поэт интересуется у многоопытного в издательско-редакторских делах Стасюлевича, как ему можно защитить себя. Другой пример уже хрестоматиен. Категорично не принимая поэзии «русских нитчанцев», Соловьев сочиняет несколько символистских стихотворений: «Горизонты вертикальные», «Над земным холмом», «На небесах горят паникадила» (вошли в структуру «Литературного обозрения» «Вестника Европы» № 10, 1895 г.) с тем, чтобы, называя его своим предтечей, символисты ссылались на эти стихотворения, а не на его подлинную лирику. Ему принципиально не хочется, чтобы «братья Тузовы» (критики Перцовы) утверждали его зависимость «не от Аполлона Музагета, и даже не от Аполлона Майкова, а от Аполлона Коринфского или другого столь же орфографического представителя «новой поэзии»¹⁸.

«Суньте куда-нибудь», «приткните» — обычные выражения, с которыми Соловьев адресует свои стихотворения редактору. И при этом тщательнейшим образом обсуждает все детали корректуры, возможные правки. Его заботит все: своевременность публикации, соответствие названия тексту, цельность текста, благозвучность стиха, сроки публикации (в тех случаях, когда это могло повлиять на восприятие стихотворения). Тон писем, в которых Соловьев обсуждает «деловые вопросы» публикации своих стихотворений, совершенно доверителен. Здесь не автор и редактор, формально связанные общей обложкой журнала, а единомышленники, одинаково точно чувствующие поэтическое слово. Автор иногда сам вносит изменения, чтобы улучшить стихотворение «и с грамматической, и со звуковой, и с образной стороны»¹⁹, иногда передоверяет это право Михаилу Матвеевичу (в последние годы — В. Л. Величко). Частенько это происходило в последний момент, уже накануне выхода. «Если мое «Сельское кладбище» принято под красный чехол, но еще не отпечатано окончательно, то не откажите провести маленькую починку...»²⁰. И пунктуальный Стасюлевич, как известно, не любивший авральные ситуации, в этих случаях был лоялен. «Не смущайтесь некоторыми неизреченными глаголами: они также дики для читателей Вальтера Скотта, как и для Ваших читателей «Вестника Европы»²¹, — просит Соловьев Стасюлевича, и тот оставляет несколько экзотично звучащую для академического журнала «Песнь горцев» без изменений.

Без всякого авторского самолюбия Соловьев относился к поправкам редактора. Чаще всего они касались того, что редактор либо менял название, либо подзаголовок, и всегда — убирал посвящения. Что до посвящений, то Соловьев просто перестал преподсылать их текстам («У Стасюлевича нельзя — он противник всяких посвящений»), и возвращал в отдельных изданиях стихотворений. То же и с названиями сти-

хотворений; не оспаривая права редактора больше следовать интересам журнала, некоторые из переименованных Стасюлевичем стихотворений он издает под своим первоначальным заглавием. Иногда он подтрунивает над редакторской слабостью «перекрещивать» его творения. «Иногда несчастья происходят от гордости...» Автор поставил «Сумерки», а редактор под влиянием гордости подумал: «Фу! Даже озглавить собственных стихов не умеет как следует!» — и приписал «На Иматре». А между тем дело было на весьма большом расстоянии, и притом от другого водопада...»²².

Программные стихотворения, отсылаемые в журнал, Соловьев, как правило, сопровождает стихотворениями «не для печати», шуточными и сатирическими. Возникающий «диалог» разножанровых текстов только усиливает впечатление трагически-сложного положения, которое занимал Владимир Соловьев в общественно-литературной жизни рубежа веков. Всего таких стихотворений около полутора десятков, и звучащие в них ирония и сарказм имеют свою диалектику.

Вначале он в таких приложениях как бы закрепляет союз с либеральной прессой. В «Своевременном воспоминании» и эпиграмме на Г. И. Филиппова (реакционного публициста и государственного деятеля) рисуется «содомская» основа современного режима. Намеки на консервативную прессу, вдохновлявшую реакцию, перемежаются с саркастическими замечаниями о цензуре вообще:

*Гонима, Русь, ты беспощадным роком...,
Заграждены уста твоим пророкам,
И слово вольное дано твоим ослам...*

Далее, в конце 80-х — начале 90-х годов, Соловьев переключается «на лица». «Оду» и «Гимн» он посвящает кн. Мещерскому, который для него самое яркое воплощение ультрареакционной журналистики. Издатель «Гражданина» — олицетворение общего заблуждения эпохи, «благонамеренностью» заменившей истинные вневременные ценности. В «Привете министрам» и «Признании» гг. Страхову, Розанову, Тихомирову и К* Соловьев противопоставляет себя «ревнителям правоверья».

*Я был ревнитель правоверья,
И съела бы меня свинья,
Но на границе лицемерия
Поворотил оглобли я.
Душевный опыт и история,
Коль не раскроешь ты очей,
Тебя научат, что история
Не так важна, как жизнь людей,
Что правоверие с безверием
Всполо то же молоко,
И что с холодным лицемерием
Вещать анафемы легко.
Стал либерал такого сорта я,
Таким широким стал мой взгляд,
Что снять ответственность и с черта я
Ей Богу, был бы очень рад.»²³*

«Но на границе лицемерия поворотил оглобли я», — «признается» он всем адресатам, включая и непосредственного адресата письма М. М. Стасюлевича. «Граница» — это выбор между «идеалами» гуманизма и «идолами» собственных теорий. С вызовом и гордостью он признается в «грехе отступничества».

Позднее ирония сменяется обличениями. В двух июльских письмах 1896 года Соловьев отсылает редактору два «отчета» об общественной жизни, где вначале, в первом послании, рисует общую картину:

*В печати трепет и застой
И новостями бедно.
Брошюру издал Лев Толстой
О том, что пьянство вредно²⁴...*

Затем, в следующем, объясняет причины упадка через содержание поэмы «Миша — потрошитель» (Михаил Петрович Соловьев — начальник Главного управления по делам печати — примеч. Д.С.):

*Был Миша мальчик очень злой.
Кому был от него покой?
Кусал он старцев и девиц,
И светских и духовных лиц,
Евреев резал, как телят,
Пил кровь из Немцев и Бурят.
Терзал он Шведов и Армян
И вольнодумных Россиян,
Поляков стер с лица земли,
Все мусульмане в гроб легли.
Погиб штундист и старовер,
Погибли люди всяких вер, —
Перекусил он пополам
Семьсот ксендзов и триста лам...
Ах дети! И сказать нет сил!
Он даже Перю²⁵ укусил!..
...Победоносцева-отца
Безумец принял за скопца.
Одним прыжком его свалил
И горло вмиг перекусил —
Подумать страшно, ай, ай, ай.
Будь, Миша, зол, но меру знай.*

Гиперболическая картина подвигов пожирающего всех и вся «потрошителя» несогласных заставляет Соловьева четче истолковывать собственные идеалы и то, как он видит задачи, стоящие перед журналом:

*Хоть не архангел Михаил —
Вы также Михаил чудесный...
Низвергнул он уже давно
Дракона гордого и злого, —
И Вам, я верю, суждено
Низвергнуть Ратькова-Рожнова...²⁶*

Удивительно, но в последних посланных редактору «Вестника Европы» шуточных признаниях нет и следа мучительных переживаний, сомнений в верности избранного пути, которые не покидали Соловьева в первые годы сотрудничества с М. М. Стасюлевичем. Здесь он однозначно связывает свои замыслы и планы с петербургским журналом:

*Не болен я и не печален,
Хоть вреден мне климат Москвы:
Он чересчур континентален, —
Здесь нет Галерной и Невы...
(5 октября 1897 г.)²⁷*

*Но про болезни слишком уже много!
Помимо них, я полон юных сил
Дел и проектов столько, что у Бога
Сто сорок лет в аванс бы попросил»²⁸
(20 октября 1897 г.)*

Примечания

1. Соловьев В. С. Письма./ Под ред. Э. Л. Радлова.: В 4 т. — СПб.: Общественная польза, 1908—1911. Т. 3. С. 163.
2. Соловьев В. С. Письма. Т. 3. С. 141, 151, 159, 160.
3. Там же. Т. 2. С. 139.
4. Там же. С. 30—31.
5. М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. — СПб., 1910—1913. Т. 3. С. 203.
6. Соловьев В. С. Письма. Т. 4. С. 55.
7. Там же. С. 30.
8. Там же. С. 32—33.
9. Соловьев В. С. Стихотворения. — СПб., 1896. С. 6.
10. Соловьев В. С. Письма. Т. 4. С. 55.
11. Там же. Т. 4. С. 65.
12. Там же. С. 67.
13. Там же. Т. 1. С. 113.
14. Там же. Т. 1. С. 113.
15. Там же. Т. 1. С. 127.
16. Там же. Т. 4. С. 70.
17. Там же. Т. 1. С. 107—108.
18. Там же. Т. 1. С. 225.
19. Там же. С. 128.
20. Там же. С. 142.
21. Там же. Т. 4. С. 73.
22. Там же. Т. 1. С. 123.
23. Там же. Т. 4. С. 67.
24. Там же. Т. 1. С. 136.
25. Князь Эспер Эсперович Ухтомский («Санкт-Петербургские ведомости»).
26. Соловьев В. С. Письма. Т. 1. С. 139.
27. Там же. Т. 1. С. 140.
28. Там же. Т. 1. С. 142.

г. Курск.

А. И. Гончаров

Два древнерусских антикатолических памфлета XI века и Ветхий Завет

Древнерусская литература постоянно раскрывает перед нами свои все более интересные и интересные страницы. Хотя ряд исследователей, в том числе и В. В. Ученова, считают, что «говорить о самоопределении публицистического творчества в специфический род литературы на протяжении XI – XIII вв... преждевременно. Речь может идти, как это и подчеркивают специалисты по древнерусской литературе, о всепроникающей публицистичности большинства выдающихся ранних памятников отечественной словесности»¹. По нашему же мнению, именно в XI веке появились два вполне полноценных религиозно-публицистических произведения, да к тому же и оформленных в жанре памфлета – «Стязание с латиной» Георгия, митрополита Киевского, и «Слово о вере христианской и о латинской» Феодосия, игумена Печерского монастыря.

По Р. В. Жолудю: «...под религиозной публицистикой понимается устная или письменная литературная деятельность:

а) направленная на распространение идейного содержания религиозных представлений автора выступления;

б) непосредственно обращенная и воздействующая на массовую аудиторию в соответствующем плане и приспособленная к восприятию ею;

в) связанная с актуальными (онтологическими, политическими, социальными, нравственными) проблемами, стоящими перед аудиторией, и анализирующая их в свете определенного религиозного учения»².

Дефиницию памфлета мы даем в формулировке В. В. Ворошилова: «Памфлет – произведение обличительного характера, в котором сатирическое начало составляют сарказм, патетика и гневная экспрессивность, а публицистическое – злободневность, оперативность, документальность и крупномасштабный объект обличения (крупное социальное явление, государственные или общественные деятели)»³.

Вышеуказанные литературные работы митрополита Георгия и Феодосия Печерского на сто процентов соответствуют характеристикам религиозной публицистики и памфлета.

Оба произведения возникли не позже 1074 г. Само историческое время провоцировало их появление. За киевский престол после смерти Ярослава Мудрого происходила перманентная борьба между братьями-Ярославичами: Изяславом (законный претендент), Святославом (основной его противник) и

Всеволодом (игравшем второстепенную роль в этой схватке).

Князь Изяслав известен из древнерусских летописей как один из самых прозападных правителей, включая даже Святополка Окаянного. Но дело в том, что симпатии к католической Европе у Изяслава были вынужденными и диктовались политической и военной обстановкой. Считать причиной появления «Стязания...» и «Слова...» только междоусобицу и западофильство Изяслава – это значит отказаться от анализа более глубоких причин возникновения данных оригинальных произведений литературы. Для того, чтобы лучше уяснить ситуацию, при которой и были написаны антикатолические творения Георгия Киевского и игумена Феодосия, следует вспомнить коммуникативные особенности проникновения христианства на Русь и до, и после 988 г. (даты официального крещения Руси).

Киев являлся ключевым центром в распространении христианства в Русской земле. Располагаясь на перекрестке торговых путей, и в то же время на восточной окраине славянской ойкумены, город как бы вбирал в себя «свободные атомы» из разных этносов и религиозных общин. Отметим, что Киев находился также в приграничье такого самобытного географического пространства, как Великая степь, представлявшую собой природный коридор от Китая и Прибайкалья вплоть до Паннонии, через который неоднократно в западном направлении проходили многочисленные кочевые народы. Киев имел постоянные контакты с Крымом. Крым же в эпоху средневековья был перевалочной базой для торговцев, освоивших путь «из варяг в греки»; одновременно этот полуостров служил форпостом Римской, а позже Византийской империи на севере Причерноморья. В дальнейшем Крым закономерно стал местом ссылки религиозно-политических диссидентов. Через крымский коммуникационный канал в Киев поступали идеи православного христианства и различных еретических движений. С Запада – Польши и Чехии – на Русь шло католическое влияние, то же самое можно сказать о прибалтийском и скандинавском каналах трансляции. Из Болгарии в Киев проникали не только православные представления, но и богумильские, окрашенные в цвета манихейского дуализма. С Востока и Юго-Востока на Русь оказывали влияние иудаизм (Хазария), ислам (Булгар, хорезмийцы), несторианство и монофизитство. Знаменательно, что по некоторым сведениям первые русские хри-

стианские общины напоминали по своей организации общины ирландских христиан (пелагиан)⁴. Следовательно, и ирландское христианство в той или иной мере повлияло на становление христианства в Киевской земле.

XI век стал периодом наступления римско-католической церкви на своих противников в христианском мире, а 1054 год ознаменовался гегемонистских поползновений папства. В этих условиях и возникли «Слово о вере христианской и о латинской» и «Стязание с латиной», коммуникационные же процессы отразились в данных произведениях воочую. Основной лейтмотив «Слова...» и «Стязания» определяется так: «Веры разные: одна несет в себе отпечаток духа Христова, другая его лишена»⁵.

Новозаветные аргументы против католицизма в обоих произведениях традиционны, и для исследователя представляют малый интерес: для православных христиан было нормальным делом уличать латинян в нарушении принципов Нового Завета. Гораздо более любопытными для нас являются аргументы ветхозаветные.

Главное обвинение, выдвигаемое древнерусскими авторами XI в. против католиков — это неправильное совершение таинства причащения («вопрос об опресноках»). Однако если у митрополита Георгия критика носит чисто новозаветную окраску, то у Феодосия Печерского она приобретает явно ветхозаветный импульс: «...верой же латинской не прельщаться, обычая их не держаться, и причастия их избегать, и нравов их гнушаться, и оберегать своих дочерей: не отдавать за них, и у них не брать»⁶. Тут наблюдается непосредственная параллель с Ветхим Заветом: «Не вступай в союз с жителями той земли, чтобы когда они будут блудодействовать вслед богов своих...не пригласили бы и тебя, и ты не вкусил бы жертвы их; и не бери из дочерей их сынам своим...» (Исх. 34, 15—16), плюс к сказанному: «И не вступай с ними в родство: дочери своей не отдавай за сына его, и дочери его не бери за сына твоего, ибо они отвратят сынов твоих от Меня, чтобы служить иным богам, и тогда воспламенится на вас гнев Господа, и он скоро истребит тебя» (Втор. 7, 3-4). Возможно, что для критики был использован и еще один фрагмент текста из первой части Библии (См.: 3 Цар. 11, 1).

Исходя из того, что мы знаем, можно смело утверждать, что Феодосий приравнивает латинян к язычникам (например, к ханаанеям).

Важное положение в полемике с римокатоликами занимает упрек в нарушении пищевых запретов. У Георгия читаем: «Так едят удушенину и мертвечину, чего даже иудеи не делают. Это запрещено и Моисеевым законом и евангельским, и у святых апостолов, в правилах их, явно возбраняется. Так нечисто есть запрещенных животных, а они ведь едят и черепашу нечистую, называя ее курицей. Так как нечисто то для чернецов есть сало свиное с кожей... Так как едят медвежатину и ослов, а попы их едят в говение бобровое мясо, говорят, что, мол, от воды это и как рыба всякая. Так как едят с псами в одном сосуде — сами едят, а остатки отдают псам — пусть полизуют. А

потом опять сами едят, если хотят»⁷. Феодосий здесь следует за словами митрополита Георгия. Критика католиков носит чисто ветхозаветный облик, стоит только сравнить текст «Стязания...» с Втор. 14, 3-21; Лев. 11, 2-47 и Лев. 17, 11-14.

Римокатолики порицаются с позиций Ветхого Завета за нарушение таинства брака и митрополитом Георгием⁸, и Феодосием Печерским⁹, здесь так же обнаруживается отступление от библейской морали (Втор. 27, 23). Тожественным сему будет Лев. 21, 7-9.

Среди попрааний латинянами «правой веры» митрополит Георгий Киевский числит и следующее: «Так бреют бороды свои бритвой, что отступлением является от закона Моисеева и евангельского»¹⁰. Сему соответствует запрет в Ветхом Завете (Чис. 6, 5 и Лев. 21, 5).

У того же Георгия при рассмотрении изменений правил службы в храме, внесенных католиками, есть и прямые ссылки на ветхозаветные авторитеты: Давида, Авраама и Мельхиседека¹¹.

Несмотря на весь обличительный пафос, замечательно, что, например, в «Слове о вере христианской и о латинской» имеются строки о милости к иноверцам, следующие сразу же после поругания хваления чужой веры (или двоеверия, по Феодосию): «Если видишь раздетого или голодного, или от стужи, или от беды какой страдающего, будет ли то иудей или сарацин, или болгарин, или еретик, или латинянин, или язычник любой — всякого помилуй и от беды избавь, если можешь, — и не будешь лишен воздаяния от Бога. Бог ведь и сам ныне поганых опекает так же, как и христиан. Поганых же иноверцев защищает Бог в этом веке, но в будущем лишены они будут добродетели»¹². В Ветхом Завете мы найдем нечто похожее: «Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если жаждет, напои его водою: ибо [делая сие] ты собираешь горящие угли на голову его, и Господь воздаст тебе» (Притч. 25, 21-22).

Феодосию Печерскому и Георгию Киевскому в полемике с католиками приходилось не только нападать, но и защищаться. И им на помощь пришло изумительное оружие памфлета — сарказм. Латиняне обвинили православных монахов в том, что они едят яйца, которые, мол, им вкушать не полагается (в пику православным выдвигалось предложение употреблять на монастырских трапезах сало, по примеру римокатолических монахов). Митрополит Георгий в своем возражении католикам просто великолепен: «Если же не веришь этому, о латинянин, то давай положим яйца в один горшок, а сало жирное положим в другой горшок, и будем и яйца, и сало отдельно варить. И пусть мы похлебаем навар от яйца. Но ведь если варишь яйца в чистой воде, то такой же чистой она и останется: варили, словно бы и не варили. Вы же похлебайте еще навар от вашего сала — тогда увидим, у кого из нас заливки толще будут. И если не будете вы лживы, то убедитесь, что является воздержанием и страсть телесную обуздывает, а что тело утучняя, раздражает в душе страсть и оскверняет храм божий»¹³.

Ограничение в пище у митрополита Георгия приобретает новый смысл, если угодно, то новую духовную оболочку, из этого и произрастает сарказм в осуждении католицизма и католиков.

Религиозно-публицистические антикатолические произведения Георгия Киевского и Феодосия Печерского, написанные в строгом почтении к Новому Завету, наполнены и ветхозаветной литературной и богословской «закваской». Да и, вообще, похоже, что на Руси не представляли, как можно раздирать Библию на две части, потому-то и никогда, собственно из лона Русской Православной Церкви не вышло ничего подобного ереси Маркиона.

В конце XX – нач. XXI вв. в России появилась большая когорта тоталитарных и околототалитарных, в своих религиозных установках разрывающих единство Нового и Ветхого Заветов, причем одна из этих составляющих частей замещается бреднями очередного «провидца» или «гуру». И чтобы уберечь себя от посягательства новоявленных «мессий» на наши души, да и на кошельки тоже, сейчас стало жизненно важно изучать и знать библейские книги.

Примечания

1. Ученова В. В. У истоков публицистики. – М., 1989. С. 161.
2. Жолудь Р. В. Начало православной публицистики: Библия, апологеты, византийцы. – Воронеж, 2002. С. 7.
3. Ворошилов В. В. Журналистика. Учебник. – СПб., 1999. С. 74.
4. Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. – СПб., 2000. С. 191.
5. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. – М., 1998. С. 64.
6. Феодосий Печерский. Слово о вере христианской и о латинской // Златоструй. Древняя Русь XI – XIII вв. / Сост., авт. текст, коммент. А. Г. Кузьмина, А. Ю. Карпова. – М., 1990. С. 160.
7. Георгий, митрополит Киевский. Стязание с латинской // Там же. – С. 143.
8. Там же. – С. 143.
9. Там же. – С. 161.
10. Там же. – С. 143.
11. Там же. – С. 144.

12. Там же. – С. 162.

13. Там же. – С. 145.

Литература

Библия. Книги Священного Писания и Нового Завета. – М., 1995.

Болотов В. В. Лекции по истории древней Церкви: В 4 т. – М., 1994. Т. 4.

Ворошилов В. В. Журналистика. Учебник. – СПб., 1999.

Георгий, митрополит Киевский. Стязание с латинской // Златоструй. Древняя Русь XI – XIII вв. / Сост., авт. текст, коммент. А. Г. Кузьмина, А. Ю. Карпова. – М., 1990. С. 141–145.

Гончаров А. И. «Халкидонский рубеж» в русской культуре // Актуальные вопросы политической истории. Материалы научной сессии. Апрель, 1998 г. Вып. X. – Воронеж, 1998. С. 101–103.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. – М., 1989.

Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI–XIV вв. – М., 1996.

Жолудь Р. В. Начало православной публицистики: Библия, апологеты, византийцы. – Воронеж, 2002.

Иустин (Попович), иеромонах. Догматика Православной Церкви / Пер. с сербохорватского. – М., 1990. Т. 1.

Карсавин Л. П. Святые отцы и учителя Церкви (раскрытие Православия в их творениях). – М., 1994.

Карташев А. В. Вселенские соборы. – М., 1994.

Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. – СПб., 2000.

Огницкий Д. П., Козлов Максим, свящ. Православие и западное христианство. – М., 1995.

Тантлевсий И. Р. Введение в Пятикнижие. – М., 2000.

Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. – М., 1995.

Ученова В. В. У истоков публицистики. – М., 1989.

Феодосий Печерский. Слово о вере христианской и о латинской // Златоструй. Древняя Русь XI – XIII вв. / Сост., авт. текст, коммент. А. Г. Кузьмина, А. Ю. Карпова. – М., 1990. – С. 160–162.

Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. – М., 1998.

г. Старый Оскол.

В. В. Смирнов

Тема радио в отечественной поэзии

статья четвертая

Возможность радио всегда находиться рядом с человеком усилило изобретение транзистора. Теперь уже действительно радио стало настоящим спутником человека. Как говорит Юрий Левитанский в стихотворении «Человек с транзисторным приемником» — «время разучилось молчать»¹.

*Вы еще привыкните к нему,
К этому звучанью резковатому!..
Человек идет по эскалатору.
Он стоит от вас недалеко.
Ящичек свистящий и грохочущий,
Ящичек поющий и хохочущий
Держит, как воробушка в руке.
Он таскает ящичек по городу,
По бульварам бродит
Да по скверикам.
К морю выйдет —
Ходит под-над берегом,
Собственно музыкой томим.
Кто же этот странник,
Очарованный
Ящичком играющим своим?
Эту вещь, недавно уникальную,
Хитрую шкатулку музыкальную,
На себе несет он, как печать
Времени,
Которое молчать
Разучилось
Да и не желает.
— Эй, — ему кричат, — убавьте звук!
— Сделайте, — кричат ему, — потише!
— Прекратите шум!.. —
Да вот подиже,
Шум не прекращается никак.
Спящие в домах раздражены.
Сколько раз его ни унимали —
Всяческие меры принимали —
Так и не добились тишины.
Продолжает ящичек звучать —
Петь,
Кричать,
И всякое другое.
Потому что время не такое —
Не такое время,
Чтоб молчать!*

Концовка стихотворения воспринимается как подтекст пробуждения голосов индивидуальных — им не прикажешь замолчать. С конца 60-х годов, все на-

растая и нарастая, в определенной части общества сначала тлеет, а потом начинает зреть самостоятельность мышления, оценок происходящего, создается противодействие на разных уровнях официальной пропаганде.

Начинается, опять-таки на разных уровнях, противопоставление подлинного искусства зарождающейся массовой культуре, государственной пропаганде, которую несут в первую очередь радио и телевидение.

Давид Самойлов видит в транзисторе только одну его сторону — возможность «переносить звук»². В стихотворении «Рихтер» он обращает внимание на то, как мастерство маэстро «заставляет музыку смотреть, угадывать ее предвесье в лице, фигуре, мимике и жесте...»

*Не видя Рихтера, теряешь что-то
От вдохновения и мастерства,
Как в письмах
Утрачиваешь что-то от общенья.
Транзисторщики и магнитофонцы,
Вы музыку таскать с собой привыкли
И приспособлять ее к жилью.
А Рихтер музыку возводит в зал
И превращает музыку в музыку.
Прислушаемся к рихтерову лику,
К рукам задумчивого ездока,
Вожатому коней, изваянных из звука...
Так, колесницы умедляя ход
На спуске с небосклона,
Сам Гелиос внимает, как поет,
Крыло откинув,
Черный лебедь Аполлона.*

Интересный поворот: «прислушаемся к рихтеровому лику, к рукам задумчивого седока, вожатому коней, изваянных из звука». Образ в начале стихотворения, где Д. Самойлов сравнивает руки пианиста со скаковыми лошадьми, превращается в видимо-слышимый образ колесницы и ее седока: не человека, а Гелиоса, запрягшего черных лебедей Аполлона.

Бытовая сторона радио (транзистора), находящегося с человеком в его жилье, приспособливает и музыку к ее более приземленному восприятию. Противопоставление: воспарение с музыкой вместе с играющим пианистом говорит о месте прослушивания. как важном факторе звучания, а главное — восприятие этого звучания. Да, это так, но играющего Рихтера могут видеть далеко не все, да и те, кто мо-

жет — не часто. А музыка в исполнении Рихтера в записи, звучащие по радио, — всегда с нами. Массовая культура в таком случае приобретает двойное значение — общепринятое — попкультура низкопробного образца, рассчитанная на невзыскательный вкус и потакающая ему, и классическая традиционная, высокая культура, которая стала доступна значительному числу людей с появлением электронных искусств и массовых коммуникаций, в том числе и радио.

Транзистор в стихах Инны Лиснянской приобретает непривычное «обличье», находящее отзвук не только в поэтике автора, но и в его мирозерцании³. Поэтический мир Лиснянской необычно уплотнен, эмоционально насыщен, выражен великолепной техникой стиха, его емкостью, метафоричностью, переплетением времен и вещей.

*В эфире — глушилка, в квартире — бедлам.
К чему нам усталость делить пополам?
Не слишком ли поздно пришел ты ко мне? —
Полмира обуглилось в черном окне.
И только глушилка, как сердце мое,
Еще заглушает себя самое.
К чему нам известия из тьмы мировой?
Транзистор разбей, а гитару настрой,
Гитару настрой и по струнам ударь,
Да так, чтобы числа забыл календарь.*

Стихи написаны в 1982 году, «расцвет» застоя, они передают атмосферу «удушья» через жужжание зарубежных радиостанций, «мировую тьму», смутившую автора в нелегкие для нее дни, «мировую тьму, перерастающую в мировую тоску». Сравнение глушилок с сердцем подчеркивает зависимость жизни сердца от обуглившегося в окне мира, зыбкость настроения поэтессы, отталкивающей гостя: «К чему нам усталость делить пополам? Не слишком ли поздно пришел ты ко мне?», переходит в вынужденную просьбу: «гитару настрой», то есть останься, но с условием, если ты «убереешь» время разлада, усталости. У испанского поэта 17 века Луиса де Гонгоры есть потрясающей силы образ: «время уже оделось в числа». Здесь, в атмосфере остановившегося или вяло ползущего времени застоя, поэтесса просит, «чтобы числа забыл календарь». Транзистор воспринимается не как окно в мир хороших новостей, а окно, где «полмира обуглилось». Он — из мира тьмы, черноты, поэтому его нужно не выключить, убрать, а разбить. Таким отношением передается драма души.

Тема «мирового радио», прослушивания зарубежных передач приобретает в последней трети 20 века особое звучание. Причем это может быть отношение с разным знаком.

Радио, служащее объединению людей, может выполнять и более локальные функции, связанные с интересами сохранения национальных факторов: истории, культуры, языка. Сильва Капутикян назвала одно из своих стихотворений «Голос Еревана», и в этом названии объединились и радиоголос столицы Армении, и «голос» — то есть звуковая картина — но-

вого Еревана, и голос как символ, скликающий, собирающий армян, разбросанных по всему миру⁴.

Картина древнего Еревана, созданная поэтическими средствами, вбирающая в себя «краски и запахи, грохот и тишь», «огней предвечерних сплетенье», сравнивается со звездой в вечернем небе.

*Из дневных голосов, из огней предвечерних сплетенный
Ты вместил в себя краски и запахи, грохот и тишь,
Как звезда гаснет день Еревана и в воздухе темном
Как звезды этой свет, ты над сонной землею летишь.*

*Только голос ты? Нет! Ты дыханье, ты колокол храма,
Из-под сводов вершин посылающий звон в тишину,
Кто в тоске по Армении, тот среди грома и гама
Сердцем, полным волненья, твою принимает волну.*

*Поспеши: там кормилицы с работы уже возвратились
И хоть очень устали от схваток бесплодных с судьбой,
Дети, деды, отцы — у приемников все разместились —
Собрались, чтобы встретиться вечером поздним с тобой.*

*Хлынь в дома их далекие волнами песен и танцев
И о милой земле принеси им слова на порог,
Знай: для губ опаленных скитальца, что стал чужестранцем,
Ты — Масиса снега, ты — воды ереванской глоток.*

*Пусть усталый старик в твоих песнях увидит селенье,
Где он ранней зарей просыпался под крик петуха —
Снова овцы на склонах полдневной охвачены ленью,
Вновь косятся соседские девушки на пастуха...*

*Если дети уснули под уличный гомон и топот,
Их укрой и над ними, как небо отчизны склонись,
Чтоб средь фиников вдруг зашуршал наш задумчивый тополь,
Чтоб у мутного Нила вдруг песни Зангу полились.*

*В многолюдье шагают твои одинокие дети
Увядает на юных устах наша древняя речь...
Будь водой животворной для слов засыхающих этих,
Стань родимой почвой для них — помоги их сберечь!..*

*Дальним братьям неси теплый свет моего Еревана,
Крепость наших камней, возрожденную силу земли!
Голос радости нашей, звучи в их сердцах непрестанно,
На чужбине нетленную веру в себя посели.*

*Сердцем будь! Кровь горячую влей в ослабевшие жилы,
Стань мостом над морями и аркою взмой сквозь туман.
Мой народ собери на волне своей, где бы ни жили,
Голос света, звучащий в ночи: «Говорит Ереван!»*

Автор вначале не разделяет голоса Еревана: где собирательный звуковой образ города, а где голос ереванского радио — их волны заполняют эфир. В голосе Еревана начинают преобладать самые характерные звуки: едва уловимое дыхание и колокол храма, посылающий звон в тишину. Им противопоставляется «гром и гам» заграничные, так проступает главная тема: обращение к армянам, заброшенным судьбой в дальние страны. Теперь голос города растворя-

ется в голосах радиоволны. Жизнь соплеменников за рубежом, вдали от родины трудна, преодолеть усталость от «схваток с бесплодной судьбой» помогает голос далекой родной земли, которая целительна, как снега Масиса (Арарата), как глоток живой чистой чистой ереванской воды.

С. Капутикян видит в радио единственную возможность для поддержки духа армян, ставших чужестранцами. Оно несет родную речь — главное средство объединения людей, вселяющее в них веру, поддерживающую их волю.

Поэтесса сравнивает голос Еревана с сердцем, «горячей кровью», мостом, «вставшим аркой над морями», «голосом света». Обилие метафор, сравнений насыщает стихотворение эмоциональной энергией, раскрывая силу, страстность желания Капутикян помочь своим соплеменникам.

Противопоставление жизни за рубежом и в новой Армении звучит в конце стихотворения возрожденная сила земли, «голос радости» должны вселить в сердца эмигрантов истлевшую на чужбине веру, возродить на их устах родную древнюю речь».

Стихотворение написано после 20-го съезда партии (1957—1959 гг.), в нем уже нет лобовых пропагандистских приемов, но отголоски их еще слышны. Политические нотки «упрятаны» за лирико-публицистическими описаниями.

Начиная с середины 50-х годов тема радио в советской поэзии звучит все шире, разнообразнее. Меняется и сама поэзия. В ней все чаще кроме гражданских тем, доминирующих в поэзии 30-50-х годов, прослушиваются личностные акценты, и это выражается не только в содержании, но и во всей поэтике стиха.

«Иронико-философское стихотворение» Андрея Вознесенского из экспериментальной (название, структура, тематика, оформление издания) книжки «Треугольная груша» имеет подзаголовок «Антимиры»⁵. Антимир по Вознесенскому многозначен. Это и противопоставление мира мещанства и фантазии поэта, и нечто новое, несущее перемены в жизни... Заканчивается стихотворение строками: «Мой кот, как радиоприемник, зеленым глазом ловит мир». Это сравнение характерно для поэтики Вознесенского, привнесшего в лирику раскованность метафор, новые ритмы, необычные рифмы... В данном сравнении поэта объекты как бы меняются местами. Не приемник ловит мир, а кот. Но для нас важен масштаб: «Ловит мир». Ведь действительно: радиоприемник выбирает из бесконечного разнообразия волн что-то конкретное, но в целом, в этом поиске, отборе нужной, интересной информации проступает изначально «весь мир».

В книге Евгения Евтушенко «Интимная лирика» собраны стихи, рассказывающие о его многочисленных поездках за рубеж. Одно из стихотворений — «Три минуты правды» (1964 г.) — посвящено памяти кубинского национального героя Хосе Антонио Эчеварилья⁶. Эти стихи входят в круг произведений о радио, которые связаны с границей. Они раскрывают одну из сторон зарубежного вещания, которое у нас всегда подвергалось критике.

Посвящается памяти кубинского национального героя Хосе Антонио Эчеварилья. Подпольная кличка его была «Мансана», что по-испански означает «Яблоко».

*Жил паренек по имени Мансана,
С глазами родниковой чистоты.
С душой такой же шумной,
как мансарда,
Где голуби, гитары и холсты,
Любил он кукурузные початки,
Любил бейсбол,
детей,
деревья,
птиц.*

*И в бешеном качании пачанги
Нечаянность двух чуд из-под ресниц!
Но в паренке по имени Мансана,
Который на мальчишку был похож,
Суровость отчуждения мерцала,
Когда он видел ханжество и ложь.
А ложь была на Кубе разодета.
Она по всем паркетам разлилась.
Она в автомобиле президента
Сидела,
по-хозяйски развальясь.
Она во всех газетах чушь порола
И, начиная яростно с утра,
Порой
перемежаясь с рок-н-ролом,
По радио
орала
в рупора.*

*И паренек по имени Мансана
Не ради славы — просто ради всех,
Чтоб Куба правду все-таки узнала,
Решил с друзьями взять радиоцентр.
И вот,
туда ворвавшись с револьвером,
У шансонетки вырвал микрофон,
Как голос Кубы,
мужество и вера,
Стал говорить народу правду он.
Лишь три минуты!
Три минуты только!*

*И — выстрел...
И — не слышно ничего.
Батистовская пуля стала точкой
В той речи незаконченной его.
И снова рок-н-ролл завыл исправно...
А он,
теперь уже непобедим,
Отдавший жизнь
за три минуты правды,
Лежал с лицом
счастливо-молодым...
Я обращаюсь к молодежи мира!
Когда страной какой-то правит ложь,
Когда газеты врут неумолимо —
Ты помни про Мансану,
молодежь.*

*Так надо жить —
не развлекаться праздно!
Идти на смерть,
забыв покой,
уют.
Но говорить — хоть три минуты —
правду!
Хоть три минуты!
пусть потом убьют!*

Значение радицентра, за которые, как говорили в тридцатые годы, «сражаются как за баррикады», отмечено в стихотворении Евтушенко политическим прочтением значения пропаганды. В нем интересна концовка. Поэты-шестидесятники — А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Б. Окуджава, В. Высоцкий — нередко прибегали в своем творчестве к подтексту, инсказанию, которые легко угадывались и прочитывались определенным кругом интеллигенции, подготовленной к такому пониманию текста. Стихи написаны на «склоне» хрущевской оттепели и воспринимались переобращенно к нашей стране.

Батистовцы даже не отключают микрофон (если судить по тексту стихов), а убивают смельчака-героя в студии, чтобы наглядней и страшней было для других: правда, как ее понимает молодой революционер, стоит жизни.

Поэзия Булата Окуджавы необычайно песенна и музыкальна. И это выражается не только в том, что он бард, один из основоположников авторской песни, привнесший более глубокий мир образов в песню, обычно упрощенную по своей лексике и поэтической стилистике, рассчитанной на массовое восприятие. Его песни, особенно последних лет творчества, необычайно мелодичны. Кроме того, в его стихах и песнях часто звучит тема музыки. Собственно в музыке и кроется тайна огромного успеха, индивидуальность, яркость, глубина его творчества. Это относится и к творчеству Владимира Высоцкого, Новеллы Матвеевой, Юрия Визбора... Органичное сочетание слов, музыки и исполнения поднимало его песни на небывалую высоту (конечно, нужно учитывать время его творчества, социально-политический подтекст, влиявший на восприятие этих песен, противопоставленных официальному песенному искусству). Этот удивительный сплав всех составных элементов окуджавских песен, его неотразимое воздействие прекрасно чувствовали другие поэты. В одной из поездок А. Вознесенского по Америке его спросили: «Как вы оцениваете творчество Окуджавы?» Он ответил: «У него исполнение на двойку, музыка на тройку, слова на четверку, а все вместе — на пятерку». В этой эффектной арифметической «формуле» внешне подкупает оригинальность оценки. На самом деле, и музыка, и голос (особенно музыка) — самого высокого качества. Голос передает глубины души автора. Не случайно исполнение песен Окуджавы актерами теряет то, что составляет их сущность. (Этот феномен особенно заметен на исполнении песен В. Высоцкого, подражать которому вообще невозможно, а петь по-своему — значит, терять что-

то важное из звучания песни). Эту же мысль о значении синтеза музыки, слов и голоса хорошо выразил Игорь Шкляревский в стихотворении «Люблю, когда поет Булат»⁷.

*Он если словом не возьмет,
То голосом добавит.
И голос вроде слабоват,
И слово на бумаге
Лежит нелепо, как солдат,
Когда весь полк в атаке.
И нету музыки без слов!
А вместе соберутся —
То реют выше облаков,
И слезы сами льются.*

Однако следует подчеркнуть, что в этом синтезе ведущую роль играет музыка. Если бы Окуджава не писал песен и не исполнял их, как поэт он не приобрел бы такой популярности, того значения в духовной жизни в основном в интеллигентской среде, выразителем ожиданий, настроений, художественных исканий которых он стал начиная с начала 60-х годов, с исполнения самых первых своих песен.

Сам Окуджава в одной из бесед с автором этой статьи сказал, что, оценивая его песенное творчество, Кобалевский предложил поэту вступить с Союзом композиторов. На это Окуджава полушутя ответил: «Я же нот не знаю». Автор данной работы посылал поэту анкету, среди вопросов которой был и такой: «Не была ли такая тяга к музыке в поэтическом творчестве «тоской» по ней и своеобразной благодарностью музыке?» К сожалению, Б. Окуджава не успел ответить на эту анкету.

Такое значение музыки (одна только тема музыкальных инструментов занимает видное место в образах и символике его песенного творчества) повлияло на видение Окуджавой «радио». Для него радиоприемник прежде всего радиола, несущая музыку⁸.

*Во дворе, где каждый вечер
Все играла радиола
И пары танцевали, пыля,
Все ребята уважали
Очень Леньку Королева
И присвоили ему званье короля.*

Здесь радиола — особая примета времени (она была в конце 30-х — начале 40-х годов еще большей редкостью, деталью быта предвоенной Москвы). На нее собирались, как позже, в начале 50-х, на первые телевизоры. Тогда радио, а позже первые телевизоры еще объединяли, а не разъединяли людей. Одновременно поэтическим языком характеризуя время и ситуацию, поэт создавал знаменитый образ Леньки Королева, а через него и всей Москвы — «Потому что, виноват, но я Москвы не представляю без такого, как он, короля». Именно Ленька Королев стал не просто героем прекрасной песни, но и символом простого русского парня, защитившего Москву и страну. Сам Булат Окуджава рассказывал, как его

после того, как он стал исполнять эту песню, вызвали в ЦК КПСС (идеологи понимали, что таила в себе энергия этой песни в то время) и отчитали за нее: «Что это еще за герой у Вас?». Но именно такой герой и привлекал молодежь 60-х годов. «Последний троллейбус» — переживание одинокой души — и короткая жизнь Ленки Королева, вобравшая в себя и романтику, и драму поколения, и стали крайними точками раннего творчества Окуджавы. Эти новые темы и привлекли внимание к его песням. В них не было и намека на заданность пропагандистской казенщины. Ленка был легко узнаваем, он был своим. Характерная деталь. По мере того, как росла популярность Окуджавы, с которой невозможно было бороться традиционными методами (магнитофон сыграл выдающуюся роль в распространении бардовской песни, особенно Б. Окуджавы и В. Высоцкого), поэта снова вызвали «на ковер» в ЦК. Потому что теперь он писал песни куда более нежелательные для партийного руководства. И состоялся уже совсем другой разговор: «Что это за песни Вы пишете? Есть же у вас прекрасная песня о Ленке Королеве, вот и пишите такие...»

Образ радиолы, уже более сложный, возникает в песне, посвященной А. Осецкой, польской поэтессе. Б. Окуджава перевел и положил на музыку ее стихи: «Мой конь притомился, стоптались мои башмаки. Куда же мне ехать, скажите же, будьте добры?»⁹. Вообще Булата Окуджаву очень любили в Польше.

В песне, посвященной А. Осецкой говорится о поиске пути и истины, о тех трудностях, которые ждут ее искателей, приверженцев иных взглядов на действительность. Концовка этой песни знакова:

*Мы школьники, Агнешка, и скоро перемена,
И чья-то радиолка наигрывает твист.*

Да, поэты, не мирящиеся с официозным искусством соцреализма, а ищущие свои дороги в творчестве, — «свободные школяры», по примеру веселых студентов, вагантов средневековья, нащупывали новую дорогу. Да, школьники, то есть люди учащиеся, только начинающие свой путь, «стоящие у истоков», но уже верящие в то, что скоро — «перемена». И об этом говорит по-своему, на своем языке, радиолка, ее музыка — твист, ломающий барьеры советской эстрады, танцевальной культуры тех лет.

Вспомним стихи Е. Евтушенко о выпускниках средней школы, танцующих твист. Кинооператор, снимающий их, «умоляет: родненькие, вальс! Но на просьбы робкие — свист, свист, и танцуют родненькие твист, твист». Конечно, ребята предвоенного арбатского двора танцевали под другую «радиолу», пели иные песни, но связь времен неразрывна. Она пока еще явственно не просматривается. Опосредованность проявления, вызревания крупных событий и есть одна из загадок истории. И поэты обычно видят (угадывают) ее лучше других, так как само истинное поэтическое творчество зачастую интуитивно.

Наум Коржавин, издавший в СССР до своей эмиграции в США всего одну небольшую книжечку

стихов «Годы», с самого начала своего творчества, с 1944 года, поднимал острые темы, которые обходила официальная поэзия. Поэтому его стихи расходились в рукописях (как, например, поэма «Танька» о жертвах сталинизма), печатались в самиздатовских сборниках.

Стихи Н. Коржавина «Радиослушателям «Свободы» (1979 год) написаны уже за рубежом и обращены к диссидентам в СССР, к тем, кто слушал зарубежные станции из-за «бугра», искал и находил в этих передачах информацию, замалчиваемую в нашей стране¹⁰.

Вообще тема радиовойны в эфире практически не раскрыта в истории нашего вещания. Критике работы наших идеологических противников посвящены более десяти книг, сотни статей в журналах и газетах. Но как, каким образом в умах людей взаимодействовала эта информация с информацией, полученная из других источников, в том числе официальных, — совершенно не изученная проблема. И она неоднозначна и сложна. Конечно, зарубежные станции, вещавшие на СССР в 60-е 90-е годы, особенно «Голос Америки», «Би-Би-Си», «Немецкая волна» и другие, несли много информации, которой не знали наши слушатели. Но одновременно идеологи этого вещания ставили перед собой более крупные политические задачи. Разложить сознание части советских людей, особенно интеллигенции и молодежи и тем самым повлиять на развитие событий в СССР.

Одновременно радиостанции СССР, и самая из них крупная — «Радио Москвы», вели пропагандистскую работу в эфире на многих языках на десятки стран мира, особенно развивающихся. Конечно, в развитых капиталистических странах (США, страны Западной Европы) эти передачи особого успеха не имели.

Эту психологическую войну в эфире (ее можно назвать «теплой войной») СССР проиграл и в первую очередь потому, что ее мы проиграли экономически крупнейшим капиталистическим странам. Была не выполнена главная задача в экономике, которую ставил перед советской Россией еще В. И. Ленин: догнать и перегнать капиталистические страны по главному показателю — производительности труда. В принципе эта цель изначально была обречена на неудачу, так как производительность труда напрямую зависит от заинтересованности работника в результатах своего труда. А результаты труда в СССР принадлежали работнику в очень незначительном объеме, и работник не принимал участия в распределении произведенного продукта, в отличие от тех, кто трудился в развитых капиталистических странах. Естественно, что и там результаты труда не могли принадлежать трудящимся, но там доля этих результатов, выраженная в заработной плате, была значительно выше, и это обеспечивало преимущество в зачном соревновании двух систем в производительности труда и его качестве.

Что бы не говорило наше радиовещание (и другие средства массовой информации, обращенные на внешнюю аудиторию и на свою, внутреннюю), уро-

вень жизни, условия жизни в нашей стране «пропагандировали» гораздо сильнее и эффективнее. В свою очередь, «семена», которые разносили зарубежные «голоса», падали в СССР на благодатную почву.

Да, СССР был великой, мощной державой, но в первую очередь за счет мощной армии, ядерного оружия, освоения космоса, фундаментальной науки, которая опять-таки в первую очередь работала на военно-промышленный комплекс и космические программы, естественно, за счет интересов миллионов простых людей, которые учитывались далеко не в первую очередь, а скорее по остаточному принципу.

Мы столь детально развернули эти аргументы, чтобы показать, что поэзия, художественное творчество поэтов всегда связаны с контекстом жизни, с ее атмосферой, проблемами...

Наум Коржавин использует в своем стихотворении возможность обращения в новогоднюю ночь к своим землякам из студии радиостанции «Свобода» для подчеркивания разницы жизни «там» и «здесь» и разговаривает с теми, кто эту разницу хорошо знает. Причем его совершенно не интересуют проблемы экономической, социальной жизни, а только политические, духовные.

*С Новым годом! Годом дел и дум,
 Душ сближенья.
 С Новым годом — сквозь напор и шум,
 Вой глушенья.
 Между нами стены и пути,
 Моря рокот,
 Те, кто в дом ваш могут вдруг войти,
 В мой — не могут.
 В мой — не мой... Похоже все на бред.
 Мало чести.
 Я устал, сбежав, увидел свет.
 Вы — на месте.
 С Новым годом! Что кому дано.
 В славе ль, в сраме, —
 Все равно мы вместе... Все равно
 Ведь я с вами.
 Нелегко сегодня на земле,
 Все нечетко.
 Все дрожит, как стрелка на шкале
 Волн коротких.
 Но рука не дрогнет, ищет цель,
 Ручку крутит.
 Ищет голос, как жилья в метель,
 Жизнью шутит.
 Чуткий поиск... Тяжкая игра.
 Скачут цели...
 С Новым годом вас! Вы мастера
 В этом деле.
 С Новым годом вас!.. Сквозь боль утрат,
 Стыд и слабость.
 С Новым годом, Пресня и Арбат,
 Псков, Челябинск.
 С Новым годом Тула и Урал,
 Камни Бреста,*

*Все места, где я не раз бывал,
 Где мне место.
 Там друзья — я рвусь сегодня к ним,
 Помня с грустью:
 Хоть сейчас махну в Париж и в Рим,
 В Омск — не пустят.
 ...Только счастья, что сквозь боль и стыд,
 Сквозь стихи.
 «С Новым годом!» — голос мой звучит
 Над Россией.*

Радио сближает души единомышленников сквозь «напор и шум, вой глушенья». То, что зарубежные радиостанции в СССР глушили, только усиливало интерес к ним. Одновременно это подчеркивало то, что наша советская пропаганда боялась этих передач, а значит, хорошо понимала, что в открытую им нечего противопоставить.

Сам Н. Коржавин не рассматривает свой отъезд за границу как подвиг. Его дом там, куда не смогут прийти сотрудники КГБ, одновременно и не его дом — «похоже все на бред».

Образ дрожащей на шкале радиоприемника стрелки подчеркивает нечеткость, ложность, зыбкость существования в мире противостояния двух мировых держав, двух антагонистических систем.

Поэзия Н. Коржавина не отмечена сколько-нибудь выдающимися художественными достижениями. Ее значение в том, что он раньше других многое понял и описал состояние души, терзаясь тем, что теряет свои идеалы и не находит себе настоящей опоры в приобретенном знании. Но все-таки его образы в стихах достигают своей цели. Они работают в контексте «политической шкалы» его творчества, пронизанного искренностью и болью.

Слушатель ищет голос поэта, «как жилья в метель», и с поворотами ручки настройки «шутит своей жизнью». Место поэта там, где он когда-то бывал, где живут его товарищи и друзья по духу, по пониманию значения свободы гражданской и творческой. И он рвется к ним, но его «туда не пустят». Радиоголос, пробивающий железный занавес войны в эфире пока может только согреть душу (как дом в метель) и пожелать счастья «сквозь боль и стыд, сквозь стихи». Мы вместе — говорит поэт. Именно это дает ему основание сказать: несмотря на разные судьбы («что кому дано, В славе ль, в сраме...») — мы вместе, потому что я — с вами.

То единение людей, о котором мечтали В. Хлебников и В. Маяковский, говоря о возможностях радио (конечно, не в тех масштабах и с другими целями), возникает в свободном эфире, несмотря на гул глушилок.

Песенная поэзия Александра Галича насыщена иронией. Герой его «Баллады о прибавочной стоимости», который всю жизнь «научность марксистскую пестовал», изучал «Капитал» с «Анти-Дюрингом» — вдруг получает известие о наследстве от тети, обитавшей в капиталистической стране Финляндии¹¹.

*Но недавно случилась история —
Я купил радиолу «Эстония»,
И в свободный часок на полчаса
Я прилеж позабавиться классикой.
Ну, гремела та самая опера,
Где Кармен своєю бросила опера.
И когда открычал Эскамилие,
Вдруг свое я услышал фамилие.
Ну, черт-те что, ну черте что, ну черт-те что!
Кому смешно, мне не смешно...*

Да, «племяннику Володечке» вовсе не до смеха. Упоминание в эфире своей фамилии в связи с розысками Инюрколлегии (!) повергает его в ужас («Ох, не надо бы вслух, ох, не надо бы!»).

Проследив стремительную трансформацию сознания и поведения будущего счастливого наследника, трагикомическую точку в финале автор ставит при помощи «телека», принесшего весть о революции в Фингалии, и это знаменует жизненное крушение «убежденного марксиста».

Зарубежное радио воспринималось по-разному, в зависимости от того, кто слушал и какие программы. В стихотворении Владимира Корнилова «Радиопередача» (1987 г.) подвергается резкой критике турецкое радио¹². Это стихотворение переключается внутренней связью со стихами С. Капутикян, обращенным к армянам, живущим за границей. Межнациональные отношения составляют нерв политики и дипломатии в жизни разных народов, их истории. Это стихотворение В. Корнилов и посвящает Сильве Капутикян.

*Колесико, что ли, крутнул
Сегодня сильнее?
И вот среди ночи Стамбул
Несет ахинею.
Меня выдирая из сна,
Вещает во мраке,
Мол, черного года резня —
Армянские враки.
А ну не мели, не юли,
Брось, диктор, кульбиты!
История каждой земли
Убийством набита.
Отсталых и главных здесь нет,
Все как бы на равных...
И жаль, если держит ответ
За прадеда правнук.
Не стоит ответа держать.
Сегодня будь счастлив,
Что поздний,
Что можешь дышать
Своим неучастьем.
Дыши!.. Обелять не спеши
Лихое наследство.
Пойми: несвобода от лжи
Доводит до зверства.
Послушай, не будем крутить,
А врать и тем паче:
Минувшего не утаить,*

*Не переименовать,
Не стоит с ним также играть
Ни в прятки, ни в жмурки,
А то можно стыд потерять,
Как радиотурки.*

Размышления над услышанной передачей поэт выводит в более широкий план: отношения к историческому прошлому. Здесь явственно проступает мотив и нашей отечественной истории.

Вообще радиовещание в 70-х–80-х годах, естественно, в значительно большей степени воспринимается поэтами не как «чудо века», говорится не о его возможностях, а чаще и пристальнее рассматривается содержание передач. Отталкиваясь от их осмысления, авторы поднимают важные вопросы общественно-социальной жизни, политики... И это закономерно. Но следует заметить, что за этим «частным взглядом», вниманием к подробностям даже крупных социальных проблем, несколько утрачивается масштабность воздействия радио на свою аудиторию. Обыденность радио скрадывала его истинное значение в жизни людей.

В данной работе не рассматриваются стихи местных авторов, но все-таки бросим взгляд и на эту поэзию (в частности — ростовскую). Стихи Николая Скребова любопытны тем, что он много лет проработал на радио. Эти стихи («Голоса») посвящены старым фондовым записям, которые перебирает и прослушивает редактор¹³. Голоса людей, выступавших на радио, записанных на магнитофонную пленку и оставленных в фонотеке для истории — живая связь времен, дыхание ушедших поколений.

*Болезню века стало многословье,
Инфляция пустых и праздных фраз.
Но сердце мне тревожит каждый раз
Внезапно наступившее безмолвье.
И потому с волнением и любовью
Включаю пленку, чтоб услышать вас,
Ушедшие, чьи голоса подчас
Бывшее совмещают с нашей новью.
И говорю оставшимся в живых:
Не рвите этой драгоценной нити,
Мой бедный голос тоже сохраните
И голоса свои, друзей своих...
Пусть памяти они придутся в пору.
Но я хотел бы, чтоб не очень скоро.*

Очень близко по теме стихотворение «Волна» Натальи Образцовой, завершающее ее сборник «Волны»¹⁴.

*Потомок, ты слышишь меня?
Владеющий чуткой антенной,
Лови!
Я — живая волна!
Мой голос поймай во Вселенной!
Жила я когда-то давно,
Любила тона голубые...
Я стала высокой волной —*

*Ты слышишь мои позывные?
... Ожоги и шрамы повсюду
Еще на планете видны.
Я русская женщина,
чудом
Прошедшая пламя войны,
Я – птица степная,
что в небо
Взлетела под грозным дождем...
Ты думаешь:
выдумка? небль?
В далеком столетии другом
Шагающий с вечной спидолой –
Расскажет о многом она! –
Лови меня,
путник веселый!
Лови!
Я живая волна!*

Голосу, записанному на магнитную пленку, посвящены и стихи автора этой статьи, тоже работавшего на радио. Но они о совсем другой судьбе запечатленного голоса¹⁵.

*Магнитная пленка у края дороги
Блеснула немлым ручейком,
Как будто я голос притихшей тревоги
Подслушал случайно, тайком.
Она умирать в тишине не хотела,
Распятая кем-то в пыли,
О чем же шептала, кричала иль пела
Та запись в объятиях земли?
Быть может, о вере? О светлой надежде?
Скорее всего – о любви.
Крылатую, легкую, звонкую прежде,
Ее не поднять – не зови.
Тот голос, у времени отнятый нами,
Взлетевший в объятия к богам,
Согретый шального бессмертья волнами
Надеется – он еще там!*

Магнитофонная пленка в данном случае – символ неизвестного голоса, уходящего в небытие, в «объятия земли», даже записанным на пленку и обретшим, казалось бы, бессмертие. Он убит временем и отношением людей к нему. Время как вселенская категория оказывается сильнее обыденности, пытавшейся выиграть у него долгую жизнь.

Завершая наше исследование, мы вновь обращаемся к частушкам. Частушки как жанр устного поэтического творчества представляют собой своеобразный «срез» отражения действительности. В 90-е годы 20-го века поэтический бум, как и книжный вообще, затух окончательно. По данным социологов, стихи читают всего лишь три процента исследованной аудитории, и это – от количества вообще читающей публики. А так как интерес к книге, к чтению продолжает падать в первую очередь под воздействием массовой культуры и телевидения, то эти три процента – вообще мизер в мире интересов современного человека.

Изменилась и сама поэзия. Она «рассыпалась» на несколько направлений. Не привлекая больше активного внимания читателей, она или «ушла в себя» или стала эпатировать общественное мнение. Пышным цветом расцвело графоманство, как реакция на прежнюю довольно высокую планку профессиональных требований к качеству официальной поэзии и строгую идеологическую и политическую цензуру. Гражданские мотивы в лирике тоже стали затихать и звучать в патетических нотах у приверженцев открыто патриотической поэзии, озлобленных результатом так называемых «реформ».

Примером эпатажной «лирики» является творчество Игоря Губермана, использующего в своей поэзии и форму, и отдельные свойства и качества народной частушки. В Ростове-на-Дону том его произведений издали в престижной серии «Всемирная библиотека поэзии». В аннотации его имя поставили рядом с Омаром Хайямом. Это, конечно, рекламные трюки, спекуляция на низких вкусах определенной аудитории, но должны же быть и нравственные критерии – ведь речь идет не о жвачке, а о поэзии.

Четверостишия И. Губермана, отличающиеся злободневными темами, выполнены на неплохом «техническом» уровне. Но в них нередко звучат откровенные грубости, спекуляция на актуальности многих тем, запрещенных в недалекие времена.

Радио предстает в «гариках» (так называет свои «творения» автор) также с неожиданной стороны. Это взгляд человека, сидящего в тюрьме. Казалось бы, в изоляции радио должно вообще играть незаменимую роль. Но Губерман – в одном случае противопоставляет радиопропаганду реальной жизни, и такой подход имеет некий оправдательный элемент:

*В тюрьме я поневоле слушал радио
И думал о загадочной России:
Затоптана, изгажена, раскрадена,
А песня – о душевности и силе.*

В другом – радио отводится совсем несвойственная ему роль¹⁶.

*Здесь радио включают, когда бьют,
И музыкой притупленные крики
Звучат как предьявляемые в суд
Животной нашей сущности улики.*

Философствования о «животной сущности» человеческой природы на фоне радио, заглушающего крики избиваемого, редкое наблюдение. Что ж... Окружающая нас жизнь настолько широка и разнообразна, что ей нет границ. Жизнь же в местах заключения складывается и идет по своим законам, жестоким, звериным. Здесь действительно обнажается «животная сущность» природы людей, но не всех людей, а их части, потерявшей человеческий облик. Для таких радио – «звуковая игрушка», «глушилка».

В целом стихи И. Губермана, в которых поэзия, по большому счету не только «не ночевала», но и не намередовалась «ночевать», дают пищу для размыш-

лений о потаенной сущности жизни человека, которая базируется на его «зверином нутре». Интерес к таким стихам также показателен и немало говорит об их читателях.

Но вернемся к частушкам. Народная частушка нередко противостояла официальной пропаганде, так было раньше, так происходит сейчас. Наряду с анекдотом частушка (особенно потаенная, подпольная) резко критиковала те стороны политики, социальной жизни, которые касаются миллионов простых людей. Эта критика высказана в емкой, точной «спрессованной» форме и достигает порой высокого художественного и профессионального уровня. Она использует все возможности жанра. И невольно возникает вопрос: кто является авторами этих произведений? Взаимоотношения частушки и анекдота вопрос неизученный, хотя на «поле» их действия происходит немало пересечений, особенно тематических. И каждый жанр использует свои возможности критики, высмеивания для воздействия на слушателей. Социальная информация, заключенная в сатире этих жанров, столь значительна, особенно по своему эффекту, что впору говорить о частушке и анекдоте (теперь уже публикуемых, а не передаваемых из уст в уста) как о своеобразной неофициальной стороне «народного радио», способствующей распространению слухов, домислов и т. д.

Частушка и анекдот близки функционально, но у них свои герои, свои приемы, средства выражения и достижения результата. Они всегда предполагают заинтересованного слушателя и находят его, так как априори нацелены на особую атмосферу восприятия, созданную предыдущим опытом общения с этими видами творчества у слушателя.

В 1999 году научно-исследовательский центр (!) «Ладомир» в Москве выпустил двухтомник «Заветных частушек» из собрания А. Д. Волкова. В нем представлены частушки разного времени, объединенные по разным темам. Во втором томе опубликованы политические частушки. В них отражена оборотная сторона официальной пропаганды. Это, так сказать, частушки оппозиции. В них-то и предстает отношение к радио как «государственному голосу», средству воспитания масс¹⁷.

*Я живу теперь культурно,
Провел радио вчера:
Не дают частушки слушать,
Остальное все — мура.*

*Милый выписал газету,
Провел радио себе,
Чтоб не надо было думать
О своей лихой судьбе.*

Это — заря радиовещания, эпоха коллективизации. Критика здесь высказана еще в мягкой форме. И далее:

*Нам по радио сказали:
«Коммунизм уже грядет!»*

*Подтянув ремень потуже,
Терпеливо каждый ждет.*

Противопоставление советской и буржуазной радиопропаганды идет со сменой знаков.

*Включил радио послушать,
А там «вражьи голоса»,
Но чекисты так их глушат —
Правда режет им глаза.*

Ожидание результатов перестройки (новых обещаний эпохи Горбачева) обыгрываются в прежнем критическом ключе.

*Денег накопила —
Радио купила —
Ничего не кушаю —
Горбачева слушаю.*

Есть и нецензурные варианты этой темы. Мы их опускаем — они слишком грубы, тем более, что интересующая нас тема раскрывается более литературными словами.

Среди разделов, посвященных критике прессы, явно доминируют частушки, высмеивающие газеты, но и радио, и телевидению достается немало. В главном газете, радио и телевидение объединены. Под одной «крышей» — критика за их дезинформацию, удаленность от правды жизни.

*Не слушай радио,
Не читай газет,
Там правды-матушки
И на грош-то нет.*

*В голове, Семен,
У нас с тобой «того»:
Закрутили нам мозги
Печать и радио.*

*Телик, радио на свалку
Сдать пора давно:
Там ведь правды нет —
Лишь вранье одно.*

Образцами такой жесткой критики нового «демократического» режима стали частушки, публикуемые на страницах газеты «Советская Россия». Тем самым это издание как бы подчеркивало — оно правдиво отражает существо происходящих в стране событий и процессов. Однако с этим нельзя согласиться полностью. «Демократическая» и «патриотическая» оппозиционная к власти пресса показывает разные стороны жизни, с разной их оценкой, а не сложную, противоречивую, во многом драматическую и динамическую жизнь конца 20-го — начала 21-го столетия.

Уникальность частушки состоит также в том, что в ней на минимальном литературном материале четко выражается важная социально ориентирован-

ная мысль. Тематический спектр частушек необычайно широк. «Журналист» поместил на своих страницах небольшую заметку, рассказывавшую о том, как в селе Куратово Сысольского района Республики Коми проводился праздник, посвященный 70-летию местного радио. Редкий праздник на селе обходится без частушек. Немало их звучало и в селе Куратово. «Была у большинства озорных припевок одна особенность: на все лады повторялось в них слово «радио» — без него, мол, не обойтись»¹⁸. К сожалению, мы не имеем текстов этих любопытных частушек — они не опубликованы. Но можно догадаться, о чем пели куратовцы, раз лейтмотивом их радиочастушек была мысль о необходимости вещания на селе. Радио пришло в деревню в тридцатые годы и всегда играло особую культурную роль в жизни крестьян. А рождение радиочастушек в наши дни — характерная черточка культурного быта современных сельян.

Закончить данное исследование хочется на жизне-нерадостной ноте — радио, конечно же, этого заслуживает, несмотря на вакханалию, которая происходит на некоторых коммерческих радиостанциях, опять-таки потакающих невысоким культурным запросам и интересам определенной части аудитории, в основном молодежной. И это тоже будет частушка. Она прозвучала в эфире по телевидению (НТВ, 11 мая. 2002 года, 18 часов 32 минуты)..

*Я по радио влюбился,
Я по радио женился,
И по радио у нас
Нынче дочка родилась.*

Через легкую иронию просматривается значение радио, его постоянное «присутствие» в жизни людей.

История нашей страны последнего века, а вместе с ней — история радио, относительно короткий исторический отрезок времени, была насыщена глубокими по своему существу изменениями. Это и отразили поэты в своих стихах о радио. Дальнейшее развитие событий в стране, складывающееся в контек-

сте эволюции массовых коммуникаций, в том числе и Интернета как нового средства информации и культуры, создают предпосылки для новых взаимоотношений аудитории и радио, и шире — телевидения, газет, журналов, а значит нового осмысления и отражения роли радио в жизни людей. Но это уже новая страница истории.

Примечания

1. Левитанский Ю. Избранное. М., 1982. С. 235–236.
2. Самойлов Д. Залив. М., 1981. С. 52.
3. Лиснянская И. Избранное. Ростов-на-Дону, 1999. С. 186.
4. Капутикян С. Произв.: В 2-х т. Т. 1. М., 1978. С. 260–261.
5. Вознесенский А. Треугольная груша. 40 лирических отступлений. М., 1962. С. 24–26.
6. Евтушенко Е. Интимная лирика. М., 1993. С. 40–42.
7. Шкляревский И. Люблю, когда поет Булат // Юность. 1975. № 3. С. 3.
8. Окуджава Б. Стихотворения. СПб., 2001. С. 139–140.
9. Окуджава Б. Прощание с Польшей // Март великодушный. М., 1967. С. 123.
10. Коржавин Н. Стихи и поэмы. М., 1992. С. 146–147.
11. Галич А. Генеральная репетиция. М., 1991. С. 43–46.
12. Корнилов В. Избранное. М., 1991. С. 201–202.
13. Скребов Н. Нам 40 лет. Ростовская государственная телерадиовещательная компания. Юбилейный буклет. Ростов —на-Дону, 1997, без указ. стр.
14. Образцова Н. Волны. Ростов-на-Дону, 1987. С. 61.
15. Смирнов В. Стихи из новой книги «Небесная тропинка», подготовленной к печати.
16. Губерман И. Гарики. Ростов-на-Дону, 2000. С. 140, 185.
17. Заветные частушки. Из собрания А. Волкова: В 2-х т. Т. 2. М., С. 28, 104, 113, 231, 249, 267, 268.
18. Радио — герой частушек // Журналист. 2001. № 6. С. 7.

г. Ростов-на-Дону.

А. Г. Баташев

Журналистика и связи с общественностью

Лекция на курсах повышения квалификации пиарменов

Субъекты media relations

Кто принимает участие в media relations? С одной стороны — это пиармены, с другой — журналисты.

Со стороны PR мы имеем двух субъектов:

— агентство PR, которое непосредственно занимается связями со СМИ, с целью инициирования публикаций в интересах клиента, создания благоприятного информационного поля для его деятельности;

— клиента, который нанимает PR-агентство для проведения той или иной кампании, формулирует цели и задачи.

Также распространен вариант, когда компании занимаются своими PR и продвижением самостоятельно, не прибегая к услугам со стороны агентств. Для этого в компаниях имеются собственные PR-подразделения. Иногда функции PR могут возлагаться на пресс-службы или отделы маркетинга корпораций. Однако современные «связи с общественностью» предполагают столько тонкостей, что даже компании, имеющие мощные PR-подразделения, охотно прибегают к помощи PR-агентств. Во многих крупных западных компаниях даже специально оговаривается, какие функции должны выполнять специалисты корпорации, а какие требуется передавать специализированным PR-агентствам. Это разумно, поскольку видение агентства часто отличается от представлений клиента. Путем совместных усилий вырабатывается объективный, трезвый взгляд на многие вещи.

Помимо объективности, важно и то обстоятельство, что агентства в своих узкоспециальных функциях достигают поставленных задач быстрее, дешевле и качественнее. Но если корпорации вполне могут обходиться и без услуг PR-агентств, то агентство без клиента обойтись не может. Клиентский портфель и резюме по оказанным в прошлом услугам — это главный показатель мощи PR-агентства.

Одним из самых важных, ключевых элементов при проведении PR-кампании является объем ее бюджета. Насколько большой бюджет, насколько солидный клиент и как ярко он может произвести информационный повод, настолько эффективно и будет проводиться PR-кампания.

Что касается журналистики, здесь наблюдается не менее сложная и интересная картина. У каждого

вида СМИ имеется своя технология и цикл производства. Соответственно, стиль информации, способ и возможности ее подачи, скорость ее доставки — от PR-специалиста до конкретного СМИ — могут и должны варьироваться.

Телевещание осуществляется на метровых и дециметровых каналах, с помощью спутников и посредством кабельных сетей. В условиях России наибольшей популярностью у аудитории пользуются метровые каналы, их — шесть. Для Москвы и Подмоскovie вещателями на метровых кнопках являются «Первый канал» (бывшее ОРТ), РТР, ТВЦ, НТВ, «Культура» и ТВС.

Помимо технических особенностей вещания у каждого канала есть рейтинг, очень важен и такой критерий, как охват аудитории. Так, например, у двух главных федеральных каналов — ОРТ и РТР — охват аудитории составляет 250 — 300 миллионов человек. А у дециметрового не федерального канала, например М1 — охват едва ли достигнет 5 миллионов человек. Соответственно, мы сразу увидим разницу в бюджетах каналов, в расценках на рекламное время, которые на ОРТ и М1 будут отличаться на пару порядков. Следовательно, и характер информационного повода, который способен заинтересовать эти каналы, будет разительно отличаться.

У радиостанций тоже есть свои рейтинги и охват аудитории. Именно на эти ключевые показатели мы опираемся, когда говорим о солидности или о популярности той или иной радиостанции, о ее коммерческой привлекательности, возможности использования как PR-инструмента.

Задача информационных агентств — информировать подписчиков о событиях и явлениях. Проще говоря, находить, отслеживать и поставлять новости. В России есть три крупнейших информационных агентства — Интерфакс, ИТАР-ТАСС и РИА. У каждого агентства есть свои подразделения как в регионах России, так и по всему миру. Причем новости на лентах указанных агентств появляются почти сразу, как событие происходит. Именно информационные агентства являются основными поставщиками новостей для радио, телевидения, печатных СМИ и Интернет-изданий. То есть информационные агентства — это первичная структура, которая задает импульс всем игрокам на информационном поле.

Газеты также можно подразделить на центральные, региональные и муниципальные. В зависимости

от этого, а также от специализации изданий, их целевой аудитории, может варьироваться и характер информационного повода, который PR-специалисту важно донести до журналиста, а потом и до читателя.

Главным критерием оценки газеты является ее тираж. Он позволяет нам понять, насколько эта газета читабельна, пользуется спросом. Исходя из тиража, определяется охват аудитории и рейтинг издания. Ведь если в семье покупается газета, то обычно ее читает не один человек, а несколько. Это могут быть не только домочадцы, но и коллеги... Поэтому обычно охват аудитории намного превышает тираж.

Однако помимо тиража есть очень много вещей, которые позволяют нам оценить издание. Прежде всего, это качество СМИ (здесь роль играют много факторов, от качества полиграфии до качества статей), характер СМИ (субсидируемые государством или частным капиталом, независимые), система распространения. От этих нюансов зависит стоимость их рекламных площадей.

Кстати, открою маленькую тайну: благодаря наличию рекламных расценок легко подсчитывается эффективность как PR-специалиста, так и проведенной PR-кампании. Вам удалось заинтересовать издание информационным поводом. Оно безвозмездно опубликовало статью. Берите линейку и подсчитайте площадь публикации. Помножив площадь на рекламные расценки, вы определите, какова была бы стоимость статьи, выйди она на коммерческой основе. Это называется PR-value. Хотя PR-value в редких случаях может служить показательной величиной, особенно если учесть тот факт, что в создание информационного повода — организацию мероприятия или акции — клиент вкладывает деньги, часто намного превышающие суммы PR-value. А отдача от грамотного PR — рост доверия и узнаваемости клиента — вещи, которые, по сути, бесценны.

Журналы — более консервативная часть печатных СМИ по причине большей длительности производственного цикла. Так, в информагентствах с момента появления актуальной информации до ее публикации счет идет буквально на доли секунды. На телевидении — это секунды, минуты, максимум — часы. В газетах речь идет о периоде в полдня, день, максимум неделю. Иначе информационный повод устареет. А в журналах — в зависимости от периодичности их выхода, качества полиграфии, характера — «отставание от жизни» составляет от четырех дней до трех месяцев. Поэтому журналы более заинтересованы не столько в новостях, сколько в аналитике, в освещении действительно крупных событий или знаковых явлений.

Таким образом, периодичность СМИ оказывает существенное влияние на стиль подачи информации. Газеты бывают ежедневные, еженедельные, раз в две недели... Журналы выходят еженедельно, ежемесячно, ежеквартально — и для каждого типа нужен особый подход со стороны PR-специалистов.

В России существует феномен, который несколько отличает нас от мирового медиа-сообщества — это сетевые средства массовой информации. На

Западе феномена популярных сетевых СМИ, как, например, лента.ру, страна.ру, газета.ру и др. — не существует. В России почти все печатные издания и информационные службы телекомпаний и радиостанций в той или иной степени берут информацию из сетевых СМИ. Таким образом, представив интересную информацию в Интернет-медиа, мы можем привлечь внимание СМИ, которые оказались неохваченными PR-специалистами в контексте работы по оповещению и рассылке релизов.

У каждого СМИ имеется своя специализация и своя определенная изюминка. Есть издания, которые пишут на общекультурную тематику, другие — на общественно-политическую. Есть те, которым интересен спорт или товары народного потребления.

От специализации и целевой аудитории издания во многом зависит, насколько клиенту интересно быть в нем представленным, а изданию — писать о его информационных поводах. Поэтому выбор изданий в соответствии со стратегическими интересами клиента и его репутацией — важная часть работы PR-специалиста при старте проекта и планировании мероприятий.

Возьмем для примера «Remi Martin» — очень хороший и дорогой коньяк. Его в основном могут позволить себе люди с доходами выше среднего. Поэтому мероприятия, направленные на повышение узнаваемости марки, будут проходить в сотрудничестве с изданиями, ориентированными на элиту.

Подобному типу брендов неинтересно и даже противопоказано быть представленным в желтой прессе, например в газете «Жизнь». Ведь обычные газеты предназначены для людей с доходами средним и ниже среднего. А в российских условиях эта категория граждан вряд ли может себе позволить регулярно покупать дорогой коньяк или заказывать его в ресторане. Однако когда речь идет о глянцевого изданиях вроде «Медведя» или «Плейбоя», то, конечно, «Remi Martin» будет охотно с ними сотрудничать, в том числе и покупать в них рекламные площади, чтобы показать себя во всей красе потенциальному потребителю.

Когда мы говорим о массовом бренде, например торговой марке шоколада «Россия — Щедрая душа» — наибольший интерес для создания репутации представляют семейные издания, ориентированные на активную аудиторию. Из журналов — это «Лиза», «Домашний очаг», «Сериал», «Cool», из газет — «АиФ», «Комсомольская правда».

Понятно, что для «Remi Martin» не подойдет «Лиза», потому что этот журнал направлен не на аудиторию его потенциальных потребителей. А детской шоколадной продукции противопоказан «Плейбой», тем более, что есть достаточно специализированных детских и семейных изданий, где подобная реклама будет смотреться естественно, прежде всего, для родителей.

Теперь предлагаю сосредоточиться на деликатной и крайне важной в контексте media relations проблеме взаимоотношений пиармена и журналиста, PR-службы и издания.

**Творчество + бизнес =
PR = журналистика**

Журналист видит в PR по преимуществу бизнес-часть, упуская из виду, что PR — это творческая профессия. А пиармены порой пытаются «рулить» журналистикой без понимания всех ее тонкостей и измерений. Ведь журналистика тоже делится на творческую часть и бизнес. И часто очень трудно понять, где в журналистике начинается бизнес и кончается творчество.

Наглядным примером подмены понятий и интересов бизнеса и творчества может служить конфликт вокруг НТВ. Журналисты защищают бизнесмена В. Гусинского и с яростью выступают против смены собственника на канале. Они видят в смене собственника прежде всего политический подтекст, притеснение свободы слова. Не исключено, что политический подтекст действительно присутствовал. Однако если бизнес В. Гусинского оказался убыточным, компания была отягощена многочисленными долгами и финансовыми обязательствами, банкротство явилось закономерным итогом. Возможно, В. Гусинский искренне полагал, что «отработал» те деньги. Однако бухгалтерия показывала иное. Поэтому журналисты защищали не свободу слова, а прогоревший бизнес В. Гусинского.

И наоборот. Часто бизнес считает себя вправе жестко диктовать журналистам условия: вот это вы можете писать, а об этом писать нельзя. А если сотрудник редакции заявит о «свободе слова», ему предложат выбирать между работой и увольнением. Т.е. мы наблюдаем конфликт творчества и бизнеса.

Задача пиармена заключается в том, чтобы найти баланс интересов между творчеством и бизнесом. Почему это важно, попытаюсь объяснить на примере ситуации, с которой PR-специалисты регулярно сталкиваются при работе с изданиями. Вы организуете пресс-конференцию по социально значимому информационному поводу. Звоните в издание с приглашением журналиста, а вас отсылают напрямик в коммерческий отдел. Поэтому как мы разделили творчество и бизнес в журналистике, так мы должны четко разделить то, чего часто не понимают журналисты в пиарменах.

Реклама — это, когда мы приходим в редакцию, заключаем договор, покупаем газетную площадь, платим деньги и размещаем модуль или иной желаемый материал, показывающий товар лицом, исходя из пожеланий заказчика. PR — это совершенно другое. Здесь главное — создать информационный повод, внимательно изучить и подстроиться под редакционные планы. Здесь бюджет обычно закладывается под создание и обеспечение информационного повода. Когда мы занимаемся PR, то журналистам и изданиям мы не платим. Для нас важно их заинтересовать — причем на безвозмездной основе.

В идеале, при работе с изданиями требуется сочетать элементы PR и рекламы. Время от времени

размещая в СМИ рекламные материалы, можно получать неплохие бонусы в плане информационной поддержки событий и мероприятий клиента газетой. Разумеется, если мы хотим быть успешными пиарменами, необходимо четко понимать, что мы можем предлагать изданиям как информационный повод, а какого рода информацию рассматривать как рекламную.

Случаются ситуации, когда у компании произошло крупное событие или прошла акция, на которую были приглашены журналисты, после чего с коммерческими отделами некоторых изданий достигается договоренность о публикации заметки о мероприятии «на правах рекламы». Это пример вопиющего непрофессионализма со стороны PR-команды. Не нужно стесняться доводить до рекламных отделов СМИ следующую простую истину: «если мы начинаем платить под информационный повод или за освещение акции, то мы должны платить либо всем, что справедливо, либо не платить никому. Простите, мы Вас очень ценим и уверены, что Вы нас поймете правильно, но по данной акции ни одному изданию мы платить не будем».

**Информационный повод:
искусство удивлять**

Как создавать информационный повод? Об этом пиармен думает в рамках того бюджета, который у него имеется. Но даже при очень ограниченных средствах можно создать нечто такое, о чем издания с удовольствием напишут, а телеканалы покажут. Приведу успешный пример, связанный с шоколадным брендом «Выпекай-ка». Команда, перед которой стояла задача продвижения, предложила провести интересную социальную акцию. Был придуман формат благотворительного чаепития, на которое пригласили вместе с детьми известных артистов и политиков. Перед гостями стояла задача приготовить на основе ингредиентов «Выпекай-ки» торты для ребятшек из сиротских домов. Акция прошла отлично. Приготовили много вкусного. Детки намазюкались в шоколаде в процессе готовки. Родители, дети и журналисты — все были в восторге. А организаторы были просто потрясены, поскольку акция, которая задумывалась как просто локальная вечеринка, привлекла внимание большого количества СМИ. Приехали даже съемочные группы от ряда телеканалов. Причем в нескольких репортажах были прямо упомянуты торговая марка «Россия — Щедрая душа» и бренд «Выпекай-ка». Показали не только политиков с артистами, но и организаторов со стороны клиента, т.е. такой, казалось, простой информационный повод, а результат — измеримый количеством и качеством публикаций в СМИ — был для столь небольшого мероприятия просто оглушительным.

Компании придумывают разные информационные поводы, чтобы доказать свое лидерство на рынке. Здесь будет показательным пример всемирно известной американской корпорации «Hewlett Packard».

Производитель высококлассного компьютерного оборудования, «НР» — компания с очень большой историей. Она была основана после Второй мировой войны двумя отставными офицерами. Первоначально их офис-мастерская располагалась в обычном гараже, где оба что-то мастерили и изобретали. Благодаря энергии, активности и воле создателей их корпорация стала одним из символов осуществления американской мечты, превратившись в гигант, на котором сейчас держится мировая компьютерная индустрия и рынок высоких технологий.

Казалось бы, чем может такая компания удивить общественность и наглядно подтвердить свое лидерство профессиональному сообществу? В 2000 году «НР» заключила с «Dream Works Entertainment» — известной компанией по производству фильмов, основанной группой известных американских продюсеров во главе со С. Спилбергом — договор о производстве нового поколения мультипликационных фильмов. Специалисты графической лаборатории «НР» разработали потрясающие компьютерные программы и предоставили «Dream Works Entertainment» оборудования и программ на общую сумму 200 миллионов долларов. В итоге появился мультфильм «Шрек». Большинство наверняка смотрело этот потрясающий мультфильм про любовь великана-огра к красавице принцессе. Дикая смесь сказок и искрометного юмора... Фильм имел оглушительный успех, став самым кассовым фильмом 2001 года в США.

А в мае 2002 года на основе применения новых технологий вышел второй совместный проект студии и «НР»: «Спирит — властелин прерий». Эта история про мустанга тоже имеет оглушительный успех, за четыре месяца до сегодняшнего дня фильм собрал 38 миллионов кассовых сборов. В России этот мультфильм пока в прокате не появился. Говоря о PR-эффекте, отметим, что такого рода мультфильмы пользуются большим спросом. Следовательно, косвенным образом участие такого бренда, как «НР», в их производстве приводит к усилению доверия аудитории к основной продукции корпорации.

Приведу российский пример. Не знаю, сколько присутствующих являются посетителями модных клубов и ресторанов? Именно на эту публику было рассчитано мероприятие по продвижению очень известной марки сигарет «Mild Seven», производимой компанией JTI. Чем может сигаретная марка удивить? В принципе, особо удивлять нечем. Хотя «Camel», например, недавно действительно удивили, они просто сменили полностью дизайн, отказавшись от традиционного верблюда. И даже изменили вкус. В свое время «Marlboro» тоже сильно удивили своих поклонников. «Marlboro» изначально рекламировались как женские сигареты. Продажи шли из рук вон плохо. И вот приходит новый PR-менеджер, который и говорит: «Ребята, для каких женщин это сигареты? Это сигареты для самых крутых ковбоев и настоящих мужиков». Буквально через два месяца «Marlboro» стали самым популярным табачным брендом в США, а потом и в мире.

«Mild Seven» сейчас проводит интересное мероприятие, направленное на продвинутую интеллигенцию и богему, по знакомству российской общественности с модной музыкой. Прославленных музыкантов из Европы приглашают выступить в элитных московских клубах. Акция проводится под общим названием «Seven cessation», т. е., седьмое чувство. Мы знаем фильм «Шестое чувство» с Б. Уиллисом, был фильм «Пятый элемент». Тут тоже игра — есть пять известных чувств, добавляем интуицию, и, соответственно, «Mild Seven» становится нашим седьмым чувством. Ресторан в тот день оформляется в специальном цвете: оранжевая вечеринка, красная вечеринка, фиолетовая вечеринка. Соответственно, коктейли, которые подаются, тоже оранжевые, либо фиолетовые, либо красные. Все меню в ресторане в этот день тоже оформляется в цвете вечеринки. Приглашения в форме цветного, красивого веера распространяются среди профессуры, музыкальных критиков и просто известных людей. Такие концерты дают возможность слушать интересную, качественную музыку оригинального исполнителя, который вряд ли в ближайшем будущем побаловал бы российскую публику своим визитом. Такой праздник не останется незамеченным изданиями, пишущими на темы культурной жизни, поскольку каждая вечеринка становится действительно заметным событием.

Почему пиармены и журналисты порой недопонимают друг друга

В жизни каждого агентства, телепрограммы, газеты, журнала или компании имеется свой цикл. Так, иногда пиармен звонит журналисту: «Дорогой, как твои дела, удалось ли что-то уже написать и опубликовать?» А данный журналист просто не понимает, насколько факт публикации важен для пиармена. Ведь об эффективности работы PR-специалиста судят именно по количеству публикаций, есть определенные ожидания. А сей журналист, если и сталкивался со словом «пиар», то только в контексте написания заказных материалов. Поэтому указанный журналист просто не знает, что, например, побывав на мероприятии, хорошим тоном считается написать статью об увиденном для своего издания. Пусть этот материал и будет даже в одну строчку!

Российская и западная концепции журналистской этики, мягко скажем, различаются. Например, на Западе, если журналист обедает с пиарменом, то каждый платит сам за себя, если редактор обедает с олигархом, каждый платит сам за себя. Иначе речь идет о прямом подкупе. Западный олигарх может сделать приятное журналисту, пригласив его отдохнуть к себе на ранчо. Это позволено. Но если двое обедают в ресторане, каждый должен платить сам за себя, иначе это уже не независимый журналист и рискует попасть под увольнение.

В России, если пиармен обедает с журналистом, сами понимаете, кто платит. Соответственно, если

олигарх платит за редактора, это читается нормальным. Журналист при этом абсолютно не чувствует, что как-то ущемлена его независимость. Мне вспоминается примечательная дискуссия, которая произошла на «Медиафоруме» в Санкт-Петербурге между В. Познером и В. Третьяковым в мае 2001 года. В. Познер, имеющий за плечами большой опыт работы на американском телевидении, доказывал, что каждый должен платить сам за себя. В. Третьяков возражал, что его небольшой доход зарабатывается честным путем и для него поход в ресторан существенная трата. А для олигарха, награбившего миллионы, это что капля. И, что даже если его увидят обедающим с олигархом, никто не подумает, что его позиция стала менее независимой. Поэтому, с точки зрения В. Третьякова, именно олигарх и должен платить.

Стоит ли удивляться, что при общении с менеджерами из небогатых изданий иногда сталкиваешься с ощущением, что на вашего клиента смотрят как на дойную корову. Причем не стесняясь в выражениях: «Какой же он богатый! И что ему, так жалко заплатить за собственную раскрутку какие-то 100 долларов...» 500, 5000... — в зависимости от крутизны издания... Причем часто не придается ни малейшего значения тому, что PR-специалист и даже менеджер клиента — это такой же наемный работник, который вряд ли будет иметь что-то большее, кроме своей зарплаты, от того, опубликует газета его материал или нет. Однако, когда пойдет речь о том, кому лучше выделить свалившийся рекламный бюджет, голос этого работника может оказаться решающим. Причем он наверняка выскажется именно в пользу тех изданий, которые ему помогли, а не тех, где его унизили подобным упреком.

В любом случае, даже с теми, у кого неумные аппетиты, рвать отношения не надо. Стоит терпеливо объяснить, что в основе PR лежит прежде всего информационный повод. Что мы не можем навязывать изданию, писать ему об этом или не писать. Но повод есть, причем такой интересный, что его трудно игнорировать.

Говоря о бюджетах, вспомнил хороший американский анекдот, который наилучшим образом демонстрирует разницу в капитализации телевидения и газеты. На собеседование приходит кандидат на должность руководителя коммерческой службы телеканала. Владелец конторы просит собеседника рассказать о достижениях на предыдущем месте работы. «Когда я руководил своей маленькой газетой в штате Огайо, — начинает кандидат, — я привлек рекламных бюджетов на 1 миллион долларов». «Всего на миллион долларов?».

Для региональной газеты миллион долларов — это огромные, непостижимые деньги. Для телеканала миллион долларов — это не сумма вообще. Оговорюсь, для регионального телеканала в условиях России миллион — это действительно цифра. Но не для ОРТ. Не открою тайну, что стоимость пакета генерального спонсора в «Последнем герое» (ведущий С. Бодров) оценивалась в сумму порядка двух миллионов долларов. Конечно, эффект, который получил

17, стоил того. Резко повысилась узнаваемость марки. Рейтинг заключительной серии «Последнего героя» вообще достиг 100 %, что для телевидения уникальный показатель. Но и обычный рейтинг «Последнего героя» составлял 38 %, причем его зрителем была самая активная аудитория! И хотя сумма в два миллиона долларов поражает воображение, затраты на создание шоу все-таки оказались выше. Вот такими суммами оперирует телевидение.

Как создавать информационный повод

Как мы уже видели, информационные поводы могут быть самые разные. Мы говорили об организации социально значимого мероприятия или выпуске уникального продукта. Примерами успешного глобального продвижения марок являются создание мультфильма про Шрека и организация фестиваля «Клинское продвижение». Но можно организовать и небольшое мероприятие «с изюминкой», которое встретит позитивный отклик.

Информационный повод может быть любым. Юбилей марки, дата со дня основания компании — это интересно. Кадровое назначение — это важно. Заявление руководителя компании по поводу того или иного действия государственных органов — это актуально. Профессиональный пиармен способен подать каждому СМИ подобный повод в приемлемой для журналиста упаковке.

Есть большие компании, от которых зависит реально жизнь страны. Например, если в «Газпроме» или РАО «ЕЭС» происходят некие события, об этом обязательно придется написать, поскольку действия этих монополистов затрагивают интересы очень многих людей. Но когда речь идет о новостях небольшой компании или, например, об отдельно взятых марках пива, бытовой техники, разных приборов — в этих новостях нет ничего судьбоносного.

Так чтобы написали, надо не только придумать информационный повод, но и налаживать добрые, доверительные отношения с конкретными журналистами. Чем больше у пиармена друзей в редакциях, которые могут гарантированно продвинуть его публикации, тем выше его заработная плата, его авторитет. Если в одном агентстве его недостаточно оценят, то на рынке есть десятки других, которые могут ему предложить зарплату в 1,5 — 2 раза больше, поэтому в данной отрасли довольно большая текучесть кадров. Задача PR-специалиста заключается в том, чтобы об информационных поводах его клиента журналисты не только узнавали вовремя, но и чтобы встречали их радушно.

Ярким образцом организации доверительной работы с журналистами является пресс-служба Всемирного фонда дикой природы в России. Под информационные поводы они всегда стараются провести мероприятия для прессы. Причем акции у них разные, уникальные, неповторяющиеся. Это может быть выставка фотографий, небольшой концерт или мероприятие, которое направлено на то, чтобы не-

стандартным образом привлечь внимание. Так, этой осенью WWF договорился с Интернет-аукционом «Молоток.ру» и организовал через их сайт распродажу вещей известных музыкантов в поддержку Алтайских лесов.

Если торговая марка является спонсором чего-то значимого, это неизбежно привлечет внимание общественности. Например, пиво «Толстяк» являлось официальным спонсором «Чемпионата России по футболу – 2002». «Клинское» проводит фестиваль «Продвижение», отчасти спонсирует баскетбольную команду «Уралгрейт», претендующую на чемпионство. Победы подшефных команд, успехи и мероприятия подшефных социальных организаций или, например, рок-групп – отличный повод засветиться.

Для PR-отдела очень важно отслеживать и доводить до сведения общественности благотворительные акции, например передачу помощи в дар детскому дому. И людям помог, и сделал вклад в создание собственного позитивного образа.

Релиз: точность, яркость, оперативность

Важным направлением работы PR-специалиста по доведению информации до журналистов является написание релизов.

С релизами всегда стоит торопиться, поскольку, как я уже говорил, инфоповод устаревае быстро. Между информационными агентствами, между телеканалами идет жесткая борьба, кто первым выпустит знаковую новость. Сразу видно, кто выпустил новость первым, а кто вторым и третьим. Это видят клиенты. Конкуренты тоже отслеживают статистику, чтобы представить ее потенциальным подписчикам, особенно крупным спонсорам. Даже внутри одной структуры может развернуться жестокая конкуренция за первенство. Из моей телевизионной практики помню один из эфиров программы «Здесь и сейчас». За час до эфира становится очевидным, что в Югославии идет штурм президентского дворца, т. е. толпа напирает, и вопрос состоит в том, какова будет развязка драмы...

В эфире программы «Время» (в рамках которой мы ожидаем своего включения) сидит К. Клейменов. В Белграде идет какое-то шевеление, но пока еще ничего не происходит. А Клейменов ждет известий, перебирает регламент на 10, на 15 минут. Но ничего не происходит за эти минуты, и вот он все-таки дает А. Любимову слово. Ведущий представляет гостя в студии. Но пока идет эфир, мы всей редакцией ждем развязки по событиям в Югославии. Каждую секунду мною мониторится лента, каждые две секунды на ленте появляются разного рода новые сообщения. И вот, где-то за 3 минуты до конца нашей части эфира на ленте агентства «Рейтер» появляется сообщение «Milosheвич has left his home». Как хочешь, так и понимай. Каждой клеткой под кожей чувствую ответственность, но времени на обдумывание уже нет. Нажимаю на печать. Буквально

вырываю это сообщение из принтера, надписываю «Милошевич покинул свой дом, бежал». Бегом в студию, пролезаю под столом, чтобы, не дай Бог, не попасть в эфир. Федеральная программа все-таки. Александр читает сообщение, заканчивает интервью и озвучивает последнюю новость программы: «Только что агентство «Рейтер» передало: Milosheвич has left his home. Что переводится – Милошевич покинул свой дом. Т.е. Милошевич бежал, очевидно, революция в Югославии свершилась – Кирилл!». Кирилл: «Только что агентство Рейтер...»

Тот факт, что Клейменов, увлекшись чтением сообщения, не услышал, что его уже дали в эфир мы, показывает, что конкуренция даже в рамках одной программы идет на считанные секунды. Кто первый из информагентств подаст новость, кто первый из программ теленовостей преподнесет. Помню печальные события 11 сентября. Когда самолет протаранил небоскреб, соответственно CNN почти сразу выдает эту картинку в прямой эфир. Что делают российские телеканалы? К. Эрнста в тот день не было, поэтому ОРТ не могло действовать оперативно. А НТВ сразу дало CNN, сразу посадило синхронного переводчика. ОРТ сделало то же самое, но на полчаса позже. Поэтому рейтинг ОРТ был процентов на 30 меньше, чем был рейтинг у НТВ, поскольку все, до кого дозвонились друзья и знакомые, включали именно канал НТВ. И именно в эфире НТВ второй самолет таранит небоскреб, тогда как ОРТ в это время показывает какое-то шоу. ОРТ думает, можно ли пускать информацию про теракт в эфир или нет. Но вот поступает команда, после чего собираются все редакторы, которые знают английский язык, и садятся на синхрон, чтобы как-то все это дело озвучивать. И хотя комментарий на ОРТ получился более сильным, чем на НТВ, рейтинг был безнадежно провален.

Возвращаясь к теме написания релиза. Мы должны его делать по возможности кратким. Информация должна подаваться по существу, бросаться в глаза. Причем в заголовке и в первом абзаце. Если заголовок в три слова не укладывается, можно суть передать краткой фразой, например: «Фестиваль продвижения состоится в Москве», которую потом и расшифровать: «25 августа в Москве состоится финальное мероприятие фестиваля продвижения». Чтобы с самого начала потребителю пресс-релиза стало понятно, что, где и как происходит и почему это должно быть ему интересно.

В идеале релиз не должен превышать трех абзацев, занимать максимум страницу. Причем в конце обязательно должны стоять контактные координаты. Ведь журналиста может заинтересовать информация, но ему потребуются какие-то дополнительные комментарии. Обычно в роли ответственного лица, чьи контакты указываются, выступает куратор PR-подразделения и его помощник, ответственный за конкретный сегмент.

Помимо релиза, рассылаемого по дружественным и нейтрально настроенным журналистам, неплохо подготовить по знаковым событиям и подробную информацию. Обычно – и практика показыва-

ет, что это очень эффективно — делается пресс-кит. Это некое подобие реферата (или слайдов), содержащего полную информацию о торговой марке, ее истории, разновидностях, возможностях, описания заводов, где ее производят.

Но прежде всего в пресс-ките дается инфоповод — описание мероприятия, его идеи и участников, предыстории акции. Например: в прошлом году в Москве фестиваль «Продвижение» собрал 19 групп... и т. д. После чего пошла развернутая информация по торговой марке. Издания разные, и кого-то, может быть, информация о фестивале не заинтересует, но вполне привлекут какие-то исторические или маркетинговые показатели. Если бренд существует давно, то следует внести описание основных мероприятий, которые проводились под его эгидой. Рассказав об истории марки, можно подробно остановиться на том, что за завод и в каком городе ее выпускает, описать особенности производства и продукта. Особо следует подать информацию о фирме, которая владеет брендом, ее финансовых показателей и роли на рынке.

В итоге получается интересная и познавательная информация, которую важно красиво скомпоновать и не менее красиво распечатать либо как брошюру, либо просто на принтере и оформить сшивателем. Желательно лично разнести по редакциям, причем не только в виде наглядной печатной продукции, но и на компакт-диске. Обычно есть много фотографий, которые позволяют оживить материал. Но опыт показывает, что графические файлы не во всех электронных ящиках помещаются. Да и журналисту так проще, не приходится перебирать интересные текстовые фрагменты. Поэтому наличие компакт-диска никогда не будет лишним.

Пресс-киты, приглашения и релизы также лучше разносить по редакциям лично, причем за несколько дней до предполагаемой акции. Но даже когда мы просто рассылаем релиз, процесс его «движения внутри редакции» следует держать под чутким контролем. Первым делом, если редакция незнакомая, мы звоним и узнаем, кто в редакции отвечает за конкретное направление, будь то маркетинг, культура или религия. Ведь информационные поводы бывают разного характера. Например, если Siemens помог построить в екатеринбургской епархии храм, это событие интересно не отделу технологий и экономики, а скорее отделам новостей и религии. А в крупных изданиях есть много журналистов, специализирующихся по той или иной проблематике. Узнаем контактные координаты ответственного за нашу тему, звоним ему, выясняем, куда ему удобнее направить релиз. При этом мы описываем новость, выясняем, насколько она интересна, может ли быть опубликована. Если нет, то почему.

Релиз направляется. Желательно удостовериться в получении релиза адресатом. На следующий день надо обязательно позвонить журналисту, поинтересоваться судьбой релиза. Часто журналист не может взять на себя ответственность за публикацию материала и отсылает Вас в коммерческий отдел. Т.е. возникает элемент волокиты. Так что нужно действо-

вать оперативно, звонить, доказывать. Если в тот день не происходит суперважных событий, то есть большой шанс убедить редакцию в том, что Ваша информация достойна публикации. Пусть даже в виде небольшой заметки.

Мероприятие и журналисты

Из каждого события, особенно когда мы делаем какое-то мероприятие, надо выжать максимум публикаций. Мы должны позвонить журналистам, предупредить их о том, что мероприятие будет. Попросить сделать анонс, желательно — два анонса. По итогам мероприятия тоже надо позвонить и спросить: «Как Вам понравилось?» Если человек не был, в красках ему рассказать, как все происходило...

Многие СМИ охотно рассказывают о событиях, если подключать их к этому делу как информационных спонсоров. Особенно когда на мероприятии развешивают и их логотипы с баннерами.

Например, мы проводили акцию в одном из городов России. Я рассказывал о грядущем событии главному редактору местной «Комсомольской правды» — одной из самых дорогих газет в регионе по расценкам на рекламу. На что главный редактор ответил: «Вы понимаете, я не могу это печатать, это нам запрещает центральный офис. Хотя, если повесить баннер «КП» (четыре метра на полметра), возможно, мы что-то напишем». Звоню клиенту, рассказываю о договоренности, а мне отказ: «На сцену мы этот баннер вешать не будем, и точка». Спрашиваю: «А если недалеко от сцены будет стоять «КамАЗ» (машина организаторов), сбоку мы это можем повесить?». — «Можно».

«Комсомолку» такое решение устроило. Но на деле все получилось гораздо лучше. У коллег, которые занимались непосредственно оформлением сцены и монтажом оборудования, мне удалось выяснить, что сцена — это место, где актеры выступают, а вот два огромных щита сбоку, предназначенные для баннеров, сценой не являются. В итоге мы повесили баннер «КП» на этих щитах, и его отовсюду было видно. Ответный жест редакции — два анонса и две развернутые позитивные публикации по результатам акции.

Во время мероприятия для PR-специалиста очень важно держать все под контролем. Важно предупредить журналистов о времени и месте проведения мероприятия. Причем уточнить такую «мелочь», как, например, было ли получено разрешение властей на организацию мероприятия именно в это время и в этом месте. Если вам отвечают, что «глава администрации дал устное разрешение», надо очень постараться, чтобы это устное разрешение было подкреплено письменным.

Особо отмечу работу с ключевыми участниками. Если центральный гость должен выступать на пресс-конференции, он ни в коем случае не может не приехать или опоздать. Или другая ошибка, когда при проведении фестиваля, чтобы завлечь публику и журналистов, начинают трезвонить в анонсах, что у

них «будут такие-то знаменитости», хотя их присутствие еще под вопросом. В итоге из десятка заявленных звезд, дай Бог, если приезжает одна. Конечно, публика разочарована, а по итогам обеспечен едких комментариев со стороны журналистов.

Когда вы организуете пресс-конференции, старайтесь отсекал случайных людей, как бы тяжело вам это ни казалось. Случайная публика может своим поведением все вам испортить. Надо стараться приглашать проверенных журналистов. А когда с людьми приходят разные друзья и знакомые (и тоже хотят пройти в VIP-зону на правах журналистов), лучше проявлять твердость. Ведь за человека, который прошел на акцию под видом журналиста, несете ответственность именно вы. А если он журналистом не является и при этом начнет задавать намеренно провокационные вопросы? Подобное отнюдь не редкость, поскольку случайные люди, которые не работают в издании, ответственности никакой не несут.

Разумеется, сразу после мероприятия нужно сделать итоговый пресс-релиз и разослать его журналистам, включая тех, кто был на акции. Надо понимать, что журналисты — люди очень занятые, а в любых редакциях, как в центральных, так и в региональных, работает не очень много журналистов. Иногда приходится и статью самому писать, если хочется получить широкий резонанс.

Самое главное, подчеркну еще раз, это отношения с журналистами. Грамотный PR-специалист на каждом мероприятии должен знакомиться со всеми пришедшими журналистами. А потом лично поддерживать с ними контакт, иногда встречаться и в неформальной обстановке. Особенно, когда речь идет о серьезных журналистах. Во многих компаниях новостей столько, что пресс-релизы поставлены на поток. Служба PR генерирует новости, а название компании постоянно мелькает в прессе. Поэтому важно поощрять журналистов. Не забывать таких банальных вещей, как дни рождения или обычные праздники.

Ответственность и скромность

Напоследок предлагаю поговорить об отношениях между пиарменом и клиентом в свете медиа-рейтинга. Самая главная задача для клиента — это четко сформулировать задачи. Ответственность за решения усиливает тот факт, что вся открытая информация для прессы является визитной карточкой компании. Причем эти материалы и релизы прочитают и конкуренты.

Каждый сотрудник или каждое подразделение специализируется на отдельных вещах, но руководитель штаба — как со стороны Агентства, так и со стороны клиента — должен быть универсальным специалистом, готовым в случае необходимости осуществлять кризисный менеджмент и реагировать на острые ситуации.

Например, ваш завод на неопределенный срок закрыла санэпидемслужба, т. е. нанесен тяжелейший удар не только по доходам, но и по имиджу компании, репутации ее брендов. Тут требуется оперативное вмешательство. Причем иногда лучшее вмешательство — это никаких комментариев. Рано или поздно все успокоится. Если хорошие отношения со СМИ в целом налажены, журналисты станут симпатизировать в конфликте именно Вам.

В кризисных ситуациях руководитель PR-отдела должен четко понимать грани своей компетенции. Следует ли промолчать или, наоборот, нужно сделать громогласное заявление. Порой лучше отослать журналиста непосредственно к руководству. Поскольку руководитель может интуитивно найти лучшее решение. Пиармен как специалист обладает ограниченной информацией, а начальник часто в курсе целостной картины.

Задача заключается в том, чтобы как можно лучше представить имидж руководителей и компании. PR-работнику лучше оставаться в тени, выставляя на первый план ответственное, полномочное лицо.

В принципе, любое крупное мероприятие само по себе — кризисное, поэтому от пиармена требуется грамотно все организовать и дать руководителю высказаться. Причем ни в коем случае не перебивать его своими комментариями, даже если тебя пригласили в президиум.

Вообще, клиент часто склонен ставить перед пиарменом невыполнимые задачи, а по итогам приносить результат. Например, пришло несколько телекамер. «Почему так мало журналистов пришло?» Или отписалось по региону 20 изданий: «Что-то у вас очень мало журналистов отписалось!» Надо всегда уметь обосновывать свои действия. Придумывать ничего не надо, требуется просто владеть ситуацией до мелочей. Причем на клиента не обижаться. Ведь решая его задачи и пытаюсь соответствовать повышенным требованиям, мы невольно повышаем свой профессиональный уровень. Раздвигаем для себя границы возможного.

На этом предлагаю остановиться. Благодарю Вас за внимание и надеюсь, что четыре часа, проведенные на этой лекции, принесут Вам практическую пользу.

г. Москва.

Об авторе: Анатолий Баташев работает менеджером по региональному развитию в агентстве PRP Group — российской компании, аффилированной с мировой сетью Weber Shandwick, одного из лидеров на мировом рынке продвижения торговых марок (брендов) и корпоративного имиджа. Клиентами PRP Group являются такие известные марки как Bosch, Siemens, Hewlett Packard, Lucent (компания ведет и российские бренды, в частности пиво «Клинское»). До работы в PRP Group трудился на ОПТ в телепрограммах «Здесь и сейчас» (с Александром Любимовым) и «Времена» (с Владимиром Познером и Жанной Агалаковой).

М. А. Кирьяшина

Роль психологических факторов в имиджмейкинге

Константин Станиславский считал побудителем творчества «сверх-сверхзадачу» актера — потребность познания и воплощения «жизни человеческого духа». В политическом театре иная сверхзадача — создание эффективного имиджа.

В книге С. Маркова «PR в России больше чем PR» подчеркивается: «Основной принцип PR — позитивность. Тот, на кого работает PR-структура должен выглядеть в глазах общественности добрым, умным, честным, неподкупным»¹. С этим трудно поспорить.

Психологической сущностью имиджмейкинга является создание аттракции. По определению Е. Н. Богданова и В. Г. Зазыкина, это «отношение, окрашенное исключительно положительными эмоциями, более того — большая симпатия, привлекательность, которая может проявляться также в виде особой положительной социальной установки на личность, организацию...»².

В фильме «Раскручивая Бориса» («Spinning Boris»), снятом в Голливуде в 2002 г. и появившемся на российском экране в 2003 г., тройка американских политтехнологов (Джордж Гортон, Ричард Дреснер и Джо Шумейт) дает советы по коррекции имиджа Борису Николаевичу Ельцину, связанные именно с повышением привлекательности его образа в среде избирателей на выборах 1996 г. Консультации по достижению аттракции в фильме выглядят довольно примитивно: Борису Николаевичу предлагают чаще улыбаться, сажать деревья, целовать детишек и пожимать руки представителям народа. Однако, если вдуматься, эти простые действия вызывают исключительно положительные эмоции. Тепло, любовь, соиздание, открытие делают имидж политика приятательным для масс.

Как правило, основными источниками информации о кандидате (депутате и т. д.) являются СМИ. Поэтому каждая статья, каждая теле- и радиопередача — это маленький кирпичик большого здания — политического имиджа. Рассмотрим такой пример. В газете «Аргументы и факты—Черноземье» № 41 (октябрь 2003 г.) вышла статья К. Емельянова «...Плюс газификация всей области». Фактически это отчет о деятельности депутата Государственной Думы по Аннинскому избирательному округу Дмитрия Рогозина. Накануне новых выборов (7 декабря 2003 г.) шаг вполне объяснимый и, с нашей точки зрения, удачный. Во-первых, статья рассказывает об открытии газопровода в двух селах Воронежской области и

вкладе Д. Рогозина в это дело. А во-вторых, иллюстрации данного журналистского материала показывают депутата в выгодном свете. На одной фотографии он с губернатором Владимиром Кулаковым перерезает ленточку на открытии Терновского газопровода; на второй — стоит в окружении благодарных женщин и детей села, на третьей — наблюдает за горящим факелом в окружении мужчин. Все фотоснимки вызывают положительные эмоции. Депутат продуктивно работает — избиратели выражают удовлетворение. Прочитав или хотя бы просмотрев такой материал, читатель получает определенный позитивный заряд, который, безусловно, связывается с образом данного депутата, собирающегося принять участие в новых выборах.

Однако очевидно, что все предвыборные и текущие материалы не могут быть радостными и оптимистичными. Политические деятели часто поднимают серьезные проблемы, вызывающие негодование и требующие разрешения. Так, депутат Государственной Думы Сергей Глазьев в сентябре 2003 г. выпустил целую серию злободневных брошюр «Народной библиотеки». Одна из них называется «Как победить бедность в богатой стране». В ней умело эксплуатируется принцип удовольствия, описанный З. Фрейдом в «Психоанализе», что позволяет достичь аттракции, несмотря на общую безрадостную картину действительности, отраженную в материалах издания.

Сначала автор рассказывает о месте России в мире по качеству жизни, по уровню экономического развития, говорит о том, сколько денег потеряло население и «в чью пользу», потом предлагает выход из сложившейся ситуации: как можно вернуть достоинство труду, повысить средний достаток, восстановить бережения граждан и т. д.

Механизм, открытый З. Фрейдом, довольно прост: «Течение психических процессов автоматически регулируется принципом удовольствия, возбуждаясь каждый раз связанным с неудовольствием напряжением и принимая затем направление, совпадающее в конечном счете с уменьшением этого напряжения, другими словами, с устранением неудовольствия или получением удовольствия»³ (с. 351).

В схему «спокойствие — раздражение — спокойствие» можно уложить практически любой предвыборный материал, и он, если будет подан в привлекательной форме и дойдет до целевой аудитории, вызовет положительные эмоции. Это просто по сути, но невероятно трудно в исполнении. Потому что тре-

буется глубокое знание своего избирателя, его психологических особенностей.

Безусловно, точный портрет избирателя позволит составить лишь грамотное социологическое исследование. Однако существуют общие черты российского электората.

По утверждениям социологов, «российские избиратели в большинстве своем обладают так называемым срединным типом мышления... политические пристрастия российских избирателей неустойчивы»⁴.

Известный пиартехнолог С. Ф. Лисовский так же, как и многие другие теоретики и практики, выделяет три основных типа электората: «сомневающийся», «отвергающий» и «устойчивый».

К первому типу он относит ту часть электората, у которой в предвыборный период, благодаря определенным мотивам, на определенном этапе еще не сформировалась устойчивая потребность участвовать в выборах, либо не возникло твердое решение, за какого кандидата будет голосовать.

«Отвергающий» тип составляют те люди, у которых в предвыборный период, благодаря определенным мотивам, сформировалось негативное отношение к выборам и отсутствует потребность участвовать в них (но такую потребность можно сформировать в ходе предвыборной кампании).

И «устойчивый» электорат — тот, у которого в предвыборный период сформировалась устойчивая потребность участвовать в выборах, а возможно, и голосовать за конкретного кандидата.

На наш взгляд, все три типа электората имеют подвижную составляющую. То есть группу людей, которых можно привлечь на сторону того или иного кандидата, используя ряд маркетинговых ходов, эмоциональные и рациональные аргументы. «К объективным факторам, определяющим электоральное поведение, специалисты относят условия и характер трудовой деятельности, материальный и культурный уровень жизни избирателей»⁵.

Опыт избирательных кампаний в России показывает, что отечественный электорат достаточно эмоционален. И в этом есть положительный момент. Командам кандидатов легко наблюдать за реакцией избирателей и вносить коррективы в ход своей работы там, где это необходимо.

Хорошие результаты дает использование феномена, открытого М. Лернером, — веры в «справедливый мир»⁶. Почти каждый житель нашей страны в душе утопист: ему хочется, чтобы добро победило зло, чтобы бюрократов сменили честные чиновники, чтобы в обществе существовала определенная социальная справедливость и т. д. Поэтому печатные, аудио- и видеоматериалы, дающие надежду на восстановление справедливости, приносят больше пользы образу кандидата, чем материалы, просто констатирующие неприятные факты объективной реальности.

Теория «социальной стратификации» разделяет электорат, исходя из размера доходов, объема власти, уровня эмоциональности, характера собственности и преобладающих социально-психологических

стереотипов. На стереотипах мы остановимся чуть подробнее.

Словарь «Психология» под редакцией А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского толкует понятие стереотипа следующим образом: «(от греч. Stereos — твердый и typos — отпечаток) — относительно устойчивый и упрощенный образ социального объекта (группы, человека, события, явления и т. п.), складывающийся в условиях дефицита информации как результат обобщенного личного опыта индивида и нередко предвзятых представлений, принятых в обществе»⁷.

Зная это, рассмотрим психологические модели создания эффективных политических имиджей, предложенные Е. Н. Богдановым и В. Г. Зазыкиным:

I. Простая трехлучевая модель (все характеристики личности политика группируются по трем лучам: нравственные качества, интеллектуальность, потенциал личности);

II. Четырехлучевая модель (все качества, что в прежней модели плюс группа лидерских качеств);

III. Трехлучевая модель личности типа «личность — деятельность — отношения»;

IV. Многофакторная (шестнадцатифакторная) модель. Факторы: 1) харизма личности политика; 2) отношения к стране, народу; 3) вид и выраженность лидерских качеств; 4) сильная воля; 5) умение эффективно действовать в экстремальной ситуации; 6) личное обаяние; 7) высокий интеллект; 8) развитые коммуникативные умения; 9) высокие нравственные качества; 10) успешность предшествующей деятельности; 11) потенциал для дальнейшего профессионального роста; 12) эффективная деятельность; 13) внешние данные; 14) отношения к соратникам; 15) отношение к себе; 16) отношение к близким»⁸.

Очевидно, что все они построены на стереотипах восприятия личности. Впрочем, сам имидж кандидата есть ни что иное, как собрание определенных стереотипов. Схематичный образ легче представлять и легче воспринимать. То есть имидж как форма выгоден и политическим лидерам, и электорату.

Вопрос социальной перцепции, т. е. восприятия, понимания и оценки людьми социальных объектов (других людей, самих себя, групп, социальных общностей и т. п.) весьма интересен. Еще в 1947 году американский психолог Дж. Брунер понял, что существует социальная обусловленность восприятия, его зависимость не только от характеристик стимула-объекта, но и прошлого опыта субъекта, его целей, намерений, значимости ситуации⁹. Один и тот же факт, например, нецензурная брань, вызывает у одних людей негодование, у других — нейтральное отношение, у третьих — веселье и т. п. Стереотипы восприятия в данном случае связаны не только с темпераментом, характером и персональными особенностями психики, но и с воспитанием, образованием и принятыми нормами поведения конкретной социальной группы, к которой принадлежит человек.

То же можно сказать и в отношении избирательных кампаний. Каждый кандидат должен ясно себе представлять, на кого рассчитано каждое отдельное

Потенциал партий в целом по стране (октябрь 2003 г.)

Места	Названия партий	Ср. балл
1	Единая Россия	7.23
2	Коммунистическая партия РФ	7.18
3	ЛДПР	4.98
4	Яблоко	3.50
5	Народная партия России	3.48
6	СПС	3.47
7	Аграрная партия России	2.32
8	Блок «Партия возрождения России и Партия жизни»	2.30
9	Народно-патриотический блок «Родина»	1.86
10	Экологическая партия «Зеленые»	1.64

выступление, каждая листовка, каждый видео- или аудиоролик. В противном случае политик рискует столкнуться с непониманием или отрицательным отношением к сказанному (написанному).

Например, когда Герой России, генерал-полковник Геннадий Трошев (ныне советник президента РФ по казачеству) заявил, что таких, как Басаев и Хаттаб, надо прилюдно вешать, чтобы жены и матери русских ребят, погибших в Чечне, видели, что возмездие неизбежно и террористы будут наказаны, то часть СМИ и представителей общественности обвинили генерала в кровожадности и осудили. В то же время на встрече с политическим и журналистским активом в Воронеже 15 октября 2003 г. те же слова Геннадия Трошева вызвали бурные аплодисменты и активную поддержку аудитории. Как видим, одни и

те же фразы в одном случае вызвали диссонанс, а в другом — аттракцию.

Давно замечено, что разные регионы страны имеют различные политические пристрастия. Это, прежде всего, связано с составом населения, сферой его профессиональной занятости и уровнем доходов. В связи с этим интересны результаты опроса, проведенного Центром стратегического анализа и прогноза (руководитель — профессор Д. В. Ольшанский) в ряде регионов Центрального федерального округа. Они позволяют оценить потенциал региональных и окружных отделений основных общероссийских политических партий по 10 параметрам: 1) оргструктуры поддержки; 2) творческий потенциал «штабов»; 3) «административный ресурс»; 4) известность и популярность программ; 5) финансовые ресурсы; 6) яр-

Потенциал партий в Воронежской области (октябрь 2003 г.)

Места	Названия партий	Ср. балл
1	Коммунистическая партия РФ	6.61
2	Единая Россия	6.37
3	ЛДПР	3.28
4	СПС	2.99
5	Народная партия России	2.87
6	Аграрная партия России	2.44
7	Яблоко	2.42
8	Народно-патриотический блок «Родина»	1.12
9	Блок «Партия возрождения России и Партия жизни»	1.1010
10	Блок «Партия пенсионеров и Партия социальной справедливости»	1.08

кость «харизмы» местных лидеров; 7) яркость региональных PR-акций; 8) известность в регионе; 9) информационная поддержка СМИ; 10) электоральная поддержка — готовность избирателей голосовать «за».

Как видно из таблиц, в Воронежской области Коммунистическая партия РФ превосходит по популярности «Единую Россию». На наш взгляд, это происходит потому, что последняя стереотипически воспринимается как партия власти. А существующая власть в данное время не устраивает многих бюджетных работников и пенсионеров, которые составляют костяк населения Воронежской области.

Восемь других партий десятки идут с большим отрывом в баллах. Вероятно, это связано с тем, что они воспринимаются, как «вариации на тему» одной партии — «Единой России». Коммунистическая же партия воспринимается как антагонист. Ее образ четко структурно очерчен, поэтому населению легко его воспринять. Да, партии ЛДПР, Яблоко и СПС имеют яркие особенности и запоминающихся лидеров, чьи политические имиджи вполне понятны. Но они не соответствуют ожиданиям воронежцев... Хотя, безусловно, дорогие и грамотные избирательные кампании еще могут изменить политические предпочтения жителей Воронежской области и исход выборов в Государственную Думу 2003 г.

Примечания

1. Марков С. PR в России больше чем PR. Технологии и версии. — М.: АСТ, Астрель, 2001. С. 23.
2. Богданов Е., Зазыкин В. Психологические основы «Паблик рилейшнз». — СПб.: Питер, 2003. С. 12.
3. Психоанализ/ Сост. И общая редакция В. М. Лейбина. — СПб.: Питер, 2001. С. 351.
4. Лисовский С. Ф. Политическая реклама. М.: «Маркетинг», 2000. С. 35.
5. Там же, С. 41.
6. Андреева Г. М. Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. — М.: Аспект Пресс, 2002. С. 301.
7. Психология. Словарь./ Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Изд. 2-е. — М.: Политиздат, 1990. С. 384.
8. Психологические основы «Паблик Рилейшнз». 2-е изд./ Е. Н. Богданов, В. Г. Зазыкин. — СПб.: Питер, 2003. С. 84–97.
9. Психология. Словарь./Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Изд. 2-е. — М.: Политиздат, 1990. С. 273.

г. Воронеж.

Г. А. Шпилева

Эволюция конфликта мечты и действительности в творчестве Н.А. Некрасова

Общеизвестно, что антитеза «мечта — действительность» была одной из фундаментальных в мировоззрении романтиков. Указанная «идея времени» (Белинский) не минула и поэтическую систему молодого Н. А. Некрасова, издавшего в 1840-м году свой первый поэтический сборник «Мечты и звуки».

Правомерным остается мнение о том, что Некрасов входил «в литературу налегке, без груза истории, без воспоминаний о канонах классических школ и авторитетов»¹. Справедливо и суждение о том, что восемнадцатилетний поэт стихийно смешал образы своих поэтических ориентиров (А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, В. Г. Бенедиктова, А. И. Подолинского), «ученически примеривая их на себя»². Но итоги исследований последних лет показывают, что «разработанные романтиками и освоенные Некрасовым еще в «Мечтах и звуках»³ образы помогли сформироваться собственно некрасовскому голосу.

В 1839 году молодой поэт создает стихотворение «Изгнанник», вошедшее в сборник «Мечты и звуки». Стихотворение не отличается большой оригинальностью (оно является вторичным и по отношению к «Привидению» (1837 г.) А. Тимофеева, и к «Посланию другу» (1836 г.) П. Ершова), но в развитии многократно использованных ранее образов все же просматривается некрасовская модель мировидения, которая затем заявит о себе в ранних прозаических и зрелых поэтических произведениях писателя.

В первой части стихотворения (она графически отделена от последующей) «мечта», «радужный эфир», «страна лазурная», «полуземное бытие», противопоставлены «дольному», «подлунному» миру. Человек раннего некрасовского произведения, «сын праха», полюбил небесное и предпочел его земному, и лирический сюжет в своем развитии приходит к этапу, демонстрирующему невозможность вечного пребывания в «сладких сновидениях»:

*Тогда рука судьбы жестоко
Меня к земному пригнала,
Оковы врезались глубоко,
А жизнь за муками пришла.^{4*} [т. 1; с. 197]*

Конфликт сладких грез и оков жизни разрешается в русле христианской мифологии: попасть в желанный мир можно, но это дается прошедшему через муки человеку, а не внебытийному духу.

Сложившаяся коллизия приходит (несмотря на запутанность и нагроможденность образов) к пре-

одолению расколотости бытия «изгнанника». Жизнь остается пространством посправа всех светлых мечтаний, мучительной борьбы с собственными страстями, могилой, где человек похоронен заживо. Но «незримый голос» обещает другую судьбу: «с надеждой, верой и молитвой» смертный обретет когда-нибудь «небесную родину».

«Взаимодействие и борьба поэтических оппозиций» (Ю. В. Манн) романтизма стали объектом изображения и в стихотворении «Моя судьба» (1839 г.). Если в «Изгнаннике» лирический сюжет движется из мира мечты в реальный мир, а затем, через муки, — снова к спасительным небесам, то в «Моей судьбе» два варианта мироотношения (радостное и горестное) рассматриваются относительно жизни земной, на небесах происходит лишь подтверждение и оценка выбора судьбы — «чаши»⁵.

Первая чаша-судьба связана со светлыми мечтами, но она в итоге оказывается увита венком «суетных надежд», «другая» чаша — это жизненный путь, который отмечен печалью, тяготами, но он наиболее адекватен реальности. Над первой чашей «плакать <...> стыдно», так как она есть средоточие заблуждений, над второй — достойно, потому что каждая пролитая слеза в этом случае является следствием настоящих страданий, за которые «царь Судеб» дает прощение и искупление».

Размышления о соотношении идеального и реального, небесного и земного, мечтаемого и действительного, присутствующие в стихотворениях молодого Некрасова, будут во многом определять и раннюю прозу писателя.

В датируемой 1842–1843 г.г. «Повести о бедном Климе» показана трагедия личности, которая осознает, что существование «идеальными интересами несет голодную смерть, отречение от идеалов, посправание их может дать хлеб и крышу над головой. Но в чем смысл и цель такого существования?»⁶

Снова Некрасов рассматривает два варианта жизненного пути, они оба земные, но «царя судеб», «незримый голос», которые ранее руководили выбором, сменяет совесть человека, его нравственные принципы, что на сюжетном уровне реализуется благодаря жанровым законам повести.

Герой назван бедным Климом, и он должен оставаться таковым на протяжении всего сюжетного развития. Клим неоднократно имел возможность изменить свою судьбу: выгодно жениться, сделать карьеру, разбогатеть, но тогда это было бы повество-

вание не о бедном Климе, а история метаморфозы, произошедшей с человеком под давлением жизненных обстоятельств.

Первый поступок, который привел бы Клима к благополучию и разрушил заодно хрупкую структуру повести, сводился к тому, что Климу нужно было присвоить 60 тысяч рублей — их не успел завещать ему внезапно умерший благодетель. И хотя камердинер, которого покойный любил как друга, просит героя взять эти деньги, тот наотрез отказывается: «Клим назвал камердинера бездельником, с гневом оттолкнул его от себя и, рыдая, упал на грудь покойного благодетеля» [т.8; с.7]. Повесть имеет возможность продолжиться, а идеалист Клим не теряет надежды жить и делать свою карьеру честно.

Вскоре счастье, казалось бы, улыбается ему: очень важный человек принимает героя благосклонно. На этом сюжетном этапе жанру повести снова угрожает опасность: Климу нужно сделать шаг, который устроит его будущее, но разрушит идеалы, и в очередной раз поступком героя будет несовершенство ожидаемого от него действия. Как видно, вся внутренняя, духовная и внешняя активность Клима направлена на бездействие, такова форма борьбы за свои нравственные принципы.

Между описаниями разного рода искушений, которые подстерегают героя, помещена информация о бедности Клима, ветхости его платья, о матери, у которой приходится просить денег. Очевидно, что действительность мощно и неумолимо противостоит мечте, и в отличие от ранней романтической некрасовской лирики романтическая проза (по крайней мере анализируемая повесть) показывает битву героя за свои идеалы как абсолютно бесперспективную.

Следующим искушением для молодого человека будет предложение дородной сорокалетней квартирной хозяйки стать ее любовником, это и будет платой за стол, чай и жилье. Клим снова гневно отказывается, но ситуация складывается так, что становится ясным: «обстоятельства сильнее всякой решимости» [т.8; с.11]. Общество ждет бедного молодого человека, чтобы с его помощью решить свои проблемы, и вторая глава начинается с описания очередного испытания, которое будет более сложным, чем предыдущие: Клима решили женить на побочной дочери влиятельного человека (девушка компрометирует семью, решившую от неё избавиться). С одной стороны, Клим остается верным себе и отказывается: «Я хочу служить царю и моему отечеству, сколько силы и способности позволяют мне. Хочу служить честно, совестливо, усердно; хочу идти путем прямым. И хочу за это быть обязанным только себе» [т.8; с.13].

С другой стороны, герой действительно полюбил воспитанницу, у Клима появилась возможность жениться по любви на красивой и доброй девушке, да еще и получить приданное в 10 тысяч рублей. Но этот сюжетный шаг всего лишь задержка на пути движения героя к печальному финалу. Дело даже не в том, что Клима скорее всего обманывают⁷, а в том,

что счастливый брак, благополучие несовместимы с его мировоззрением идеалиста, поэтому на данном этапе все заканчивается дуэлью, ранением, изгнанием из наемной квартиры и ночлежкой для нищих.

С этого момента повествование будет вращаться по кругу несовершившихся действий: Клим ходит мимо тех мест, где ему делали различные заманчивые предложения, и некий тайный голос уговаривает его зайти в эти дома и принять унижительные, но спасительные условия. Трижды повесть будет оживляться упоминаниями об отказе героя, но в конце концов после встречи с нищей матерью он прибежит в один из этих домов и согласится жениться на Марии, но, увы, уже поздно, она замужем.

Итак, Клим, будучи героем романтическим, вступил в борьбу с препятствиями неодолимыми, а после безуспешного противостояния им готов идти на компромисс. Но только теперь уже эти обстоятельства выполняют иную функцию: они не заставляют героя предать свои идеалы и мечты (поскольку формально они уже преданы), а торжествуют свою победу над отчаявшимся человеком. Напряжение разрешается в романтическом ключе — безумием Клима, в чьем больном сознании застыли вопросы: «Зачем я не украл шестидесяти тысяч у моего благодетеля, зачем не женился на побочной дочери другого, зачем, зачем?» [т.8;59].

Н. А. Некрасов прошел «ускоренный курс» романтической школы (чтобы потом никогда этого не забыть), и ему предстояло вскоре сыграть значительную роль в развитии русской реалистической лирики. Тема жестокой судьбы, недружелюбной действительности, склонности человека к спасительной мечтательности, поэтическая жалоба на несбыточность надежд присутствует и в зрелой лирике Некрасова, но взамен «метафизически обоснованных антитез структурным принципом реального характера становятся причинные связи, биологические и социальные»⁸.

Некрасовский человек по-прежнему часто рассматривается в двух проекциях, двух вариантах своей судьбы: идеальном — желательном, казалось бы, иногда даже вполне возможном, но несбывшемся, и реальном — недостаточном, но совершившемся. Теперь некрасовский герой (или лирический повествователь) должен не просто прожить свою жизнь (пусть самую горькую и нелепую), но и понять и объяснить ее законы и причины.

«Реалистически мыслящий человек, сосредоточенный на идее детерминированности, выступает в лирике и как субъект и как объект. Он изучает закономерности — и это закономерности его жизни, его судьбы», — писал Б. О. Корман⁹. Попытаемся рассмотреть, как в стихотворении «Тройка» (1846 г.) лирический повествователь размышляет о вариантах судьбы героини, «чернобровой дикарки» (в данном случае субъект и объект повествования не равны друг другу, но суть остается та же: выявление объективных причин определенного жизненного пути).

Подобно «царю Судеб», «голосу» из ранних некрасовских стихотворений, повествователь, угадывая

мечты женщины, глядящей вслед тройке и корнету, оглашает то, что будет на самом деле, что типично и чаще всего происходит, соответствует логике жестокой и уродливой жизни.

Стихотворение состоит из 2-х частей: первой, «счастливой», но несбыточной (первые 5,5 строф), и второй, «несчастливой», убогой, но, увы, реальной (следующие 6,5 строф), между двумя частями — безжалостное «не», перечеркивающее и молодость, и красоту, и надежды:

*Поживешь и поприднуешь вволю,
Будет жизнь и полна, и легка...
Да не** то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика [т. 1; с. 43].*

Строфы 2-ой части стихотворения «нанизывают» признаки тяжкой доли, которая является вполне естественной и объяснимой реалиями жизни: «Будешь нянчить, работать и есть». Концовка стихотворения (предпоследняя и последняя строфы) открывается неумолимыми «не», которые отрицают бесполезные мечтания: «Не гляди же с тоской на дорогу...», «Не нагнать тебе бешеной тройки...». И первая, радостная, праздничная, волнующая перспектива, и второй безысходный намеченный путь существуют лишь в воображении повествователя как «возможный сюжет»¹⁰, в действительности ни одна из этих судеб еще не реализована, но тяжелая инерция жизни, воплощенная в типичных образах («Будет бить тебя муж привередник...», «Отцветешь, не успевши расцвести...», «И схоронят в сырую могилу...»), указывает на второй вариант, «другую чашу»; поэтому за тройкой, образом обманчивого ускользающего счастья (хотя, может быть, примитивно представляемого и понимаемого героиней), не нужно спешить.

Как видно, отрицание действия (как бесполезного и ведущего к разочарованию) остается одной из установок и зрелой некрасовской лирики. Многократное несовершенство действия становится принципом сюжетного развития и в стихотворении «Вино» (1848 г.), в котором вся жизнь человека представлена как серия отказов от желаемого шага. Ролевой персонаж гоним судьбой, и эти несчастья происходят по вине конкретных обидчиков: барин высек ни за что, староста отдал невесту «другому молодцу», купец обсчитал. Движимый мстостью, человек «наточил нож», затем взял «широкий топор», но действие ни разу не совершается. Герой этот факт оценивает положительно: слава богу, никого не убил. Более того, желание мстить рассматривается как дьявольское внушение: «Нашептал мне нечистый в ночи». Но что же трижды остановило убийство? Объяснение достаточно неожиданное и комическое: вино. Человек подавляет вполне справедливые чувства, подчиняясь законам реальности, при этом тривиальное объяснение несовершенства действия (напилился, не дождался обидчика — замерз, ушел в кабаке) соседствует с высокой трактовкой отмены кровавых развязок. Решившийся на месть, на кровь персонаж не смог поговорить с родными, взглянуть на икону:

*Помолиться хотел, да не мог,
Ни словечка ни с кем не сказал
И пошел, не крестясь, за порог [т. 1; с. 66].*

Лирический вариант «хронотопа порога» (М. М. Бахтин), «переступания», путь к крови и шаг назад («... от души невзначай отлегло...») предстает как «времяпространство», ограниченное движением действия от «плюса» к своему «минусу».

Соотношение мечтаемого и совершенного в зрелой лирике Н. А. Некрасова имеет самые разные варианты, абстрактные и конкретные, рельефно выраженные и стертые. Стихотворение «Новый год» (1851 г.), например, построено как знакомая антитеза: образы «желаний и надежд», «какой-нибудь мечты», «мечтаний молодых» теснят метафоры *день — убийца, коса времени*. Полярные величины отрицают друг друга, каждая из семи строф стихотворения показывает несбывшиеся человеческие надежды, но оказывается, что это и есть жизнь в ее непрерывном движении.

Мечты в лирике Н. А. Некрасова бывают не только светлыми, В «Последних элегиях» (ч. 1, 1853 г.) они «унылы», это следствие ожидания героем приближающейся кончины (поэт в то время был тяжело болен): «А рано смерть идет, / И жизни жаль мучительно...». Мечтам, надеждам (субъективному переживанию) противостоит как будто бы укрощенная, но на самом деле непобедимая, равнодушная, отнявшая силы действительность. Активное действие вновь расценивается как бесполезное и безрассудное, ибо чаша-судьба для каждого человека, видимо, уготована изначально, и мимо ее, как известно, не пронести.

Как видим, организующая многие юношеские стихотворения антитеза «мечта — действительность», пройдя через раннюю прозу, сыграла заметную роль и в реалистической лирике поэта. Судьба некрасовских героев складывается в результате взаимодействия самых разнообразных, чаще всего тяжелых жизненных обстоятельств. Человек при самом активном и даже успешном противостоянии реальности не может в конце концов не осознавать недостаточность и странность любого варианта своей судьбы, но ему остается лишь размышлять над итогами своей жизни, как правило, печальными.

Примечания

1. Гуковский Г. Неизданные повести Некрасова в истории русской прозы сороковых годов. // Жизнь и похождения Тихона Тростникова. Новонайденная рукопись Некрасова. М.; Л., 1931. С. 348.

2. Пайков Н.Н. О поэтической эволюции раннего Некрасова (1830 — 1840 г.г.). // Н.А. Некрасов и русская литература второй половины XIX — начала XX веков. Ярославль, 1982. С.15.

3. Пайков Н.Н. Феномен Некрасова. Ярославль, 2002. С.39.

4. Некрасов Н.Н. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981—2001.

5. Метафоры «чаша-жизнь», «чаша-судьба» были весьма распространены в литературе 1820 – 1830-х гг. XIX века. Н.А. Некрасов мог знать произведение С.П. Шевырева «Две чаши» (1826 г.), «Чаша жизни» М.Ю. Лермонтова и многие др.

6. Пайков Н.Н. О поэтической эволюции раннего Некрасова (1830 – 1840 г.г.). // Н.А. Некрасов и русская литература второй половины XIX – начала XX веков. Ярославль, 1982. С. 19.

7. А.Ф. Крошкин отмечает, что в нескольких первых изданиях опечатка в отчестве девушке отчасти исказила смысл повести. На самом деле Клим, идя на поводу у интриганов, перепутал незаконнорожденную уродливую дочь высокопоставленного лица с красивой законнорожденной. См. об этом: Крошкин А.Ф. Роман Н.А. Некрасова «Жизнь

и похождения Тихона Тростникова» // Некрасовский сборник. Вып. III. М.; Л., 1960. С. 39.

8. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Изд. 2-е. Л., 1976. С. 107.

9. Корман Б.О. Лирика и реализм. Иркутск. 1986. С. 20.

10. См. об этом: Вершинина Н.Л. «Возможный сюжет» в лирике Н.А. Некрасова как проблема онтологической поэтики. // Н.А. Некрасов в контексте русской культуры. Тезисы докладов. Ярославль. 1999. С. 52-53.

* Здесь и далее сноски даются на полное пятнадцатитомное собрание сочинений и писем Н.А. Некрасова (первая цифра означает номер тома, вторая – номер страницы).

** Выделено нами – Г. Ш.

г. Воронеж.

А. А. Иванисов, А. Ю. Трунов

Информационные шумы как сдвиги и колебания в семантическом поле

Категория массовой коммуникации относится к междисциплинарным категориям, поэтому для всестороннего анализа процессов, к ней относящихся, важно привлечение знаний из различных областей научной деятельности, таких как журналистика, социология, философия, психология, семиотика и др. В предложенной работе используются концепции и подходы различных исследователей как в области изучения коммуникации, так и смежных областей. В данной статье преследуется ряд целей:

– **методологическая:** ввести систему категорий, позволяющих полнее исследовать процессы массовых коммуникаций и формулировать основные положения исследования в области коммуникативистики;

– **общетеоретическая:** интегрировать данные различных подходов и теоретических концепций, касающиеся понимания проблем в массовой коммуникации и вопроса воздействия текста на читателя;

– **частно-теоретическая:** осветить теоретические положения, касающиеся вопроса о природе, воздействии и факторах возникновения информационных шумов в сообщениях СМИ.

Задача направленного воздействия на аудиторию оставалась актуальной еще со времен появления журналистики. В наше время ее актуальность только возрастает, поскольку в разноголосице современных СМИ конкретный журналист стремится не только изложить свое видение ситуации, но и привлечь внимание читателя к своему сообщению, вызвать у него нужный эмоциональный отклик. Менее очевидной, но не менее важной ситуацией является тот случай, когда в таком отклике заинтересован не сам журналист, а заказчик его сообщения: какой отклик будет получен в этом случае, зависит от большего числа факторов. Цель такого воздействия далеко не всегда сознается субъектом коммуникативной деятельности, тем более оказываются скрытыми его механизмы. Тем не менее, журналист объективно включен в определенные социальные общности, обладает своей системой ценностей и мировоззренческих установок, своим специфическим языком, поэтому вольно или невольно передает читателю информацию о своей жизненной реальности, в некоторой степени даже навязывая ее. В том случае, когда эта реальность противоречива, проблемна, такое противоречие транслируется на аудиторию. Кроме того, противоречие может возникнуть между смысловыми категориями языка журналиста и читателя и может быть связано с

психологическим или социальным разрывом между ними. Предполагается, что часть подобных противоречий имеет особую природу, которая связана с природой самосознания человека как субъекта деятельности. Такие противоречия предложено назвать информационными шумами.

Категория информации является одной из центральных категорий для журналистики в целом и теории массовой коммуникации в частности. Значимость этого понятия в других дисциплинах также возрастает. Это происходит в связи с современными темпами информатизации общества и, как следствие, необходимостью выхода за привычные рамки узкоспециальных областей человеческой деятельности. Последнее может рассматриваться как один из факторов возникновения конвергенции различных научных областей, появления междисциплинарных категорий и направлений исследований. Поэтому возможны неоднозначные понимания термина «информация», связанные с его использованием в рамках разных дисциплин и подходов.

Понятие информации может употребляться в узком и широком значении. В узком смысле под информацией понимается «сообщение, зафиксированное искусственно созданными знаками (или знаковыми системами), доступное восприятию и пониманию аудиторией, на которую оно рассчитано»¹. В журналистской профессиональной среде обычно принято именно такое понимание информации. Попытка распространить такое определение на другие (особенно естественные) дисциплины вызвала бы противоречия в области его применения. Тем не менее, ряд свойств информации (сущностные ее свойства, или атрибуты) являются универсальными и не зависят от сферы использования термина, поэтому можно дать определение понятию «информация» в его широком значении. Такое определение позволяет соотнести различные взгляды на природу информации в различных теоретических концепциях.

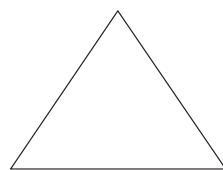
Под информацией мы будем понимать не форму, а основание бытия², являющееся причиной его качественного разнообразия и составляющее содержание любого материального отражения. Информация не ограничивается лишь коммуникативным взаимодействием, а наполняет любое взаимодействие как физической, так и социальной природы. С точки зрения энергоинформационного дуализма³ всякое материальное взаимодействие имеет в своем основании две составляющих: энергию и информацию. Рассмотр-

рим это утверждение на примере некоммуникативного взаимодействия: камень падает с высоты на землю, на которой после этого остается четкий отпечаток, по которому можно судить о форме камня. Диалектический материализм рассматривает такое взаимодействие как материальное отражение. Содержанием данного отражения является информация об особенностях этого камня, т. е. в этом случае произошла ее передача. Информация представляет собой форму, или качество движения. Сущность этого движения представляет собой энергия — в нашем примере движение камня было преобразовано в движение частиц почвы. Данное определение необходимо для понимания сущности процесса коммуникации, поскольку информация в ней является не средством, орудием или какой-либо другой *вещью*, а выступает как единство формы и содержания всего коммуникативного процесса. И сообщения, и метасообщения в коммуникации, и сами коммуниканты, их цели, потребности и мысли, — все это является информацией, часть которой закодирована в той или иной системе знаков, а часть входит в процесс отражения непосредственно. *Коммуникация также представляет собой энергоинформационный процесс.*

Это дает нам возможность соотнесения сообщений, как информационных систем в узком понимании, и человеческого сознания, поскольку при таком понимании информации его также можно представить как информационную систему.

Любое сообщение представляет собой семиотическую, или знаковую систему. Знаковые системы являются теми материальными системами, которые объективно отображают смысловое содержание общественной деятельности. Отношения между знаком, предметом, который он обозначает, и его смыслом для субъекта отражены в треугольнике Пирса:

Интерпретант (смысловая составляющая)

Объект

Знаковая форма

В деятельности людей объект и знаковая форма находятся в определенных отношениях, субъективное отражение этих отношений представляет собой интерпретант этой знаковой формы. Интерпретант складывается из двух компонентов: значения знака и его смысла. Значение представляет собой полностью субъективный компонент отражения знака, то есть представляет собой «значение-для-меня». Смысл, в отличие от значения, не является полностью субъективной категорией.

С точки зрения системного подхода под смыслом того или иного компонента системы можно по-

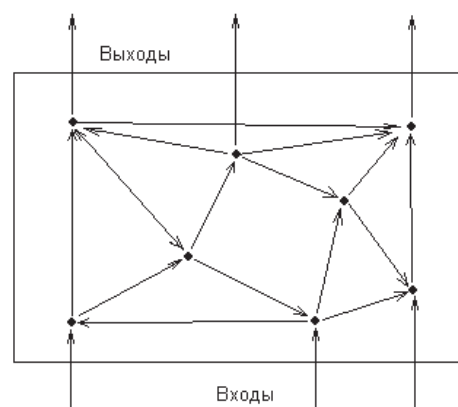

рис. 1

нимать место данного компонента в целостной структуре системы. В том случае, когда речь идет о самосознании, самоотражении человека, на месте объекта в треугольнике Пирса находится он сам. В этом случае его поведение зависит от того, как он себя отражает, и граница между объективными и субъективными характеристиками его активности размывается. Смысл того или иного знака в системе человеческих коммуникаций определяется его отношением:

- 1) к контексту, в котором знак присутствует;
- 2) к его субъективному значению для автора и читателя этого текста;
- 3) к объективным проявлениям самосознания автора и читателя этого текста;
- 4) к общественной деятельности, в которой закреплён обобщенный интерпретант данного знака.

Таким образом, смысл как феномен включает в себя объективную и субъективную информацию и лежит на грани субъективной и объективной действительности⁴.

В семиотическую систему входят знаки, состоящие из знаковых форм и интерпретантов, и связи между ними. Знаковые формы являются входами и выходами для семиотической системы. Вся совокупность связей в такой системе также представляет собой систему, которая, тем не менее, лишена специальных знаковых форм. И в первом, и во втором случае мы имеем дело с организованной информацией, поэтому обе эти системы суть информационные системы. *Семиотическая система является частным случаем информационной системы*, поскольку информация⁵ может существовать как в системе специально созданных носителей (знаков), так и без нее.

Сознание человека в единстве с его деятельностью представляет собой семиотическую систему, которую можно разделить на систему знаковых форм и внешних актов деятельности (объективная составляющая), а также систему интерпретантов (субъективная составляющая). Система интерпретантов складывается из индивидуальных значений, определяемых субъективными реакциями человека, и смыслов — мест для этих значений в индивидуальной и общественной деятельности, которые определяют-

ся трансъективным образом. Если на рисунке обозначить индивидуальные значения точками, а смыслы — совокупностью стрелок, связывающих их друг с другом, то за вычетом точек мы получим некоторое поле. Такое поле представляет собой смысловое, или семантическое поле. Поле индивидуальных значений является частно-субъективным вариантом поля семантического (рис. 1).

Семантическое поле характеризуется рядом свойств:

1. *Трансуровневая организация.* Семантическое поле представляет собой многоуровневую иерархическую систему, в которой противоречия низших уровней разрешаются на более высоких. Смыслы организуются из связей различных уровней системности. Таким образом, это поле многомерно.

2. *Единство для личности и среды* (трансъективность). Семантическое поле в равной степени принадлежит отдельной личности и ее социально-экологической среде, поскольку формируется в процессе их взаимодействия.

3. *Актуальность.* Семантическое поле представлено непосредственно здесь и сейчас. Значение актуальности тем больше для определенной точки (любой интерпретант), чем большее количество связей она имеет. Как частный случай, актуальность журналистского текста зависит от того, насколько тесно он контактирует с семантической системой читателя.

4. *Динамичность.* Семантическое поле как информационная система представляет собой сложную форму, или качество движения. Любой интерпретант в этом поле есть описание сложной системы движения. Потенциалом этого движения является энергия семантического поля⁶, которая генерируется в общественной деятельности.

5. *Синхрония.* Если некоторые части системы связаны через семантическое поле, то в них независимо друг от друга могут возникать одинаковые характеристики движения, причем это происходит в один и тот же момент времени⁷. Так, в различных частях общества спонтанно могут появляться сообщения с некой общностью смысла.

6. *Самость.* Семантическое поле содержит описание самого себя, поэтому способно к саморазвитию и самодетерминации. Субъект является интерпретантом самодетерминирующей точки и выступает одним из ориентиров, относительно которых организуются смыслы. Журналистское сообщение, помещенное в семантическое поле, начинает саморазвертываться.

Семантическое поле представлено на разных уровнях организации: видовом, индивидуальном, социальном и глобальном. Индивидуальное семантическое поле пересекается с общественным на низшем (видовом) и высшем (социальном и глобальном) уровнях. Индивидуальный и социальный уровень в свою очередь состоят из нескольких подуровней. На индивидуальном уровне можно выделить уровень эмоционального самоотражения, граничащий с видовым, или базовым, а также уровень рационально-

го самоотражения, граничащий с социальным. На социальном уровне это микросоциальный, макросоциальный и социально-экологический (граничащий с глобальным) подуровни.

Несмотря на то, что противоречия низших уровней в норме разрешаются на уровнях более высоких, такой процесс имеет место далеко не всегда, поскольку нуждается в должном уровне энергии. Информация как интенция системы, которую она описывает, оказывается в случае противоречия неопределенной или нестабильной. Понятно, что система всегда стремится к стабильности: материализация⁸ двух сторон противоречия направляет энергию системы на саморазрушение либо система подвергается трансформации. В случае достаточного количества свободной энергии такая трансформация может быть прогрессивной: альтернативы сохраняются и в системе появляются новые формы движения. Если же энергии недостаточно, уровень системы распадается. В этом случае, чтобы защитить себя от распада, система вынужденно снижает *актуальность* одной из сторон противоречия.

У общества (и любого субъекта) всегда есть две возможных стратегии для устранения этого противоречия: регрессивная и прогрессивная. В первом случае оно тормозит динамику одного из конфликтующих элементов, подавляет его деятельность, таким образом, противоречие дезактуализируется. Прогрессивная стратегия предполагает поиск системообразующего фактора в их деятельности и его материализацию в виде управляющего элемента общества. Энергетический компонент этих трансформаций обеспечивает динамика *производственной* части общества, их качественное содержание формирует, соответственно, *информационная* часть. Будучи вовлеченными в информационный обмен общества, СМИ оказывают влияние на реализацию той или иной стратегии. Коммуникатор обладает информацией о состоянии системы, но недостаточным количеством свободной энергии для ее изменения, а реципиент (все общество), при наличии свободной энергии, не может получать информацию непосредственно о себе самом без учета состояния своих элементов. СМИ — институт информирования общества, который преобразовывает и упорядочивает информацию обо всем обществе, отражает состояние всех его элементов, осуществляет объективацию точек семантического поля для всего общества. Канал СМИ является трансуровневым: объективация смыслов происходит на уровне межличностного общения, общения личности и группы, а также групп между собой. Таким образом, СМИ могут влиять на общество тремя путями: через индивида (каждый индивид привносит свою реакцию на СМИ в коллективные отношения), непосредственно на уровне институтов (формирует общественное отношение к деятельности и продукции организации) и на уровне общества (влияет на общественные интересы, нормы и ценности — культуру). Так, СМИ, в известной мере, способны определять характер и направление энергетических потоков в обществе.

Целью адекватной коммуникации является *системогенез*, то есть преодоление конкретных противоречий прогрессивным способом. Общезначимая непротиворечивая информация, обеспечивающая их снятие, определяется как *иерархический лидер*⁹ системы. Рассматриваются две ситуации. В первой – культура, передаваемая СМИ, непротиворечиво включается в систему созидательных сил общества и реализует свою системообразующую функцию. Другая ситуация имеет место, если на общем культурном базисе в обществе формируются два конфликтных иерархических лидера. Это создает в обществе два конкурирующих вектора развития, каждый из которых задействует энергию всей системы и затрачивает ее на дезактуализацию «противника». Семантическое поле в этом случае также содержит противоречия, представляющие собой **информационный шум**. Психика человека, его самосознание, с одной стороны, формируются в этом поле, и с другой стороны, являются его основными носителями. Как следствие этого шума у индивида может выстраиваться конфликтное представление о действительности.

Действие информационного шума во многом аналогично действию вируса, биологического или компьютерного. Объективный текст сообщения накладывается на систему интерпретантов читателя, в которой для каждого обозначенного предмета устанавливается его отношение:

- к субъекту того или иного уровня – как экзистенциальная ценность этого предмета;
- к контексту – как параметры этого предмета;
- к форме движения – как действие или функции предмета;
- к объекту деятельности – как значение предмета.

Текст представляет собой модель организации семантического поля читателя и включает в себя: предметную структуру, ритмическую структуру, структуру связей и структуру маркеров (три последние в совокупности соответствуют *модальности* текста). Его предназначение состоит в построении новой части системы индивидуальных значений у читателя. Способ передачи журналистом своей системы значений заключается в структурировании семантического поля аудитории с помощью приведенных текстовых структур. Каждый знак в отдельности ничего не сообщает читателю, единицей сообщения является *семиотический ключ*. Семиотический ключ представляет собой знак, находящийся в системе структур текста. Всякий элемент такого ключа, способный взаимодействовать со значимой точкой семантического поля читателя (эмпирически: повлиять на читателя, затронуть его психологически), будем называть *семантически активным элементом*. В поле индивидуальных значений читателя ключ формирует систему интерпретантов из набора уже имеющихся. В ряде случаев такая система конфликтует с присутствующими у него системами, порождая противоречия на различных уровнях семантического поля.

Рассмотрим, как влияют на формирование противоречий особенности семиотического ключа. Во-

первых, ключ может обладать недостаточным набором семантически активных элементов. В этом случае цель журналиста не будет достигнута, и несмотря на то, что читатель примет сообщение, он не прореагирует на него желаемым образом. Во-вторых, ключ может содержать противоречивый набор активных элементов. Тогда выстраиваемая система будет содержать противоречия, и в том случае, если читатель ее примет, они отразятся на его деятельности, самоотношении и т. д. Третья ситуация может возникнуть тогда, когда в тексте журналиста используются ключи, непригодные для восприятия аудиторией, что может быть связано с психологическими или социальными противоречиями, а также с использованием ключей, по своей природе конфликтующих с нормальной психологией человека, «неэкологических». В этом случае у читателя просто отсутствуют необходимые интерпретанты, а те из них, которые задействуются в переработке текста, формируют структуру с глубинным противоречием, вплоть до разрыва семантического поля, порождающего экзистенциальный страх. Интересно, что такие тексты обладают своеобразной привлекательностью, особенностью затягивать. Опасность информационного шума зависит от параметров семантического поля:

- степени актуальности шума;
- степени его проникновения на различные уровни;
- энергии, которую он использует;
- числа синхронно задействованных субъектов;
- близости к центрам самости семантического поля.

Информационный шум задействует энергию семантического поля, поэтому существует внутри той или иной деятельности с семиотическими системами, имея самое непосредственное отношение к процессу коммуникации. Знаковые системы представляют собой те материальные системы, которые объективно отображают смысловое содержание общественной деятельности, – они же являются основным орудием деятельности журналиста. В ней шум приобретает массовый характер и проявляется, во-первых, при создании текста и, во-вторых, при развертывании текста в семантическом поле читателя. Ключевую роль при этом приобретает обратная связь. В качестве начала *обратной связи* ДеФлюер¹⁰ рассматривал эффект сообщения, однако мы можем констатировать, что она не всегда представлена как деятельность со знаками. Даже в отсутствии знака обратное сообщение существует (иногда опережая прямое). Проблема разрешается с введением *канала общественного отражения*¹¹, имеющего трансактивную природу. Поскольку журналист включен в единое семантическое поле с читателем, он получает информацию от общественных групп двумя путями: «дефлюеровским» (устные и письменные сообщения) и путем отражения всей общественной ситуации с точки зрения своего места в ней. Под влиянием информационного шума такое отражение оказывается искаженным и либо содержит внутренние противоречия, либо противоречит объективной социаль-

ной действительности. К факторам, способствующим формированию зашумленных сообщений журналистом, могут относиться:

- 1) претензии на объективность мнения;
- 2) несознаваемый внутренний конфликт;
- 3) неприятие социальных ценностей;
- 4) нарушенная экология деятельности;
- 5) противоречивые взаимоотношения в коллективе.

Журналист в своей деятельности, в конечном итоге, стремится воздействовать на объективную реальность так, чтобы придать системе общественных отношений устойчивый и соответствующий определенным социальным убеждениям вид. Эмпирически это выражается в том, что он помещает в канал СМИ некоторый текст. Приемник сообщения отражает изменения в канале массовой коммуникации и в ответ предпринимает конкретные действия. Отражая содержимое канала, он осуществляет перцептивную деятельность — воздействует на самого себя, причем канал выступает как среда для этой перцептивной деятельности, определяющая ее характер. Так, любой человек, читая газету, вынужден перестраивать свое состояние, чтобы воспринимать текст, и эта деятельность не выходит за рамки тех условий, которые предоставляются спецификой газеты. Особенности отношений передатчика сообщения (журналиста) и его приемника (общества) связаны с тем, что передатчик является его частью. Общество, в свою очередь, также может рассматриваться как субъект, обладающий какой-либо формой самоотражения. В качестве семиотической системы, которая опосредует общественное самоотражение, выступает принятый в обществе язык.

Нас интересуют два уровня этого языка: условно один из них можно обозначить как цифровой, а второй — как аналоговый¹². Если первый из них используется для рационального отражения реальности (по принципу «такой предмет / не такой предмет»), то второй из них — для отражения эмоционального (по принципу «такой / другой»), — в аналоговом языке принципиально отсутствует отрицание, поэтому нет и противоречий. В массовой коммуникации именно аналоговый язык определяет форму, или модальность сообщения. Как на индивидуальном, так и на общественном уровне используются оба этих языка, однако лишь цифровой язык является специфическим продуктом конкретной исторической эпохи и не имеет биологических корней. В нем отсутствует непосредственная биологическая необходимость, поскольку в этом языке нет системы ценностей, и он нужен лишь для организации процессов познания. Хорошей или плохой будет такая организация, зависит от того, каким образом рациональный код сообщения накладывается на систему эмоциональных оценок аналогового языка, и возникают ли при этом противоречия. Так, например, текст может даваться в одной модальности, а его логическая часть указывает на другую модальность, то есть на ту сферу, которой не принадлежат чувства и переживания, проявленные в тексте. Информационный шум, осно-

ванный на этом противоречии, предложено назвать мономодальным. В тексте журналиста могут присутствовать два несовместимых аналоговых сообщения, однако логическая часть указывает на то, что оба они относятся к одному предмету. Такой шум предложено назвать бимодальным. Язык эмоций является базовым для человека, поскольку имеет биосоциальное происхождение. Эмоция может рассматриваться как простейший акт самоотражения человека в той или иной ситуации. Формы такого самоотражения, заложенные в базовом языке, понятны как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, хотя и не всегда осознаются человеком, иными словами, не всегда обозначены на цифровом, рациональном уровне.

Элементарным интерпретантом базового языка можно считать архетип, открытый швейцарским психологом К. Г. Юнгом¹³. Архетип охватывает всю ситуацию активности человека в целом и включает в себя одновременно субъект, объект и действие. Наиболее универсальной знаковой формой для архетипа выступает мифологический образ (Зевс, Гермес, Афродита и др.), за каждым из которых стоит отчетливо заметное определенное эмоциональное самоотношение. В качестве объекта в данном случае выступает сам субъект. Тем не менее, при возникновении какой-либо эмоции, человек безотчетно подражает некий объект, на который она направлена, и некое действие, которое он стремится с этим объектом совершить. Несоответствие между образом субъекта и его действиями или объектами в тексте сообщения СМИ является фактором шума в том случае, если оно не выводится на рациональный уровень, то есть явно не обозначено в тексте. Если рассматривать действие как основу для классификации базовых семантических категорий, то может быть выделено шесть основных функций, которые осуществляются субъектом в отношении себя самого и окружающего мира. Предложено рассматривать следующие функции: регулятивная, производственная, распределительная, интегративная, воспроизводственная и коммуникативная. На то, что эти функции могут рассматриваться как базовые, указывает ряд характеристик:

1. С каждой функцией может быть сопоставлен мифологический образ. Так, например, Зевс олицетворяет регулятивную функцию, Афродита — воспроизводственную и т. д.

2. Каждая функция значима на биологическом, психологическом и социальном уровне. Так, например, человек осуществляет распределительную функцию в отношении биологически необходимых ресурсов, он распределяет приоритеты в отношении тех или иных ценностей на психологическом уровне, он же занимается экономической деятельностью на социальном уровне.

3. Семантика действий в языке подводится под одну или более из шести указанных функций. Например, «освещать», «знать», «читать» — интегративная функция; «прикасаюсь», «являться», «радоваться» — коммуникативная функция; «нести», «рож-

дать», «восполнять», «желать» (в отличие от «хотеть») — воспроизводственная функция.

Таким образом, любой текст, каким бы коротким он ни был, формирует в семантическом поле читателя триаду «субъект — действие — объект». Объект и субъект также попадают в одну из этих шести семантических сфер. В тексте объект и субъект обычно представлены со своими параметрами (признаками), которые конкретизируют их семантику. Существительные, взятые вне контекста, как правило, дальше от базовой семантики по сравнению с глаголами. Об информационном шуме можно говорить в том случае, когда:

— элементы триады «субъект — действие — объект», извлекаемые из текста, в аналоговом коде не соответствуют друг другу (что вызывает эмоциональный дискомфорт);

— система оценок на рациональном уровне структурируется так, что некоторые функции становятся однозначно негативными — то есть отрицаются биологически важные сферы жизни;

— несовместимые эмоциональные переживания присваиваются одному образу;

— читателю (*субъекту* перцептивной деятельности) приписывается позиция *объекта* воздействия, что вызывает эмоциональный дискомфорт (в психологии — экзистенциальный страх) и, как следствие, негативную оценку субъекта этой функции.

Поскольку базовые семантические категории значимы на индивидуальном и социальном уровне, а средства массовой информации распространяют сообщения на широкую аудиторию, информационные шумы имеют тенденцию к самовоспроизведению. В связи с этим сдвиги и противоречия возникают в коллективном семантическом поле и проявляются на уровне общественной деятельности. Таким образом, информационный шум представляет собой самовоспроизводящийся феномен. Важность этого явления представляется вполне достаточной для дальнейшего его исследования. Можно предложить следующие значимые для этого исследования направления:

— разработка методов диагностики семиотических ключей в текстах СМИ;

— изучение и систематизация информационных шумов в отечественных СМИ;

— изучение культурной экологии текстов, транслируемых на уровне глобальной массовой коммуникации;

— изучение длительного воздействия информационных шумов на личность и ее социализацию;

— изучение способов выявления и устранения информационных шумов в текстах печатных СМИ, а также телевизионных и радиосообщениях;

— исследование возможных эффектов информационного шума в рекламе.

Возможны и другие направления исследований в рамках данного методологического подхода, как

относящиеся к концепции информационных шумов, так и не связанных с ней, в том числе и выходящие за пределы коммуникативистики.

Примечания

1. Антонов А. В. Информация: восприятие и понимание / А. В. Антонов. — Киев: Наукова думка, 1988. С. 11.

2. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. — М.: ИНФРА-М, 1999.

3. См., например: Дубров А. П. Взаимодействие живых систем со временем и пространством / А. П. Дубров / Сознание и физическая реальность. — 2003. Т. 8. — № 3. С. 51—60.

4. Категория «трансъективности» предложена мною (прим. А.Т.), см.: Иванисов А. А. Некоторые теоретические положения об информационных шумах в текстах массовых коммуникаций / А. А. Иванисов // Акценты. 2003. № 7—8. С. 92.

5. Здесь и далее термин будет использоваться в расширительном понимании. Для информации в узком смысле будет использоваться термин «текст».

6. Иванисов А. А. Природа информационных шумов в СМИ и их воздействие на массовую коммуникацию: Автореф. дипломной работы / Иванисов Александр Александрович. — Воронеж, 2003. С. 7—11.

7. Юнг К. Г. О синхронистичности / К. Г. Юнг // Избранное / Отв. ред. С. Л. Удовик. — М.: Попурри, 1998. С. 427—443.

8. Энергия вкладывается в существующую интенцию, превращая ее в экстенцию и осуществляя тем самым ее материализацию (интенция как информация + потенция как энергия = экстенция как материя).

9. Термин предложен мною (прим. А.И.), см.: Иванисов А. А. Некоторые теоретические положения об информационных шумах в текстах массовых коммуникаций / А. А. Иванисов // Акценты. 2003. № 7—8. С. 91.

10. Жукова Я., Ширков Ю. Модели массовой коммуникации: Научный отчет / Я. Жукова, Ю. Ширков. — М.: Гостелерадио СССР, 1989. (<http://zhukova.newmail.ru/index.htm>).

11. Иванисов А. А. Некоторые теоретические положения об информационных шумах в текстах массовых коммуникаций / А. А. Иванисов // Акценты. 2003. № 7—8. С. 92.

12. Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. / П. Вацлавик, Д. Бивин, Д. Джексон. — М.: Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 56—64.

13. Юнг К. Г. AION / К. Г. Юнг // Избранное / Отв. ред. С. Л. Удовик. — Мн.: Попурри, 1998. С. 159—246.

г. Воронеж.

Создание внутрикорпоративного издания

Слово «корпоративный», согласно словарю, означает — «узкогрупповой, замкнутый пределами корпорации»¹. Поэтому внутрикорпоративное издание, по определению, не только принадлежит корпорации, но и преследует ее интересы. Издание для персонала является элементом внутрифирменных коммуникаций. Так, например, Виктория Чупровская в алгоритм внутренней информационной деятельности компании, помимо внутреннего бюллетеня или корпоративной газеты, включает внедрение корпоративных правил компании (миссия, философия, корпоративная культура); проведение корпоративных тренингов; налаживание двусторонней связи между руководством и персоналом компании; поощрение участия работников в принятии решений; соблюдение корпоративных традиций (день компании, дни рождения сотрудников, номинация и награждение лучших по окончании отчетного периода) и др.²

Таким образом, не зная интересы корпорации, стратегию развития, миссию компании, без разработанного фирменного стиля создать эффективное внутрикорпоративное издание невозможно. Корпоративное издание для персонала — лишь этап в процессе формирования внутрифирменных коммуникаций, которые в свою очередь работают на корпоративную культуру организации.

По мнению Татьяны Мамышевой, собственное СМИ нужно организации для информирования персонала о состоянии дел в компании, для мотивации, предупреждения кризисных ситуаций, возможности общаться, проявления заботы о персонале, создания человеческой атмосферы³.

Предназначение любого внутрикорпоративного издания — выполнять интегративную роль и объединять людей вокруг идей, формировать общие взгляды и оценку событий. Другими словами — способствовать формированию корпоративной культуры организации, созданию в коллективе корпоративного духа.

В разработке внутрикорпоративного издания можно выделить 2 взаимодополняющих компонента: технологии связей с общественностью и журналистские технологии.

1. Технологии связей с общественностью работают на всех 4-х этапах системы маркетинга (product, price, place, promotion). PR ставят проблему необходимости создания внутрикорпоративного издания, определяют его задачи в соответствии с задачами организации, определяют форму, периодичность, структуру и информационную политику издания. Как считает Тит Коршиков, чтобы внутрифирменное издание было эффективным, необходимо, чтобы сама компания находилась на соответствующем уровне экономического развития, а структура издания максимально соответствовала задачам компании⁴. Так

для газеты Тамбовского государственного технического университета «Alma Mater», в соответствии с целями ТГТУ как образовательного учреждения, были разработаны следующие задачи издания:

1. Информационные:

- информирование аудитории о всех важных событиях вуза и образования в целом;
- способствовать возникновению у читателей чувства сопричастности к происходящему;
- предоставление информации о корпоративных традициях вуза;
- создание эффективной системы распространения газеты «Alma Mater»;
- предоставление информации развлекательного характера.

2. Мотивационные:

- стимулирование у студентов спроса на газету ТГТУ;
- пробуждение у студентов интереса к делам вуза;
- способствовать выработке норм и правил корпоративной культуры вуза;
- мотивация сотрудников на достижение успеха и карьерного роста;
- предоставление читателям возможности высказывать собственное мнение и быть услышанным;
- привлечение читателей к сотрудничеству с газетой;
- пропаганда здорового образа жизни;
- демонстрация желательного и запрещенного поведения в вузе.

На следующих этапах маркетинга специалисты PR обосновывают стоимость издания (платное или бесплатное); разрабатывают систему распространения, определяют тираж; проводят PR-кампанию по продвижению издания. Каждый шаг контролируется системой обратной связи, замеряется эффективность всех действий и изменений, на основе чего в работу издания вносятся коррективы.

Особенность PR-проекта для внутрикорпоративного издания в том, что оно само, по сути, является инструментом PR. Поэтому главная роль отводится средствам обратной связи, активно используются социологические исследования. На их основе разрабатываются задачи издания, информационная политика, система рубрик, дизайн издания, акции по формированию корпоративной культуры, конкурсы для поддержания обратной связи с читателями, оптимизируются каналы непосредственной обратной связи, создается система распространения издания и компания по его продвижению.

Специфика целевой аудитории внутрикорпоративного издания заключается в том, что читатели выступают в роли носителей корпоративной культуры. И задача внутреннего издания — перевести по-

тенциальных приверженцев этики корпоративного поведения в разряд реальных. И если другие СМИ идут по пути наименьшего сопротивления и работают на основе удовлетворения читательского интереса и потребностей, то внутренние СМИ должны сами их формировать. Но это не навязывание собственных идей, а сотворчество коллектива редакции и читателей, не воздействие на аудиторию, а взаимодействие с ней. Для этого необходимо, чтобы каждый сотрудник жил интересами организации, которые совпадали бы с его собственными. Поэтому очень важно определение реального состояния целевой аудитории: как сотрудники оценивают положение дел в организации, насколько они отождествляют себя с ней, как адаптируются новые сотрудники, есть ли в организации неформальные лидеры, каковы нормы поведения, ценности и интересы сотрудников и т. д. Анализ социально-психологических настроений сотрудников сможет дать основу для выработки советов по регулированию корпоративных отношений и формированию редакционной политики газеты. Чтобы объективно оценить положение на фирме, используются методы наблюдения, беседы с персоналом, статистика и социологические опросы. Благодаря полученной информации ценности организации не устанавливаются в приказном порядке, а связываются с основными человеческими потребностями и интересами.

Обычно между сегментами аудитории внутрикорпоративного издания существуют лишь небольшие различия, поэтому при работе с целевой аудиторией целесообразно фокусировать внимание на потребностях общих для всех сегментов, которые будут работать на сближение их интересов и сплочение.

Необходимо понять, что внутрикорпоративное издание — это не инструмент пропаганды и манипулирования сознанием персонала. Внутрикорпоративное издание будет восприниматься как инструмент манипуляции в том случае, если оно помимо информационной, мотивационной и развлекательной функций не сможет в полной мере реализовывать функцию критики и контроля по отношению не только к обычным сотрудникам организации, но и действиям администрации. Газета, которая видит все в розовом цвете, не завоеует доверие читателей. Здесь не идет речь о скандалах. Но объективная критика должна присутствовать на страницах внутрикорпоративных изданий, как и немедленные действия по исправлению ситуации со стороны администрации.

Важная роль отводится позиционированию имиджа издания. Он является продолжением имиджа самой организации, но при этом должен быть намного ближе сотрудникам, проще для понимания и восприятия. Ведь именно внутрикорпоративное издание готовит почву для принятия имиджа всей организации. И хоть в пределах фирмы у такого издания нет конкурентов, но читатели должны чувствовать гордость за родное издание и поэтому его имидж, дизайн, внутреннее содержание должна быть на уровне или даже выше, чем у других внешних изданий различных учредителей. Внутрикорпоративное изда-

ние должно конкурировать с газетами и журналами, только тогда оно будет восприниматься читателями как полноценное качественное СМИ. В ином случае, какой смысл от издания, которое стыдно показать кому-то за пределами организации? Сотрудники должны с нетерпением ждать его очередного выхода, рассказывать о нем вне корпорации. Забота о своих сотрудниках должна стать решающим мотивом для желающих работать в данной корпорации. Вот какую информацию поместили на сайте работники Альфа-Банка: «“Альфа-Навигатор”, — периодическое внутрикорпоративное издание Альфа-Банка. На сайте представлены последние новости деловой и общественной жизни банка, аналитические статьи и справочные материалы. Все сотрудники банка могут комментировать публикации и принимать участие в тематических конференциях. Чтобы получить возможность читать “Альфа-Навигатор”, необходимо устроиться на работу в “Альфа-Банк.”»⁵.

2. Журналистские технологии. Внутрикорпоративное издание — симбиоз ПР и журналистики. От журналистики оно позаимствовало: периодичность, тираж, формат, жанры, функцию информирования и культурно-просветительскую функцию. Привлекло оно и 3 вида журналистской деятельности: редакторскую, организаторскую и авторскую. Технологии же связей с общественностью непосредственно вмешались в организаторскую деятельность. Специфика заключается в том, что специалисты по связям с общественностью имеют непосредственный контакт с администрацией предприятия, журналисты — с персоналом.

Получается своеобразный симбиоз: журналистика информирует, находит проблемы, организует дискуссии (контактируя при этом с аудиторией), а специалисты по связям с общественностью проводят кампанию по исправлению ситуации (контактируя с администрацией). Вместе они налаживают систему обратной связи как с руководством, так и с обычными работниками.

Специалисты ПР разрабатывают канву издания, его форму, определяют правила, запреты, критерии эффективности, оценивают результаты. Журналисты наполняют форму содержанием и создают из инструмента ПР полноценное СМИ.

Ранее уже говорилось о том, что внутрикорпоративное издание должно конкурировать с внешними печатными СМИ, с которыми в повседневной жизни постоянно сталкиваются сотрудники предприятия. И первое, на что необходимо обратить внимание — это дизайн издания. Он должен служить каналом для трансляции символов корпоративной культуры: логотипа компании, слогана, фирменных цветов (в том случае, если издание цветное), фирменных шрифтов, элементов и т. д. Если дизайн издания будет отличаться от стиля корпорации, то оно будет восприниматься как нечто самостоятельное, существующее как бы само по себе отдельно от организации и ее окружения. Но цель внутрикорпоративного издания совсем другая, оно — сама компания, его корпоративный дух.

Дизайн издания необходимо использовать в соответствии с поставленными целями. С помощью дизайна можно показать отношение к определенным событиям, людям. Мишель Картер советует завоевывать доверие читателей посредством внимательного отношения к дизайну издания⁶. По мнению В. В. Тулупова, «...если же читатель знает, как обычно газета подает аналогичные материалы, то определит и значение события, отраженного в данной публикации — иными словами, облик издания может служить средством ориентации читателя в событиях современности»⁷.

В дизайне первой полосы газеты ТГТУ «Alma Mater» специально был использован прием персонализации. «Обложка» издания — большое цветное фото героя номера, здесь же печатается рубрика «Я учусь в ТГТУ» (рассказы студентов разных факультетов о себе и о своей жизни). Так демонстрируется значимость студента для издания и корпоративной культуры вуза.

Принцип персонализации должен учитываться не только при разработке дизайна, но и при выборе, раскрытии темы публикаций. Задача журналиста не просто найти героя и написать о нем, но и в отдельных случаях помочь ему самому стать автором своих рассказов. Чем больше в издании будет материалов за подписью самих работников корпорации (а не только работников издания), тем с большим интересом все будут ждать выхода очередного номера. А написание текстов для своей газеты может стать приятным и полезным хобби для многих сотрудников.

Проблема некоторых внутрикорпоративных газет заключается в том, что они распространяют информацию, которая никому не нужна, или газета просто не может заинтересовать в ней аудиторию, либо настойчиво пропагандируя ценности организации, редакция забывает о человеческом отношении к читателям. Можно посвятить целую полосу достижениям организации и забыть признать в этом заслуги рядовых работников. Можно говорить об изменениях на предприятии и не сказать ни слова о том, как это отразится на жизни сотрудников. Поэтому во внутрикорпоративном издании главное не деловое, а человеческое отношение к каждому сотруднику. Главная задача журналиста — пробудить у читателей живой интерес к новостям организации. И, с одной стороны, это легко — ведь эти события происходят не где-то далеко, а касаются непосредственно каждого работника. Но, с другой стороны, проблема заключается в доверии к автору публикации и к изданию в целом. Выход из положения — организация обратной связи с читателями, конкурсов для читателей. Если традиционные письма в редакцию сегодня не актуальны, то электронная почта (в корпорациях с соответствующим уровнем развития) вполне позволяет сформировать этот канал. Неформальные встречи читателей с работниками издания также повышают эффективность обратной связи (не говоря уже о телефоне и адресе редакции, которые печатаются не мелким шрифтом в «подвале» газеты, а выделяются графически и выносятся на первую полосу).

Качественное издание пробуждает интерес работников к делам организации и объединяет людей в единых действиях и желаниях. При этом коллектив организации превращается в сплоченную команду единомышленников, что является залогом успеха предприятия, который достигается в результате взаимодействия всех сотрудников.

Таким образом, эффективность внутрикорпоративного издания складывается из эффективности работы специалистов по связям с общественностью и эффективности деятельности журналистов.

Все критерии эффективности внутрикорпоративного издания должны рассматриваться в комплексе. Количество востребованных номеров газеты может означать востребованность издания, его популярность, но ничего не скажет о его эффективности как корпоративного издания, работающего на цели корпорации. Другой пример: цели и задачи определены, PR-кампания спланирована удачно, но газету не читают; или читают, но не доверяют и воспринимают как указания «сверху». Проблем может быть множество. Поэтому при разработке самого проекта создания внутрикорпоративного издания необходимо учитывать критерии эффективности, с помощью которых в будущем можно оценить издание и со стороны технологической связи с общественностью, и со стороны журналистики.

Главным критерием эффективности внутрикорпоративного издания является качество и объем обратной связи газеты с читателями. Эффективность издания зависит от уровня развития организации, ее корпоративной культуры, системы коммуникаций, соответствия поставленных перед изданием целей с реальными проблемами организации. К другим критериям можно отнести:

- степень достижения поставленных перед внутрикорпоративным изданием целей;
- уровень знаний об аудитории, ее проблем (объем знаний, частота обновления информации);
- наличие качественных изменений в аудитории, ее мнении, знаниях, поведении;
- профессиональность дизайнера, качество печати, формат издания;
- уровень публикаций в издании (профессиональный состав журналистов);
- систему распространения (доходит ли до адресата, как, когда, в каких условиях);
- участие издания в профессиональных, смежных конкурсах и др.

Главное условие работы внутрикорпоративного издания — постоянный контроль над эффективностью (насколько реализуются поставленные перед изданием задачи, насколько они соответствуют действительности), обратная связь с персоналом, замеры воздействия и корректировка работы в соответствии с полученными результатами. Это кропотливый труд — замечать малейшие изменения в поведении персонала и его отношении к внутрикорпоративному изданию и корпорации в целом. Смысл всей работы сводится к этим изменениям. Во-первых, изменения должны быть, а во-вторых, они должны быть поло-

жительными. Т.е. уровень информированности персонала о делах организации, ее целях, задачах должен расти, отношение к месту работы должно улучшаться, поведение изменяться соответствующим образом и т. д.

Примечания

1. Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. <http://mega.km.ru/>
2. Чупровская В. Принципы внутрифирменных коммуникаций. <http://www.prlink.ru/prinfo/articles/internal/1>.
3. Мамышева Т. We must be in fun! <http://www.e-executive.ru>.
4. Коршиков Т. Внутрифирменное издание как по-

казатель корпоративного IQ компании // PR Диалог. 2002. № 4. С. 52—53.

5. Сайт Альфа-Банка. <http://www.artlebedev.ru/portfolio/alfabank/alfa-navigator>.

6. Картер М. Современный дизайн газет. М., 1995.

7. Тулупов В.В. Газета: маркетинг, дизайн, реклама. Новые тенденции в издании газет. — Воронеж: «Квартга», 2001. С. 64.

Е. Лапина,
редактор газеты ТГТУ
«Alta Mater»,
аспирантка кафедры
связей с общественностью ТГТУ.

г. Тамбов.

Опыт политического анализа и публицистического прогноза*

Уходящий 2003 год, без сомнения, займет особое место в новейшей истории России, и не только потому, что открывает электоральный цикл парламентских и президентских, а в ряде случаев и региональных выборов. Еще загодя до его наступления страна готовилась к пику техногенных катастроф, попадавшему — по расчетам российских специалистов — именно на 2003 год (так называемая «проблема — 2003»). К счастью, худшие опасения не подтвердились, хотя чрезвычайных происшествий опять было предостаточно — от гибели шахтеров в ветхих, изношенных шахтах до авиационных катастроф. Начало и конец 2003 года ознаменовались однотипными трагедиями: пожар в одной из школ далекого якутского поселка унес более 30 детских жизней; пожар в общежитии Российского Университета дружбы народов оставил почти такое же количество жертв из числа приехавших для обучения в Россию иностранных студентов.

Но главной приметой уходящего года станут все же серьезные внутри- и внешнеполитические сдвиги, которые переживает российское государство и общество в рамках мировых трансформационных процессов. Как стало очевидно в последнее время, всевозрастающая зависимость между мировыми и национальными политическими процессами, между внутренней и внешней политикой отдельных государств, именуемая глобализацией, оказывает все более ощутимое и определяющее воздействие на российскую политику. И, к слову сказать, это влияние далеко не всегда оказывается позитивным. Используя терминологию великого английского историка Арнольда Тойнби, можно сказать, что Россия в 2003 году получила огромное количество новых вызовов, но ее властвующая элита не всегда была в состоянии дать на них адекватные ответы.

Одним из самых серьезных вызовов уходящего года стал, безусловно, Ирак. Если захват Афганистана хотя бы внешне камуфлировался в намерение стабилизировать ситуацию в стране, охваченной гражданской войной, и перекрыть поступающий оттуда в Европу поток наркотиков, то военные действия США и их союзников в Ираке были прямой агрессией против суверенного, хотя и неугодного Соединенным Штатам, государства. Последующие события показали всю надуманность официальных аргументов американской администрации, прежде всего «ястребов» из военного ведомства, о существовании у иракского руководства оружия массового уничтожения, о финансировании международных террористических группировок и т. д. Государства — союзники США по так называемой антитеррористической коалиции, согласившиеся послушно следовать в форватере американ-

ской политики, оказались заложниками и жертвами освободительной войны иракского народа, принимающей все более массовый и ожесточенный характер.

К счастью, у российского руководства хватило мужества и благоразумия не вмешиваться в кашу, заваренную другими. Твердая и последовательная позиция России, настаивавшей на передаче вопроса об урегулировании в Ираке на площадку ООН, означала очень важный шаг в реанимации влияния последней на происходящие в мире кризисные процессы. В конечном счете даже американское руководство вынуждено было согласиться с определяющей ролью ООН и Совета Безопасности на этапе постконфликтного урегулирования в Ираке.

Иракский кризис показал, что американская администрация всерьез вознамерилась осчастливить человечество перманентным вмешательством во внутренние дела других государств, сменой отдельных лидеров и даже политических режимов в целом в случае их излишне самостоятельной позиции на международной арене. Военная и политическая победа в Ираке, даже при наличии большого количества жертв среди американских военнослужащих, была нужна правящему классу США для демонстрации военной мощи и закрепления своего безусловного доминирования в мировой политике. Не последнюю роль играли и экономические интересы, прежде всего контроль над иракской нефтью, однако ее можно было безо всякого риска взять где-нибудь на Каспии и не играть в военные игры, предварительная стоимость которых оценивается специалистами почти в 1 триллион долларов.

К числу приоритетных для США зон влияния относится и пространство бывшего СССР, в особенности те постсоветские государства, которые занимают стратегически выгодное геополитическое положение. Осень 2003 года показала, что «слабым звеном» среди сопредельных России государств СНГ является Грузия. Стремительное развитие событий на территории нашего южного соседа показало доминирующую роль внешнего фактора в дестабилизации обстановки в стране (американская финансовая поддержка грузинской оппозиции) и катастрофическую слабость грузинской государственности. Нежелание легитимных лидеров грузинских автономий — Абхазии, Аджарии и Южной Осетии — сотрудничать с пришедшими к власти грузинскими национал-радикалами и их намерение войти в состав России создало очень непростую ситуацию для российского руководства, особенно с точки зрения норм международного права, включая принцип территориальной целостности Грузии и его признание российской стороной. С другой стороны, позиция безучастного наблюдателя политики подчинения Кав-

каза американскому политическому и военному влиянию была бы для России не просто опасной, но и губительной. В политике, как известно, пустоты не бывает, а однажды утраченные позиции можно вернуть только очень дорогой ценой. В свете того, что на севере Грузии обосновались отряды чеченских боевиков, утрата российского влияния в этой республике могла бы спровоцировать новый виток вооруженного противостояния в Чечне.

Грузинская проблема имеет и еще одну, экономическую сторону. Смысл ее состоит в том, что приглашение американцев в Грузию подчинено в первую очередь обеспечению безопасности будущего нефтепровода из Азербайджана в Турцию через грузинскую территорию. О том, что Северный Кавказ давно привлекает внимание американских стратегов как гигантская кладовая природных ресурсов, включая нефть, газ, минеральное сырье, специалисты писали уже не раз. Но последние события, связанные с пресловутой антитеррористической операцией, при помощи которой Пентагон намерен оправдывать свои самые безрассудные действия, окончательно расставили все точки над «и». К дележу гигантских кавказских ресурсов Россию ни под каким видом не подпустят, вследствие чего многолетняя кровавая бойня за сохранение Чечни в составе России оказывается попросту бессмысленной и бесполезной, включая и те жертвы, которые были принесены во имя территориальной целостности России и конституционного порядка.

Чеченская проблема на всем протяжении уходящего года усилиями официальных масс-медиа старательно отодвигалась на второй план в рейтинге российских новостей. Исключение составил непродолжительный период непосредственной подготовки сначала к референдуму по Конституции Чеченской республики, а затем к избранию президента ЧР. Между тем чеченский фактор был и остается одним из самых болезненных во внутренней российской политике. Урегулирование чеченского конфликта на путях, предложенных федеральным Центром, в принципе невозможно, поскольку договариваются между собой марионеточная власть в республике и покровительствующая ей федеральная власть в Кремле, представляющие собой одну и ту же сторону в вооруженном конфликте. Позиция другой, сопротивляющейся стороны, просто игнорируется. Между тем, как говаривали древние римляне, *ignorancia non est argumentum*. До тех пор, пока не будет найден приемлемый компромисс с воюющими чеченцами, надеяться на политическую стабилизацию в республике не стоит. Да и международные организации, в которые Россия пытается вступить, вряд ли оставят без внимания проблему нарушения прав человека, и прежде всего в Чечне. Как показывают последние события, в борьбе за выдачу России одного из видных чеченских эмигрантов на Западе, Ахмеда Закаева, Генпрокуратура России потерпела довольно ощутимое и весьма болезненное поражение. Одновременно позиция британского суда — это сигнал к тому, что Европа, как и США, не собирается «сдавать» чеченскую тему в архив, но намерены периодически использовать ее в критике тех или иных заяв-

лений и действий российских властей как во внутренней, так и во внешней политике.

В контексте таких внешнеполитических перспектив России необходимо трезво смотреть на вещи, подчиняя решение своих внутренних проблем вызовам нового международного контекста. Одним из подтверждений осознания российской властвующей элитой серьезности положения стало содержание Послания президента России Федеральному Собранию, прозвучавшее в апреле уходящего года. Никогда еще подобного рода документ не содержал такого обширного перечня явных и скрытых угроз безопасности российского государства, вплоть до напоминания о том, что мы сохранимся в наших нынешних границах только если будем сильными.

Впервые за все годы своего пребывания на посту президента РФ Владимир Путин внятно сформулировал три основные задачи, которые необходимо решить в ближайшие 7 лет: удвоение валового внутреннего продукта (ВВП); борьба с бедностью как общенациональная задача; модернизация российской армии. Очевидно, что постановка таких задач требует не просто высокой степени концентрации усилий как правящей элиты, так и общества, но и выработку определенного национального проекта, способного мобилизовать совокупную энергию населения и направить ее на решение общенациональных задач. Но достичь подобной цели невозможно на уже опробованных и малорезультативных путях либерального экономического курса, когда акцент делается только на частную инициативу, ограничение регулирующей роли государства и иные, сугубо либеральные средства и методы. Страна нуждается в качественно новых и результативных политических технологиях, способных не просто обеспечить экономический прорыв, но и преодолеть общественный раскол, сплотить на основе общих целей и единых базовых ценностей российское общество, тем более что отсутствие ценностного консенсуса ощущается последним крайне болезненно.

Однако общенациональный проект, для того чтобы получить массовую общественную поддержку, должен опираться на согласие в правящей элите, чего, к сожалению, не наблюдается. Более того, обострение внутривластной борьбы по поводу направления и содержания внутри- и внешнеполитического курса нашло свое отражение в столкновении двух основных группировок в российской властвующей элите. Представители первой — госчиновники и крупные бизнесмены, чья политическая карьера связана с эпохой Бориса Ельцина (так называемые «семейные»). Представители второй — преимущественно выходцы из силовых структур (армии, МВД, ФСБ), бывшие сослуживцы нынешнего президента и его земляки («питерские»). Этот конфликт назревал подспудно, по мере рекрутирования в элиту и концентрации в ней выходцев из силовых структур. В связи с тем, что на данный момент они составляют 52 % всей властвующей элиты России, количество перешло в качество, и конфликт вышел на поверхность политической жизни, причем достаточно скандальным образом. Его главным содержанием является борьба за ресурсы, прежде все-

го материальные, находящиеся в руках узкого круга лиц, именуемых ельцинской «Семьей». Речь идет примерно о семнадцати так называемых «олигархах», сконцентрировавших в своих руках большую часть природных ресурсов страны и, соответственно, доходы от их эксплуатации. Тем самым в руках узкой группы людей находится мощнейший рычаг для создания крупномасштабных политических кризисов в любой желаемый момент, рычаг беспрецедентного давления на российскую верховную власть. В последнее время отдельные олигархи, прежде всего Р. Абрамович, стали распродавать свои активы в России и вкладывать их в те или иные объекты на Западе (например, покупать футбольные клубы), стремясь на равных войти в западное светское общество. Но куда более опасным для национальной безопасности стало решение М. Ходорковского о продаже контрольного пакета акций компании «ЮКОС» американским нефтяным компаниям. Действия, предпринятые Генеральной прокуратурой против владельца «ЮКОСА», можно рассматривать как вынужденную меру, поскольку владение компанией, обеспечивающей от 5 до 10 % бюджета страны — это в реальности полная власть над всей страной. И в случае успеха сделки с американскими партнерами противопоставить что-либо возможному давлению с их стороны российская власть не смогла бы. Иными словами, речь идет ни много ни мало, как об утрате или сохранении независимости России как суверенного государства. Проявление президентом В. Путиным политической воли свидетельствует не только о том, что он осознает реальность этой угрозы, но и о том, что современное развитие России носит кризисный характер, а все представления о стабильности или разговоры о стабилизации иллюзорны и имеют пропагандистские цели.

Ближайшие перспективы России связаны с парламентскими выборами, на которых определится ведущая на сегодняшний день политическая сила и представляемая ею идеологическая ориентация. С учетом того, что президент в Послании Федеральному Собранию высказывал идею о возможности сформировать правительство парламентского большинства по итогам выборов, борьба за места в Государственной Думе разворачивается нешуточная. При этом, как всегда в России, действующая власть беззастенчиво использует административный ресурс и демонстративно игнорирует выработанные мировой практикой правила политической игры, например, открытые предвыборные теледебаты.

Предварительные социологические опросы позволяют заключить, что общая расстановка сил в нижней палате российского парламента изменится незначительно. Вероятнее всего, лидерами избирательного марафона станут две партии, и сегодня представляющие самые большие фракции в Государственной Думе: «Единая Россия» и КПРФ. Присутствие правых может отчасти снизиться по причине иных идеологических ветров, проносющихся над страной, но не исчезнуть полностью. Весьма велика вероятность попадания в Думу либеральных демократов во главе с В. Жириновским, чьи услуги не могли остаться

неоплаченными со стороны «партии власти». Что же касается множества вновь образованных партий или межпартийных блоков с невнятными названиями, то участие в парламентских выборах скорее всего останется самым ярким эпизодом в их политической деятельности.

Сегодня трудно определенно сказать, на какое количество голосов поддержки может рассчитывать исполнительная власть, вносящая в Думу соответствующие законопроекты. Преобладание оппозиционных настроений может создать трудности при прохождении законов, необходимых правительству и президенту. Но и тотальный «одобрямс», царивший в Думе в последние два-три года, не лучшим образом сказался на качестве принятых ею законов, что единодушно признают эксперты как правых, так и левых политических убеждений.

Вместе с тем российский парламент в силу его низкого политико-правового статуса и ограниченности полномочий не является инициатором тех или иных перемен, противоречащих воле исполнительной власти. Перемены будут инициированы президентом, чье переизбрание на второй срок не вызывает сомнений ни у кого. Очевидно, что его реальной опорой по-прежнему будут бывшие соратники из ФСБ, а политической опорой — «Единая Россия» и ее более мелкие сателлиты. Не исключен союз с КПРФ по некоторым социальным вопросам и вопросам национальной безопасности, и с правыми — по проблемам экономической стратегии.

Если до недавнего времени на вопрос о том, правит ли в России олигархия, и отечественные, и зарубежные наблюдатели отвечали утвердительно, то в ближайшее четырехлетие характер ответов может измениться. Вполне очевидна тенденция к возвращению себе государством ключевых позиций в экономике, включая возможность бюджетной консолидации природной ренты, ставшей главным «хитом» избирательного сезона — 2003. Этот процесс вряд ли пройдет безболезненно для слабых пока норм, институтов и демократических ценностей: усиление государства всегда сопровождалось в России ростом авторитарных тенденций: усилением закрытости процессов принятия решений, игнорированием общественного мнения, притеснением и даже преследованием оппозиции, наступлением на свободу слова, печати и т. п. К сожалению, сам характер общественных вызовов сегодня таков, что не оставляет времени для тонких и сложных политических технологий. Сегодня перед президентом стоит нелегкий выбор: либо начать модернизацию элиты и реализацию общенационального проекта, либо стать свидетелем и участником уничтожения страны. Это достаточно трагический выбор и он не оставляет пространства для маневра ни президентской власти, не стране в целом.

* Статья поступила в редакцию в декабре 2003 г.

А. В. Глухова, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой социологии и политологии Воронежского госуниверситета.

Т. В. Лебедева

Шесть негромких юбилеев

Все они промелькнули мимо прессы и действительно прошли тихо, в узком семейном кругу потомков. Все юбиляры ушли от нас в мир иной, одни совсем недавно, другие — десятилетия тому назад. Главная объединяющая деталь всех шести юбилеев — это юбилеи российских детских писателей.

19 января 2003 года исполнилось сто лет со дня рождения Натальи Петровны Кончаловской. Ее знаменитые сыновья Андрей и Никита пышно и торжественно отметили 90-летие отца — Сергея Владимировича Михалкова, а столетие матери для общественности прошло незаметно. Сыновья, конечно же, не пропустили юбилей, они очень любили мать, всегда тепло отзывались о ней. Стоит вспомнить хотя бы, как влюбленно переглядывались мать и младший сын за чайным столом на даче, давая интервью Андрею Караулову для «Момент истины».

Судьбы аристократических династий Михалковых и Кончаловских, наверное, в историческом времени пересекались не раз: дед автора гимна, тоже Сергей Владимирович, был увлеченным собирателем картин, имя его значилось во всех каталогах виднейших российских коллекционеров. Наталья Петровна была внучкой знаменитого художника В. И. Сурикова и дочерью художника П. П. Кончаловского, которому спокойно можно адресовать строчки Ивана Елагина: «Мы выросли в годы таких потрясений, что целые страны сметали с пути, а ты нам оставил букеты сирени, которым цвести, и цвести, и цвести». Стихи посвящались не ему, но для нас, россиян, Кончаловский — в первую очередь творец знаменитых букетов сирени, авторство которого угадывалось сразу, в какой бы музей не пришли. За свою восьмидесятилетнюю жизнь Петр Петрович написал массу картин — пейзажей, натюрмортов, портретов: композитора С. Прокофьева, искусствоведа С. Тройницкого, писателя А. Толстого — на даче, за пышной трапезой, В. Мейерхольда — на фоне персидского ковра — страдающего, затравленного, находящегося на пороге гибели.

Михалкова и Кончаловскую сблизил поэзия. Она переводила Шелли и других английских поэтов. Он учился в Литинституте, печатался в «Пионере». В 1936 году, опубликовав «Дядю Степу», проснулся знаменитым. Пишет детские стихи и Кончаловская. Неоднократно рассказанная сыновьями байка о стихотворении «Два барана» свидетельствует о том, что задуманная история была не столь трагической. Но когда Наталья Петровна, написав первые строчки, отлучилась, увидевший их Михалков шутя приписал продолжение, заканчивающееся словами: «В этой речке утром рано утонули два барана». Кто знает,

сколько своих задумок Наталья Петровна подарила мужу? Стихи для маленьких она начала писать, когда заинтересовался книжками сын Андрей. В 1944 году вышла из печати «Сосчитай-ка», через год — «Ночная азбука». Но еще раньше, перед войной, она задумала фундаментальное произведение — историческую поэму о становлении российской государственности «Наша древняя столица». Школьные учебники рассказывали об этом сухо. В поэме она попыталась рассказать о том же ярко и красочно, перемежая истории из жизни Рюриковичей с картинами жизни и быта простого народа, широко используя ритмику русского фольклора, голоса улиц:

— Вяленая рыбица! Сельди паровые!
Дешевые, грошовые, почти что даровые!
Идет лоточник по Москве,
Несет лоток на голове,
И слышно в околотке:
— Рыбица! Селедки!¹

Накануне 800-летия Москвы первая книга поэмы вышла подарочным изданием. «Слава русской старине! Слава нашей стороне!» — таковы были написанные славянской вязью последние слова. Но после этого Наталья Петровна еще шесть лет работала над книгой — почти ежегодно переиздававшаяся! — перерабатывала, обновляла, дополняла прежний вариант, советовалась со своим редактором А. Д. Деевым, с постоянным консультантом — доктором исторических наук В. Т. Пашуто, часто встречалась с иллюстраторами В. и М. Фаворскими, И. Федяевской. В результате появилась настольная детская энциклопедия о Москве. Например, в главе «1366 год» рассказывается, как из Коломны в Москву ползли возы с камнем для кремлевской стены:

И былой стене на смену
Строит каменную стену
Небывалой красоты
Внук Ивана Калиты².

В тогдашних учебниках истории было генеалогическое древо Рюриковичей, но тут — живая картинка. Внук Ивана Калиты — Дмитрий Донской. Укрепив Кремль, он собирает народ на священную войну под лозунгом: «Не довольно ль, братцы, даром отдавать добро татарам?» — и следующие страницы — о Куликовской битве. «Наша древняя столица» была в буквальном смысле кладезем интересных сведений не только по истории, но и, например, по геральдике — гербы всех старейших городов России

приведены в книге, — и по топонимике. Оказываясь, Китай-город не имеет никакого отношения к китайцам: «На валу плетень густой, назывался он китой».

Но в Китае писательнице удалось побывать. Об этом путешествии в соавторстве с Ю. Семеновым она написала повесть «Чжунго, нинь хао!». После трехсотстраничной поэмы о Москве Кончаловская сосредотачивает свое внимание на судьбе деда-художника. В 1960-м году выходит повесть о нем «Сын земли Сибирской», в 1964-м — романтическая повесть «Дар бесценный». Вообще Наталья Петровна была человеком очень многогранным, например, ею написаны новые тексты ко многим звучавшим в XX веке операм: «Банк-Бан» Эркеля, «Дон-Жуан» Моцарта, «Орфей в аду» Оффенбаха, «Фальстаф» Верди, «Фра-Дьяволо» Обера. Она переводила на русский язык стихи украинских, грузинских, кабардино-балкарских поэтов, писала собственные стихи. В 1961 году вышли в свет сразу два ее стихотворных сборника «Сердце» и «Цвет», через четыре года — еще один — «Песня, собранная в кулак».

23 января 2003 года исполнилось 130 лет со дня рождения М. М. Пришвина. Вряд ли Наталья Кончаловская читала в детстве его рассказы — Пришвин ступил на писательскую стезю поздно, к тому же до революции он не считался детским писателем, да, наверное, никогда и не был исключительно детским. От «взрослого» писателя требовались рассказы, романы, повести о заводах, стройках, колхозном крестьянстве, уход от таких тем не поощрялся. Его то и дело упрекали в пренебрежении к современности, называя его творческий путь «бегством в мир природы и лирики». Но рассказывать о природе детям считалось занятием не предосудительным, а даже полезным. Детгиз и «Молодая Гвардия» охотно печатали такие книжки, хотя, конечно, философская проза Пришвина чаще всего адресована совсем не тому же читателю, что «Лесная газета» Бианки. Но пути Кончаловской и Пришвина, пересекшись во времени (в 40-х годах они были уважаемыми детскими писателями), совершенно неожиданным образом пересеклись и в пространстве: семья молодого художника Кончаловского любила отдыхать под Звенигородом, в доме на краю деревни Дунино, у преподавателя географии Московского университета Лебедева. Там же проводили время скульпторы А. С. Голубкина и С. Т. Коненков, режиссер Художественного театра Л. А. Сулержицкий, академик-биохимик А. Н. Бах — автор книги «Царь-голод». В конце сороковых этот дом купит у вдовы географа Лебедевой-Критской М. М. Пришвин и напишет в дунинском доме свои последние книги, и Коненков, к тому времени наскитавшийся по свету, навестит его там, а после смерти Михаила Михайловича сделает ему надгробный памятник в виде сирина — птицы счастья, потому что каждая строчка Пришвина вечно будет дарить людям счастье. Но до памятника была долгая жизнь — длиною в 80 лет.

Он родился в имении Хрушево под Ельцом пятым ребенком в семье. Рано умершего отца почти не

помнил. Самое яркое воспоминание — тяжело больной отец подзвал его к себе и нарисовал на память голубых бобров... Учился в Елецкой гимназии. Географию там преподавал В. В. Розанов — будущий философ. Под влиянием его рассказов Пришвин подготовил товарищей бежать в «золотую Азию». Далеко убежать не удалось. «Из тебя что-то выйдет!» — сказал Розанов, поняв истоки поступка. Но через какое-то время мальчик надерзил Розанову, и тот поставил вопрос об исключении: «Не способен к учению и непослушен!». Остальные учителя не смогли переубедить коллегу. Слова Розанова больно ранили Пришвина. Много лет он не оставлял мысли доказать, что учитель был не прав, и в начале серебряного века на религиозно-философских чтениях он подарил Розанову с автографами свои первые книги.

— Я в жизни знал одного Пришвина...

— Это я.

Справедливость восторжествовала.

А тогда, после исключения, в Хрушево приехал брат матери И. И. Игнатов, богатый судовладелец. Он увез мальчика к себе в Тюмень, где Пришвин окончил реальное училище. Бездетный дядя мечтал сделать его своим наследником, но Пришвин, движимый желанием помогать матери в имении, поступил в Рижский политехникум на агрономическое отделение. В дневнике 1939 года он объяснил свой выбор неожиданным явлением: когда он сидел в комнате у окна, на подоконник неожиданно опустилась синичка. «Я нечаянно задумчиво поглядел на нее и вдруг почувствовал какую-то нашу связь с этой птичкой, как будто синичка была вся природа, и я был весь человек.

Слова эти грубы и ничего не значат. Но чувство было так сильно, что встреча с этой синичкой осталась на всю жизнь как загадка и как задача в процессе жизни выразить в этом себя самого»³.

Выбор агрономии был первой вехой на пути к самовыражению: «Скорей всего я подчинился зову той синички далекой: синичка звала меня в природу»⁴.

В Риге Пришвин попал в окружение юных революционеров и, не успев как следует разобраться, кто за что ратует, попал в тюрьму за перенос политической литературы. Образование пришлось завершать за границей, в Лейпцигском университете, на агрономическом отделении философского факультета. Вернувшись на родину, работал агрономом в Богородицких хуторах графа Бобринского, в Клину и под Лугой. Преподавал в Петровской сельхозакадемии, издавал агрономические статьи и книги: «Картофель в полевой и огородной культуре», «Удобрение полей и лугов», — но чувствовал, что занимается не своим делом. Однажды на глухом полустанке между Ельцом и Тулой, дожидаясь своего поезда за столом буфета, от нечего делать он стал записывать на клочке бумаги свой скоротечный роман со студенткой Сорбонны Варварой Измалковой. Работа увлекла. «Это было открытие в моей жизни великое, на всю жизнь»⁵, — запишет Пришвин в дневнике много лет спустя. О чем писать, он тогда не знал, но жизнь как

бы сама указывала ему дорогу. Об этом — еще одна запись в дневнике: «Природа Кавказа на меня действовала бессознательно, я ею не любовался, не увлекался... Месяц большой красный между чинарами, серые домики, крик гортанный и лязг оружия в соседнем духане. После Кавказа я стал сознательно понимать и родную природу. Когда я вернулся домой, то впервые увидел у себя на родине облака. Никакого внимания раньше на облака я не обращал, но после снежных гор понял облака над равниной елецкого района с ее ржаными полями, васильками и ромашками»⁶. Захотелось сравнить природу юга и центральной России — с северной: «Мне казалось, что все знают Кавказ, и он несомненно прекрасен, а вот поди-ка открой красоту на севере и покажи — вот это будет заслуга»⁷.

Он обошел и объехал Белое море, на открытой лодке сплавал на Соловки, на Кольском полуострове изучал жизнь лопарей. К тому времени он уже был вовлечен двоюродным братом Ильей Николаевичем Игнатовым в журналистику: сотрудничал как в его газете «Русские ведомости», так и в других: «Утро России», «Речь». В гостях у лопарей он понял, что их жалкую жизнь может (и должен!) описать журналист, но она вне сферы писательства: «Дело совершенно безнадежное для художника ставить на решение проблемы морально-общественного характера, потому что все они решаются только жизнью, а жизнь есть некая тайна, стоящая в иной плоскости, чем искусство»⁸.

Побывав в Лапландии, Пришвин объезжает на пароходе всю Скандинавию и возвращается в Петербург. Впечатления от поездки еще долго будут питать образами его творчество: «Закат солнца в Норвегии — это пожар в горах. Мы едем вперед, а солнце поджигает новую и новую черную гору»⁹.

В Петербурге Пришвин с рукописью своей первой книги «В краю непуганых птиц» и с иллюстрациями к ней — рисунками и фотографиями олонецкого учителя П. П. Ползунова — явился к издателю А. Ф. Дервиену. Тот прочитал книгу семье, всем понравилось. В 1907 году первая книга Пришвина была напечатана. Ему было уже 34 года. За эту книгу он был избран действительным членом Российского географического общества, которым руководил тогда известный путешественник Семенов Тянь-Шанский. Успех решил направление творчества писателя: «Неведомый край...Зрительные впечатления... Живые фотографии»¹⁰.

В поисках затонувшего града Китежа он едет на озеро Светлояр. В одном из путешествий встречается в поезде с Максимилианом Волошиным, тот увлекает Пришвина рассказами об Азии, и он едет в Киргизию. В том же 1909 году Горький, печатавший у себя в «Знании» первое «Собрание сочинений» Пришвина, рассказывает о сибирских переселенцах, и он едет к ним за Иртыш. В 1913 году знакомится с Крымом... «Природа — вот мое убежище», — пишет он в дневнике. Но в следующем 1914 году слово «убежище» зазвучало по-другому. 15 марта 1915 года Пришвин едет в Карпаты военным корреспондентом «Русских ведомостей»...

С годами он все больше и больше увлекается охотой, так объясняя это увлечение: «Охота мне дорога из-за того, что я работаю ногами и не думаю. Но все, что пропущено в голове, потом является с такой силой, какой не добьешься в правильной жизни»¹¹. В 1927 году, пятидесятипятилетним, за 80 дней осенней охоты он прошагал по болотам две тысячи верст.

«Люблю я собак, — признается Пришвин в одном из рассказов. — Первое, люблю, конечно, охотиться и держу их для охоты, а еще — и это, может быть, даже больше охоты — люблю поговорить с ними, посмеяться, поиграть и, как говорят, отвести душу»¹². Анчар, Верный, Дубец, Кэт, Нерль, Нора, Ромка, Соловей, Шарик, Ярик — все это собаки — герои его рассказов.

В 1925 году выходит его книга «Родники Берендея», в 1935 — «Календарь природы». В предисловии к этой книге Пришвин пишет: «Путешествие само по себе есть труд, но путешествие, ставящее целью всему виденному дать законченную художественную форму — труд непомерно больший»¹³.

В «Календарь природы» писатель включил и свои довольно крупные рассказы, в том числе рассказы о собаках, и крохотные миниатюры — в несколько строк: «Девушка в березах», «Зацветание медуницы», «Майский мороз». Некоторые из рассказов почти сразу же вошли в школьные хрестоматии, например рассказ «Ребята и утята». С первых школьных лет россияне помнят пришвинское определение: «Март — весна света, апрель — весна воды, май — весна зеленой травы», — или, наблюдая за таянием «ледника» на крыше, проверяют, действительно ли сосульки растут «утром в толщину, а вечером в длину: каждый день все толще, все длиннее»¹⁴.

Незамысловатые, казалось бы, рассказы несут юному читателю массу интересной информации, которую при случае хочется проверить: «Есть старые пни в лесу, все покрытые, как швейцарский сыр, дырочками и сохранившие прочную свою форму... Если, однако, придется сесть на такой пень, то перегородки между дырочками, очевидно, разрушаются, и чувствуешь, что сам на пне немного осел. И когда почувствуешь, что немного осел, то вставай немедленно: из каждой дырочки этого пня выползет множество муравьев, и ноздреватый пень окажется весь сплошным муравейником, сохранившим обличье пня»¹⁵.

Пытался ли он в эти годы писать не только о природе? Оказывается, да. Его вдова, комментируя страницы тогда еще не опубликованных дневников Пришвина, писала: «В поисках требуемой индустриальной темы Пришвин отправляется в 1931 году по командировке журнала «Наши достижения» на Урал, где идет сооружение огромного машиностроительного завода. Тема и материал не знакомы Пришвину... С новой для него природой Урала нет живой связи. Пришвин во время поездки усердно ведет записи, но художественной вещи из них не рождается.

Тогда, не отказываясь от задачи найти современную тему, он отправляется в 1933 году на север по

знакомым местам: возвращается на свою писательскую родину. Со времени первой поездки туда прошло уже 28 лет. Край непуганых птиц неузнаваемо изменился. Михаил Михайлович находит здесь пришлых людей — идет строительство канала по следам некогда прорубленного царем Петром кратчайшего пути «волоком» для кораблей из Белого моря в Балтийское. Пришвин застал в 1906 году его незарастающий след. В народе сохранилось и название — «Осударева дорога»¹⁶.

Строительство канала политическими заключенными не вдохновило его. Он ищет какой-то новый ракурс темы и находит: стихия воды — капля и водопад, личность и общество. Он делает главным героем ребенка, мальчика по кличке Зук. Его чистый взгляд на жизнь, процесс наблюдения мира, понимание его устройства позволили писателю совместить реальность и сказку. В конце книги дается картина разлива в зоне затопления, и Зук на плоту, как на Ноевом ковчеге, спасает животных от гибели.

Начальникам от литературы «Осударева дорога» не понравилась. Жена упрекала писателя за то, что он «легкомысленно взялся за тему». Он переделывал «Осудареву дорогу» пять раз, но при его жизни она так и не увидела света. В конце концов был опубликован первый, неисправленный вариант. Таким образом, «бегство в мир природы и лирики» продолжалось. В послесловии к последнему им самим скомпонованному «Избранному» Пришвин писал: «С некоторых пор меня стала интересовать жизнь около себя, и мне незачем стало делать далекие путешествия за небывалым. Дело в том, что это влекущее небывалое, оказывается, находилось совсем недалеко и около меня, я стал особенно любить свои ежедневные дневниковые записи об этом повседневном и близком. Так получилась моя книга «Лесная капель». Я стал работать над созданием любимой моей формы поэтической новеллы. Я позволяю себе не больше, чем позволяют себе любители цветов в лесу или на лугу: выбрать цветок, сорвать и унести. Известно, что дома цветок, выбранный из своей среды, дает понимание, какого нет там на месте. Но опять-таки это не я сделал, а уже так сделано, что цветок, принесенный домой, говорит по-другому»¹⁷.

Очевидно, собранные в странствиях цветы были чем-то вроде записной книжки: они напоминали об увиденном в течение дня. И эти наблюдения переносились из памяти в дневник, а оттуда — в книги. «Лесная капель» почти целиком состоит из таких наблюдений.

Первый цветок. Думал, случайный ветерок шевельнул старым листом, а это вылетела первая бабочка. Думал, в глазах это порябило, а это показался первый цветок¹⁸.

Иван-чай. Вот и лето настало. В прохладе лесной благоухала белая, как фарфоровая, «ночная красавица», а у пня стал на солнцепеке во весь свой великолепный рост красавец наших лесов — иван-чай¹⁹.

Реки цветов. Там, где тогда мчались весенние потоки, теперь везде потоки цветов. И мне так хоро-

шо было пройтись по этому лугу; я думал: «Значит, недаром неслись весной мутные потоки»²⁰.

Варенье. Вернулся в десятом часу на ту холодную спящую лужайку, на которую сегодня пришел ранним утром. В солнечном огне все гудело в цветах, заваривалось, благоухало, как будто все вместе тут общими силами варили варенье²¹.

В дневники, а затем и в «Весеннюю капель» легли народные приметы («Ячмень сеют, когда молодой скворец головку в окошке показывает»), наблюдения над муравьями, бабочками, стрекозами: «Лимонница, желтая бабочка, сидит на бруснике, сложив крылья в один листик: пока солнце не согреет ее, она не полетит и не может лететь, и вовсе даже не хочет спастись от моих протянутых к ней пальцев. Черная бабочка с тонкой белой каймой, монашенка, обмерла в холодной росе и, не дождавшись утреннего луча, отчего-то упала вниз, как железная»²².

Он записывал в дневники, а потом переносил в произведения и собственные мысли, «подсказанные» природой: «Слова мудрости, как осенние листья, падают без всяких усилий»²³.

Путешествия в «доме на колесах» по Ярославской и Костромской областям легли в основу повести «Неодетая весна». Писателю постоянно приходилось ездить из Загорска, где он жил, в Москву, где печатался. На все просьбы широко известного и уже далеко не молодого писателя предоставить квартиру в Москве чиновники отвечали, что он — человек природы и в Москве не приживется. Только перед самой войной он получил квартиру на шестом этаже писательского дома в Лаврушинском переулке.

В это время он знакомится с творчеством малоизвестного в мире и до того совсем не известного в СССР канадского писателя (полуирландца-полуиндейца) по имени Серая Сова. Серая Сова, как и Пришвин, был писателем-натуралистом, в последние годы жизни руководил работой бобрового заповедника в Национальном парке Канады. «Серая Сова не любил придумывать, чего не было, а пишет только о том, что сам пережил, испытал — одним словом он пишет правду. Я полюбил его за правду, за нежное сердце и за мужество»²⁴, — писал Пришвин в предисловии к книжке Серой Совы «Саджо и ее бобры», вышедшей в свет в 1940 году в переводе Аллы Макаровой. Сам Михаил Михайлович перевел автобиографическую повесть «Странники лесной глуши», в переводе она называлась просто «Серая Сова». Основные герои повести (кроме писателя и его жены Анахарео) — бобры (сколько, наверное, раз, переводя, вспомнил Пришвин отцовских голубых бобров). Этот лесной народец, как для Серой Совы, так и для Пришвина, отменно организован и мудр и требует к себе уважения. Наблюдая за старейшиной бобрового царства Роухайдом, Серая Сова (а за ним, по-русски, Пришвин) пишет:

«У него есть работа, собственные, бескорыстно любимые дети, и он по-своему просто счастлив. Иногда, когда он сидит и смотрит на меня так спокойно, внимательно и непроницаемо, много дал бы я, чтобы узнать, какие мысли таятся за этой бесстрастной

маской, за этими серьезными, наблюдательными глазами. Ибо он — безмолвная власть Бобрового Дома. И если он решит в любой день увести отсюда свой народ, то ничто на земле, кроме заточения и смерти, не сможет его остановить. И мне нужно быть осторожным, чтобы его не обидеть»²⁵.

Лето 1940 года Пришвин с женой проводят в деревне Тяжино под Бронницами, снимая дом у колхозника С. И. Грекова. Писатель работает над поэмой «Фацелия» — увертюрой к книге «Лесная капель». Полностью книга вышла лишь в разгар войны — в 1943-м. Первую военную зиму Пришвины провели в занесенной снегами деревне Усолье близ Переславля-Залесского. «В записях моих первого военного года, вижу теперь, проходил равнодушно мимо всякой красоты, мимо всякого образа мирной, радостной жизни. Человек в его страшной и мужественной борьбе, в его величественном страдании один занимал мое внимание» — писал он в дневнике.

В Переславле, рядом со знаменитым Ботиком Петра Первого, был детский дом, в котором жили ребятишки, эвакуированные из блокадного Ленинграда. Вместе с ними Пришвины слушали соловьев, и эта вечная радостная песнь о таинственной жизни вселенной стала лейтмотивом «Рассказов о ленинградских детях», названных «Соловей»: «У них у всех нет родной мамы: она умерла и ее никем не заменишь! Но соловей поет свою вечную песню радости. Маленький человечек хватается за песенку и по песенке, как по лесенке, поднимается выше и создает себе новый прекрасный мир: ему помогают лучшие силы страны и природы»²⁶.

В годы Великой Отечественной войны Пришвин получал много писем с фронта. Красноармеец В. Бархвостов написал в апреле 1943 года, что в разгромленной фашистами деревне нашел книгу «Кашеева цепь» и читал всю ночь, двигаясь за степным пожаром при разрыве снарядов и мин. К утру прочел и просил «прислать продолжение». «В сердцах людей во время войны складывается будущий мир. И назначение писателя во время войны именно такое, чтобы творить будущий мир»²⁷, — в этом писатель был абсолютно убежден.

Его московская квартира сильно пострадала при бомбежке: потолок оказался на полу, окна выбиты. Так что свою основную работу военных лет, повесть «Кладовая солнца», он писал во временных пристанищах и завершил ее перед самой Победой. Повесть была созвучна всенародному празднику: ее маленькие герои через большие трудности приходят к своей первой победе над жестокостью жизни»²⁸, — пишет Пришвин в самом конце жизненного пути. «Кладовая солнца» — это была повесть о победе мальчика над хищником волком. Внутренняя же тема была о победе светлого начала жизни над темным, значит, она отвечала в те дни величайшему событию современности — военной победе над фашизмом»²⁹, — комментирует его жена.

В День Победы Пришвину уже 72 года. На все пожелания долгих лет жизни он отвечает: «Я теперь опираюсь не на количество лет, а на качество дней

своих»³⁰. А достичь «качества дней» он умел, наблюдая за природой и удивляясь ее разнообразию и прелести: «Все травы цветут и даже подорожник... — тоже весь в белых бусинках. Раковые шейки, медуницы, всякие колоски, пуговки, шишечки на тонких стебельках приветствуют вас. Сколько их прошло, пока мы столько лет жили, и не узнать; кажется, все те же шейки, колоски, старые друзья. Здравствуйте, милые, здравствуйте!»³¹.

Кажется, что он обращается не только к тогдашним травам, но и к сегодняшним — нам, хотя 16 января 2004 года исполняется 50 лет, как мы живем без Пришвина.

Следующие четыре юбилея 2003 года связаны между собой еще и тем, что все они — из ближнего окружения С. Я. Маршака, а значит — не только писатели, но и активные сотрудники детских журналов, издательств. **16 марта 2003 года исполнилось сто лет со дня рождения Тамары Григорьевны Габбе.** Она родилась в Петербурге в семье военного врача и до революции сумела окончить гимназию. С получением высшего образования у девушки непростого происхождения, естественно, возникли проблемы. Ей удалось завершить его лишь к 27 годам — она окончила словесный факультет Ленинградского института истории искусств. В этом выстраданном образовании не было пробелов. Как многие тогдашние интеллигенты, она считала, что должна «нести знания в массы», делиться с теми, кто таковых не получил или получил недостаточно. Ее излишняя безапелляционность даже в кругу Маршака, где было принято строго оценивать творчество друзей по перу, воспринималась не всегда адекватно. Даже Евгений Шварц, которому Габбе часто присуждала «фольтик» (придуманное ею слово — высшая похвала за сюжетно остроумное решение), высказывал неудовольствие по поводу ее строгих «приговоров»: «Она говорила быстро, отчетливо и уверенно. Она знала, что такое сюжет. Она одна. Она знала, что такое характер. Она знала, какая сцена удалась, какая нет. Во всяком случае, была уверена в этом... Уверенность — вот ее бич. Вечное несчастье вечных первых учеников»³². С другой стороны, Шварц ценил Габбе за цепкий и острый ум, за особый дар быстро выразить ощущение: «Например, стоим мы напротив кинематографа «Титан». На вывеске вспыхивает и гаснет стрелка, указывающая название картины. И Габбе говорит: «Ужасно неприятно! Так же у меня дергало палец, когда он нарывал». В филармонии увидели мы Каверина, с палочкой. «Почему он с палочкой?» — спросил кто-то. «Потому что у Тынянова нога болит». Получалось это действительно весело и смешно и определяло положение вещей в те давние доисторические времена»³³.

Она вступила в детскую литературу сразу после окончания института: работала редактором Ленинградского отделения Детгиза, писала книжки для самых маленьких совместно с З. Задунайской, например, в 1932 году вышла их книжка «Повар на весь город», пересказала для детей сюжеты художественной классики («Воспоминания американского

школьника» Т. Б. Олдрича, «Гулливер у лилипутов» Д. Свифта), выступала с критическими статьями о детской литературе в «Литературной газете» («О школьной повести и ее читателе» — 1938. — № 18—19; «Повесть о детстве и повесть для детей» — 1939. — № 37). Вскоре ее деятельность сконцентрировалась на переводе и адаптации для маленького читателя сказок лучших европейских писателей.

Стоит сказать, что мир сказки в первые десятилетия советской власти не был тихой пристанью, находившейся в стороне от классовых битв. В сентябре 1920 года при Наркомпросе был создан Институт детского чтения, призванный изучать детскую литературу и психологию читателя-ребенка. Окопавшиеся в нем вульгаризаторы литературы и педагоги боролись даже со стульчиками в детских садах, якобы порождавшими индивидуализм, и призывали заменить их коллективистскими скамейками. Что уж говорить о книге, особенно о книге сказочной. Книжки, по их мнению, должны лишь создавать условия для приобретения знаний. Учебники вполне можно заменить журналами. Эти люди выступали под лозунгами: «Долой классику! Долой сказку!» И спорить с ними было опасно. Даже «Новый Робинзон», редактируемый С. Маршаком и Б. Житковым, в обращении к читателям писал: «Волшебными сказками, феями, эльфами и королями не заинтересуешь современного ребенка — ему нужна другая литература — литература реалистическая, литература, черпающая свой источник из жизни, зовущая к жизни. Не творчеством «фантазии» должна быть современная литература для ребенка, она должна будить в нем творчество мысли, его активность, его самостоятельность»^{3 4}.

В 1929 году началось новое гонение на сказку и вообще на веселую, неполитизированную детскую книжку. Д. Кальма выступил в «Литературной газете» с критикой Маршака. Но на его защиту встали А. Луначарский, М. Горький, К. Федин, В. Каверин, В. Бианки, Л. Пантелеев, Н. Тихонов. Сказка получила право на жизнь.

Тамара Габбе перевела с французского «Золушку», «Кота в сапогах», «Подарки феи» и «Спящую красавицу» Шарля Перро; сказки «Как петушок попал на крышу», «Зербино-нелюдим» и «Пальчик» Э. Лабулэ и др., пересказала в доступной для учеников начальной школы форме сказки Г.-Х. Андерсена, братьев Гримм, В. Гауфа, О. Уайльда. Интересно, что сказочные мотивы подлинников сочетаются в пересказе Габбе с мыслями и чувствами, присущими современности. При этом дети учились различать, что такое хорошо и что такое плохо, а взрослые улавливали подтекст.

— Посмотрим, — сказала принцесса, — кто из нас способен, не сморгнув глазом, выслушать любую ложь и небылицу. Первый, кто не выдержит и скажет «Это уж слишком!» — будет считаться побежденным.

— В угоду вашему высочеству я готов вытерпеть все на свете — не только шутивную ложь, но и суровую правду^{3 5}, — сказал Пальчик.

Высказывать такие мысли даже в детской переводной сказке в 30-е годы было опасно. Намек на дутые рекорды в соревновании с капиталистическим миром чувствуется в утверждении: «Ну уж, наверное ваши коровы не дают столько молока, сколько наши. Одного только сыру — не говоря о масле и сметане — у нас столько, что мы складываем из него каждую неделю гору ничуть не ниже большой египетской пирамиды»^{3 6}. И, наконец, финал сказки, где скрытый смысл, по существу, перестает быть скрытым: «Пальчик царствовал целых шестьдесят два года и считался **самым мудрым** не только среди королей, но и среди людей. А уж о **добrote** его и говорить нечего! Историки так и прозвали его: Пальчик Добрый. Но зачем прославлять доброту? Ведь это свойство всех умных людей»^{3 7}. Над такими мыслями стоило задуматься взрослым, но они падали зернышками и в детскую память: подрастут — задумаются.

Писательница нередко использовала в переводимых сказках специальные приемы, помогающие осмыслить сложный для детского понимания морально-этический материал. Такова, например, пересказанная Тамарой Габбе сказка Оскара Уайльда «Преданный друг» (при этом обыгрывалась и двусмысленность словосочетания): богатый мельник открыто грабит и эксплуатирует Маленького Ганца; выполняя ночью, в буран его поручение, Ганц гибнет в болоте. В пролог и эпилог этой сказки о людских пороках и добродетелях Габбе вводит совершенно других персонажей — Водяную Крысу, Коноплянку и Утку. Коноплянке придается роль рассказчика, Утка символизирует материнскую любовь и преданность, Крыса — отъявленная эгоистка, единомышленница Мельника. «Разумеется, я хотела бы, чтобы мой преданный друг прежде всего был предан мне», — говорит она. На вопрос: «А что бы вы дали ему взамен?» — она с удивлением ответила: «Я вас не понимаю!». В финале оказывается, что она не поняла смысла рассказанной ей истории о Мельнике и Ганце и даже обиделась на то, что ей посмели рассказать историю с моралью.

Замечательные рисунки В. Конашевича, иллюстрировавшего многие сказки Тамары Габбе (он иллюстрировал также Е. Данько, Л. Квитко, К. Чуковского) позволяли представить происходящее многопланово, как в театре. И в начале 40-х годов Габбе обращается к театру — пишет пьесы для детей. В 1941 году были готовы к постановке две ее вещи: «Жан Бесстрашный» («Сказка про солдата и змею») и «Хрустальный башмачок» (по Шарлю Перро). Но... началась война. Тамара Габбе оказалась в блокадном Ленинграде. Евгений Шварц рассказал в дневнике о встречах с ней в те дни. Ему, тоже блокаднику, часто звонил из Москвы Маршак, каждый раз интересовался судьбой своих родственников, а их опекала Тамара Габбе. Шварц после каждого разговора с Маршаком ходил к ней, и эти встречи ему были приятны: «Теперь, в блокадном мире, узнал я совсем новую Габбе. Душа ее, в обычные дни сжатая в кулачок, готовая к нападению, теперь как бы раскрылась. Была Тамара Григорьевна сосредоточена, а не сжата, и го-

ворила так, как подобает в том мире, куда привела нас судьба, как бы заново увидев все. По деятельной натуре своей не могла она просто терпеть и ждать. Нашла себе работу — читала детям в бомбоубежище. И рассказывала, как заново услышала то, что читает. Одно годилось, другое — не переносило испытания. И новый этот взгляд на вещи был убедителен. И начисто лишен ученической уверенности. И в Москве в 43 году я рад был встрече с нею. И опять говорили мы по-дружески...»³⁸.

Леонид Ленч как-то назвал Габбе «хорошенькой музой Маршака». Она очень гордилась этим «титлом», Маршаку нравилось, как она его отстаивает, и в конце концов он согласился, что так оно и есть. Из многочисленных поездок он слал ей письма и телеграммы, где по пунктам были перечислены задания: в каком черновике что исправить, какой вариант перевода выбрать, в какой журнал или издательство отнести, с кем договориться о переносе сроков публикации и т. п. Во время блокады он посылал Габбе с оказией продуктовые посылки и добился у наркома просвещения В. П. Потемкина, чтобы Габбе и другого редактора Ленинградского отделения Детгиза А. И. Любарскую перевели в Москву.

В 1943 году по детским театрам страны разошлась ее пьеса «Город мастеров», вскоре после войны — «Авдотья Рязаночка». Она продолжала работать над переводами сказок народов мира. 16 октября 1954 года Маршак дарит ей свою книгу «Кошкин дом» с большим посвящением, начинавшимся так: «Пишу не в альбоме — / На «Кошкином доме», — / И этим я очень стеснен. / Попробуй-ка, лирик, / Писать панегирик / Под гулкий пожарный трезвон»³⁹. Тогда же вышел подготовленный Габбе солидный сборник, озаглавленный по одной из сказок — «Как петушок попал на крышу».

Она умерла за неделю до своего 57-летия. В Московском Театре Сатиры готовилась постановка ее последней сказки-комедии «Волшебные кольца Алманзора». Спектакль с музыкой композитора В. И. Рубина, с замечательными декорациями В. В. Иванова («гриновский» парусник на фоне голубого неба, наверное, помнится театрам и через 40 лет), замечательная игра Веры Васильевой (Януария, королева Фазании и Павлинии), Бориса Рунге (министр двора Флюгеро) и других актеров сделали «Кольца» культовым спектаклем, как «Синяя птица» Метерлинка и «Три толстяка» Олеси во МХАТе. Вообще можно сказать, что настоящий успех пришел к Тамаре Григорьевне после кончины. «Волшебные кольца» шли с аншлагом целое десятилетие. В 1961 году со вступительной статьей Маршака вышел сборник ее пьес-сказок «Город мастеров». В 1962 году — подготовленный Габбе совместно с А. Любарской, с иллюстрациями В. Конашевича сборник «По дорогам сказки». За десятилетие он выдержал три издания. В 1966 году в Новосибирске вышел сборник сказок, собранных и обработанных Тамарой Габбе, «Быль и небыль». В сопровождающей его статье Маршака говорится: «Я давно люблю русские сказки и знаю их, как будто, не худо. Однако я прочел сбор-

ник Т. Г. Габбе, как новую, еще незнакомую книгу. Многие сказки в этом сборнике были мне попросту неизвестны раньше, другие повернулись ко мне какой-то новой, неожиданной стороной. Сборники сказок обычно считают достоянием детей. Эта книжка по характеру своему отнюдь не детская. В сказках и легендах, входящих в нее, живет та взрослая, чуть ироническая и спокойная мудрость, которая является результатом большого и нелегкого жизненного опыта»⁴⁰. «С этим человеком связывали меня тридцать лет общей работы, общих мыслей и чувств... Пожалуй, главным ее талантом была доброта — особенно драгоценная и действенная в сочетании с острым умом и редкой наблюдательностью»⁴¹. В статье, посвященной 30-летию издательства «Детская литература», Маршак пишет, что Габбе — «автор высокопоэтических пьес-сказок и в то же время тонкий критик и превосходный редактор, неизменный друг писателей»⁴². Памяти Т. Г. Габбе Маршак посвятил свои воспоминания «В начале жизни», а соавтор по сборнику «По дорогам сказки» Александра Любарская — сборник пересказанных ею норвежских сказок Асбьернсена «Вороны Ут-реста», вышедший в Детгизе в 1962 году.

9 августа исполнилось 95 лет со дня рождения Леониды Пантелеевой (настоящее имя Алексей Иванович Еремеев). Вульгарно-социологический подход к оценке детской литературы в 20-е годы проявился не только в борьбе со сказкой и другими видами фантастики, но и в попытках разделить детских писателей и журналистов «по разрядам». В первую группу зачислялись так называемые буржуазные писатели (К. Чуковский), во вторую — «попутчики» (Маршак, Житков, Бианки, Ильин, Григорьев), которые якобы «недостаточно еще близки к нам в идейном отношении». В третью — пролетарские писатели (Олейников, Гайдар, Пантелеев)⁴³. Строго говоря, это примитивное деление очень мало касалось сословности как таковой. Тот же «буржуазный» Чуковский был внебрачным сыном одесской работницы, происходящей из крестьян, и был отчислен из пятого класса гимназии как дитя «низкого происхождения». Зато Гайдар по матери был дворянином, потомком костромских воевод Сальковых. Пантелеев тоже родился в семье военного и первые девять лет прожил безбедно. Революция помогла «забыть» непролетарское происхождение Гайдара, в 17 лет командовавшего красным полком, а Пантелеева сделала беспризорником — тоже своего рода пролетарием, как и его товарища — барона Мстислава Вольфа фон Оффенбаха. Революция лишила их родителей, привычной среды, спокойной жизни. Маленький Ленка Еремеев воровал, попадал в разного рода детприемники, снова воровал, снова попадался, пока сам не решил изменить свою жизнь. Он оказался в «школе для дефективных детей», которая на самом деле была совсем неплохой и сумела перевоспитать маленьких карманников, домушников, налетчиков, сделав из них полноценных для общества людей. Называлась школа именем Достоевского, в то время были в моде аббревиатуры, и ученики прозвали свою школу

«ШКИД» или «ШКИДа», им импонировало сходство придуманного названия со словами «шкет» и «шкода». В маленькой «Республике ШКИД» выходило 60 периодических изданий всех типов и направлений, примерно по одному на каждого ученика, естественно, каждый пытался публиковаться, оттачивая, как мог, свое перо. Алексей Еремеев — в том числе. Както в кинотеатре «Амфир» на Садовой перед началом сеанса он услышал куплетиста с частушками «на злобу дня». Вернувшись домой, он написал на тетрадном листе несколько куплетов типа: «Курсы золота поднялись / По причине нэпа, / В Петрограде на Сенной / Три лимона репа». Он отправил стихи в «Красную газету» и забыл о них. Но вскоре кто-то из ребят прочитал в газете его имя и обращенные к нему слова: «Присланные Вами «Злободневные частушки» — не частушки, а стихи Вашего собственного сочинения. Не пойдет». Имя товарища, напечатанное в газете, потрясло всех учеников школы. Чтобы заглянуть в газету, выстраивалась очередь. Так в Шкидской республике появился еще один литератор, и на этот раз литератор с «именем». Прошло немного времени, и ему пришлось проявить свои способности уже не на шкидской арене — на благо республики, которая стала ему родной и близкой. Его старшим товарищем по перу станет Григорий Бельх, ученик той же школы. Они вместе напишут и в 1927 году издадут повесть «Республика ШКИД». К тому времени старшему писателю будет 21 год, а младшему — 19. Рукопись попала в редакцию детской и юношеской литературы Госиздата. «Сотрудники редакции и близкие к ней литераторы, — вспоминает Маршак, — (а среди них были известные теперь писатели Борис Житков, Евгений Шварц, Николай Олейников) читали вместе со мной эту объемистую рукопись и про себя и вслух. Читали и перечитывали. Всем было ясно, что эта книга — явление значительное и новое»⁴⁴. Как отмечает М. И. Алексеева, «Для литературы о беспризорниках в 20-е годы характерны или романтизация беспризорничества, или слезливая сентиментальность, жалостливость по отношению к этим обездоленным судьбой детям. Авторам рассказов и повестей о беспризорниках, печатавшихся на страницах детских журналов, свойственны реалистический подход к теме, правдивое изображение жизни беспризорников. Все эти произведения о беспризорниках перекликаются с журнальной публицистикой тех лет, с документально точными рассказами о жизни»⁴⁵. «Республика ШКИД» оказалась такой же.

Критикой повесть была встречена неоднозначно. Увлеченная внедрением профориентации в школы Крупская озаглавила свою рецензию в «Правде» «Воскресшая бурса». «Добросовестно нарисованной картины «педагогической неудачи» назвал книгу блиставший в те годы А. С. Макаренко. Комментируя это высказывание, С. Я. Маршак писал: «Автор «Педагогической поэмы» подходит к петроградской школе имени Достоевского как строгий критик-педагог, резко и решительно осуждающий распространенное тогда в литературе любование романтикой

беспризорщины. Но не надо забывать, что «Педагогическая поэма» была итогом долгого опыта воспитательной работы, а «Республику ШКИД» написали юноши, только что покинувшие школьную парту. И все же им удалось нарисовать правдивую и объективную, «добросовестную», по выражению А. С. Макаренко, — картину, выходящую далеко за рамки школьного быта»⁴⁶. Очень тепло отозвался о книге А. М. Горький. Он писал в Кураж воспитанникам колонии своего имени: «Я очень ценю людей, которым судьба с малых лет нащелкала по лбу и по затылку. Вот недавно двое из таких написали и напечатали удивительно интересную книгу... Книгу они сделали талантливо, гораздо лучше, чем пишут многие из писателей зрелого возраста. Для меня эта книга — праздник, она подтверждает мою веру в человека, самое удивительное, самое великое, что есть на земле нашей»⁴⁷.

Так юные воспитанники ШКИД стали писателями. Некоторые рассказы они писали вместе («Летопись». — «Пионер» — 1927. — № 4; «Кляузная сляма» — «Пионер» — 1927. — № 9), но чаще — отдельно, в основном их сюжеты были «шкидскими»: «Лапти», «Дом веселых нищих» — у Бельх, «Карлушкин фокус», «Портрет», «Часы» — у Пантелеева. «Республика ШКИД» была одной из любимых книг юношества, но в конце 30-х ее перестали издавать: Г. Г. Бельх погиб, став жертвой культа личности. Пантелеев тяжело перенес удар (не единственный! Пропали без вести, погибали и другие писатели из его окружения — Н. Олейников, Д. Хармс). Продолжать «шкидскую» тему пришлось ему одному. В 1939 году вышли повести «Последние халдеи» и «Ленька Пантелеев» (значительно расширенная одноименная глава «Республики ШКИД».

Еще одной из его любимых тем была героика — мирная, военная («Пакет», «Ночка», «На ялике»). В 1942 году он пишет повесть «Гвардии рядовой» — о подвиге Александра Матросова, человека близкой Пантелееву судьбы — тоже беспризорника, тоже детдомовца. Но и в самые трудные блокадные, военные годы он пишет светлые рассказы о детях — «Честное слово», «Новенькая», «Буква ТЫ» (пересказываемая в детских компаниях как веселый анекдот). Этот рассказ в течение десятилетий постоянно звучал в радиопередаче «Моя любимая книжка» — по заявкам самых маленьких слушателей. Рассказ «Белочка и Тamarочка» тоже в течение многих лет Центральное радио включало в программу «Взрослым о детях».

Л. Пантелеев был одним из писателей, облаканных кинематографистами. По его книгам сняты фильмы «Большая стирка», «Пакет», «Республика ШКИД», «Часы», «Честное слово». После войны он издает свои дневники и записные книжки (1964 — «В осажденном городе», 1965 — «Январь»), воспоминания о Горьком, Маршаке, Шварце. Шварц дружил с Пантелеевым до конца жизни. Одна из последних записей в его дневнике гласит: «24 апреля 1956 г. Звонил из Комарова Пантелеев, и привязанность к жизни стала еще отчетливее. Он хвалит тамошнюю жизнь. И мне захотелось туда...»⁴⁸ Дневники Шварца

содержат много упоминаний имени Пантелеева, сюжетов из его жизни и даже обстоятельно нарисованный портрет Алексея Ивановича: «Выглядит он своеобразно. Перебитый в детстве нос делает его лицо некрасивым. Черные глаза, строгие и умные, замечаешь не сразу. Широкий с провалом нос придает и глазам Алексея Ивановича оттенок болезненный, нехороший. Но через некоторое время особое обаяние его непростого лица заставляет забыть первое ощущение. Суровое, печальное выражение его покоряет. Замечаешь маленький горестный рот под короткими усиками. Густые, преждевременно поседевшие волосы — седину в них я увидел чуть ли не в первую нашу встречу — двадцать пять лет назад — дополняют общее впечатление, печальное и достойное. Держится он независимо, несколько даже наступательно независимо. Эта независимость, даже когда он молчит, не теряя своей наступательной окраски. А он крайне молчалив. При всей своей мужественной суровости, замкнутости, в одиночестве он не остается. Более того — он избалован вниманием. Отношения его к женщине странны. Точнее — никто не знает его романов»⁴⁹.

«За моей спиной четыре войны, блокада, культ личности, репрессии, утрата близких, — писал Пантелеев. — Все это время я, как и многие мои сверстники, жил по-походному, на бивуаках, никогда не забывая вещей слов Хемингуэя о том, что «наше поколение мобилизовано на пятьдесят лет»⁵⁰. Человек, посвятивший себя детям, писавший о детях и для детей, долго не имел семьи. Уже далеко за сорок он познакомился с грузинкой Элико. Она была намного моложе, но тоже пережила блокаду, смерть маленького сына. В 48 лет Пантелеев стал отцом. «Появление в моей семье дочери было благодатью, какой не знают, вероятно, родители более молодые», — писал счастливый отец. Подробные записи первых четырех лет жизни дочери уместились в 11 толстых тетрадях. В 1966 году они были изданы под названием «Наша Маша». Когда-то нечто подобное издал К. Чуковский, но он собирал высказывания разных детей, а тут одна «Наша Маша».

«Вчера ночью...оставил записку: «Дорогие мои спящие красавицы! Прошу разбудить тогда-то»... Машка уже давно читает эти утренние послания совершенно самостоятельно. Прочла и эту и с усмешкой говорит: «Ты тоже, оказывается, в балерины попала!». Для нее «спящая красавица», по-видимому, связано только с балетом. Что тут замешано слово «спать», ей в голову не приходило...

Утром, забравшись к матери в постель, рассказывает ей сказку: «Коровы устроили собрание и решили, что нельзя телятенок резать... А лев в зоопарке захотел мяса и стал клетку ломать,... вырывать прутья и реветь. Вдруг видит — идет Лев Толстой. Лев повернулся и ушел в клетку»⁵¹.

«Наша Маша» давно не переиздавалась, а стоило бы читать ее каждому поколению молодых родителей — чтобы учиться родительской любви и родительской мудрости, выдержке, терпению, особой родительской педагогике, чтобы соизмерять, нако-

нец, что может твой собственный ребенок и эта четырехлетняя Маша, для развития которой родители не жалели ни времени, ни сил.

19 октября 2003 года исполнилось 75 лет со дня смерти Бориса Житкова, 15 ноября — 50 лет со дня смерти М. Ильина (Ильи Яковлевича Маршака). В годы, когда очерковая литература для детей признавалась чуть ли не единственно возможной и нужной, имена этих пионеров научной публицистики для детей, печатавшихся в «Новом Робинзоне», «Пионере», «Юном натуралисте», почти всегда стояли рядом. Так запечатлелись они и в критических работах о детской литературе 20-х — 30-х годов: «Оба они — в отличие от множества популяризаторов науки и техники — оставались в очерках художниками, говорили языком образов»⁵². «Художественность материала на научные и технические темы помогла Житкову и Ильину избегать сложных специальных описаний. Образы, сравнения давали возможность обходиться без терминов или использовать их тогда, когда юному читателю была уже понятна суть описываемого»⁵³. «Опыт работы в детской периодической печати В. Бианки, Б. Житкова, М. Ильина... убедительно доказывал: синтез знаний и убеждений журналиста, помноженный на литературное мастерство, является той пружиной, которая, срабатывая, «включает» эмоции читателя, заставляя его размышлять, переживать, действовать»⁵⁴.

Борис Степанович Житков взялся за перо в 42 года. В мемуарной литературе есть много свидетельств его прихода в «Новый Робинзон». **Маршак:** «Нам сразу стало ясно, что перед нами не случайный человек, пробующий силы в литературе, а вполне сложившийся писатель. Вся наша редакция в полном составе вышла в коридор, чтобы приветствовать Бориса Житкова, его зрелый талант и молодой задор»⁵⁵. **Шварц:** «Самуил Яковлевич мне сказал, что появился новый удивительный писатель Борис Житков. Ему сорок один год... Он до сих пор не писал. Он и моряк — штурман дальнего плавания, — и инженер — кончил Политехнический институт, и так хорошо владеет французским языком, что, когда начал писать, ему легче было формулировать особенно трудные мысли по-французски, чем по-русски... Гимназию кончил он в Одессе, вместе с Корнеем Чуковским, и, попав в Ленинград, свою рукопись принес к нему, но тот ничего не сделал. Тогда Маршак заставил Житкова писать по-новому (то есть просто, без литературщины. — Т.Л.)»⁵⁶.

Детские издания того времени спешили рассказать юным читателям о «буднях великих строек», о достижениях науки и техники. Рассказывать о таких серьезных вещах понятно было дано не каждому. Житков умел это делать. Одна из важных функций образа журналиста в детской периодике — компенсация социального, нравственного, жизненного опыта, которого у юного читателя совсем немного. Стараюсь наладить контакт с читателем, Житков рассказывает, как менялось его представление о предмете, например, о ледоколе, по мере знакомства с ним: «Я представлял себе, что он узкий, как ножик, и тяже-

лый, как утюг. Что он с разгону будет носом долбить лед, как топором. Я его увидел. Совсем не ножик, наоборот. Он круглый какой-то, как яйцо. С высоченной трубой, как на самоваре»⁵⁷.

Иногда для того, чтобы сделать тот или иной процесс зримым, объяснимым, он предлагает читателю самому произвести опыт: «Возьмите любую проволоку, суньте один конец в печку, а другой в руку возьмите, и почувствуете, как по проволоке дойдет до вас теплота. Значит ток, как теплота, идет по проволоке, и канала никакого не надо. Электричество тоже из той же породы — оно бежит по проволоке, только оно бежит очень быстро. Теплота пока доползет, а электричество в секунду десять раз вокруг земли обежать может»⁵⁸.

С приходом Житкова в «Новый Робинзон» в журнале появилась рубрика «Бродячий фотограф». Под ней публиковались фотоснимки из разных уголков страны с расширенными текстовками к ним. Житковым также были придуманы рубрики «Мастеровой», «Как люди работают». Круг его публикаций в «Новом Робинзоне» обширен. Это и экстремальные ситуации («Ураган», «Шквал»), и чудеса техники («Аэроплан», «Компас»), Рассказы о животных, о труде людей. Вскоре его рассказы стали выходить отдельными книжками: 1924 год — «Злое море», 1925 — «Морские истории», 1926 — «Про слона». Выступая на Первом съезде писателей, С. Я. Маршак говорил: «Сейчас у нас есть такие замечательные писатели, как Борис Житков, автор смелых и свободных «Морских историй», человек, написавший классическую книжку для детей, которая называется «Про слона». В этой маленькой книжке дается совершенно реалистическое и вместе с тем сказочное представление об Индии. Вот, например, прибытие в индийский порт: «Ведь это, знаете, когда сушишь едешь... все постепенно меняется. А тут две недели океан, вода и вода, — и сразу новая страна! Как занавес в театре подняли». Первый спуск на берег. Первая встреча со слонем на дороге. Все эти подробности запоминаются читателем надолго — почти как собственные впечатления. И не мудрено: Борису Житкову нигде не изменяет точность наблюдений, легкость глаза и меткость слова. Именно эти качества делают его, в сущности, довольно сложную и своеобразную прозу понятной и доступной маленьким читателям»⁵⁹.

Как заметил М. И. Холмов, «в шутку, и не без гордости, писатель называл себя «грузовиком», в противоположность тем, кто часто не обременял свои работы тяжеловесным познавательным материалом. Каждый раз делая в себе «большой обыск», Житков все так же стремился писать «с одного удара» — коротко, сжато, с туго и замысловато закрученной пружиной действия. Учиться ребенку должно, считал он, не тяжело, а радостно, трепетно, победно»⁶⁰. Как отмечает его коллега Евгений Шварц, Житков — старший по возрасту — охотно участвовал в розыгрышах, шутках, каламбурах молодых журналистов. «Веселый, отчаянно улыбающийся, он — равный нам, не взрослый, а все-таки старший, — сидел охотно в компании в пивной, угощал широко, когда бывали у него

деньги, повторяя одесскую флотскую поговорку: «Фатает, не в армейских...» Он любил принимать, и у него охотно бывали. Радоваться гостям — это далеко не такой частый дар. А он радовался настолько, что со свойственным ему нетерпением часто, не дождаввшись, встречал гостей на улице. Я любил, очень любил его небольшую и очень петербургскую, выходящую окнами в полутемный колодец двора квартиру. Войдя, попадал ты в коридор. Направо — дверь в кухню, дальше — дверь в столовую, дальше — в комнату, где стояло пианино и письменный стол Бориса... У пианино стоял попир с нотами... Борис учился скрипке потому, что это трудно, и еще потому, что ноту надо находить самому»⁶¹.

Он продолжал работать над новыми книгами для детей. В 1933 году с рисунками и чертежами М. Цехановского вышла работа «Про эту книжку» — рассказ о том, как делается книга, как набирается текст, как она верстается, печатается, как работают редакторы и корректоры. В 1936 году выходит проиллюстрированная В. Голицыным большая книжка «Пароход».

Болезнь спутала дальнейшие планы. Виталий Бианки рассказывал друзьям, что Житков пришел к нему с бутылкой коньяка, выпил ее один и, уходя, признался: «Получил повестку с того света». Евгений Шварц вспоминал: «Я заходил к нему. Он лежал на узкой своей койке, отошавший и побледневший, но неуступчивый. Иногда только мелькало в таком знакомом лице его незнакомое выражение как бы некоторого смущения, виноватости. Он не привык болеть. Говорили, что он болен тяжело, что у него рак легкого. Он перебрался в Москву к сестрам, и оттуда о здоровье его приходили все дурные вести, но я им не верил, не хотел верить. Я знал, как силен Житков. Мускулы у него были железные, выносили и упорство воистину морские»⁶². Он умер в 56 лет. Вскоре после его кончины вышла повесть «Что я видел», настоящая энциклопедия для детей, написанная от лица четырехлетнего мальчика. В 1940-м — «Телеграмма» (история связи от «живого» телеграфа древних до современного радио). В том же году — «Рассказы» со вступительной статьей Цезаря Вольпе и рисунками Б. Винокурова — трехсотстраничное издание, по существу, собрание сочинений.

Илья Яковлевич Маршак, младший брат Самуила Яковлевича, родился 10 января 1896 года в Бахмуте (Украина), откуда семья вскоре перебралась в Острогжск, и первые его впечатления от окружающего мира — острогжские: «Широкая Острогжская улица с маленькими домишками по сторонам, с пыльными кустами в палисадниках, со скамеечками у ворот. Улица — прямая и уходит далеко-далеко. Где-то вдали белая колокольня на фоне синего неба. И я думаю: «Хорошо бы дойти до конца улицы и влезть на небо»⁶³. Старший брат (разница между ними составляла 8 лет) всегда дивился глубококому духовному миру младшего и был поражен, прочитав в дневнике пятнадцатилетнего гимназиста такие строки:

*В глубине просветленной души
Собираются мысли, мечтания,*

*Расцветают в заветной тиши,
Распускаются в ясном сиянии.
Так неслышимый лесной ручеек
Порождает реку голосистую,
Так тяжелый березовый сок
Собирается в каплю душистую*⁶⁴.

Больше всего ему нравилось наблюдать за муравьями и за звездами. Но ни энтомологом, ни астрономом он не стал. Окончив гимназию с золотой медалью, он поступил на физмат Петербургского университета (и занимался там главным образом астрономией), но революция смешала все планы. Пошел лаборантом на нефтеперегонный завод, увлекся химией, поступил в Технологический институт. «Еще со школьных лет, — отмечает старший брат, — у него была непреодолимая потребность делиться с другими тем, что увлекало его самого. Это и привело его к перекрестку, где встречаются наука и литература»⁶⁵. В 1924 году 18-летний студент Илья Маршак пришел в «Новый Робинзон». Поскольку один Маршак там уже был, студент стал подписывать свои материалы «М. Ильин».

Говоря о детских журналах 20-х годов, М. И. Алексеева подчеркивает, что перед их журналистами «стояла очень сложная задача. Вместо разрозненных, неподвижных представлений о природе, об обществе надо было показать ребятам живую, вечно меняющуюся связь явлений... Кроме того, необходимо было связать самые различные научные и технические проблемы с действительностью»⁶⁶. Лучше всего с этим справлялись прошедший огонь и воду Житков и совсем юный Ильин. Первый учил второго показывать науку и технику в росте, в развитии, в борьбе идей и замыслов. Таково, например, описание автомобиля, с первой машины, с «бабушки автомобиля», тележки Тюшо: «На вид она очень смешная: длинная, на трех колесах. Посередине на ней стул, а спереди — паровой котел. Должно быть, было забавно смотреть на нее, когда она двигалась: катится на тебя огромный дымящийся котел, будто суп везут»⁶⁷. Как и Житков, Ильин старается не просто излагать материал, он беседует с юным читателем, направляет его мысль, подсказывает, над чем стоит задуматься, какой найти выход из ситуации: «Ладно, вырыли мы шахты, вытащили уголь. Теперь вот в чем вопрос: что к чему везти: уголь к руде или руду к углю? Руды требуется больше. Ну, тогда дело ясное: уголь к руде везти, а не наоборот»⁶⁸. С первых дней работы в журнале М. Ильин организовал свою богато иллюстрированную рубрику «Лаборатория Нового Робинзона». Кроме описания эффектных химических опытов, которые можно было провести в домашней лаборатории, Ильин давал школьникам возможность увидеть химию в самой обыденной, житейской обстановке — в пекарне, прачечной, на домашней кухне. Одна из его первых книжек называется «Завод в кастрюле» (1928). Выразительные иллюстрации М. Цехановского (он же чаще всего оформлял и книжки Б. Житкова) делают содержание понятным даже самым маленьким школь-

никам. После того, как многие робинзоновцы под водительством Маршака и Житкова перешли на «большой корабль» — в Ленинградское отделение Госиздата, их книжки стали выходить регулярно. У Ильина в 1927 году вышла книжка «Солнце на столе», тогда же — «Который час?» (о том, как люди научились определять и измерять время), в 1928 году — «Черным по белому» (об истории письменности), в 1929 — «Сто тысяч почему» — карманная энциклопедия, рассказывающая школьнику об истории окружающих его вещей, в 1930 — «Как автомобиль научился ходить».

«Работа над этими книгами была для Ильина настоящей школой. Он научился собирать большой и разнообразный материал и приводить его в сложную систему. К тому же, рассказывая о вещах, он добился той четкости, естественности изображения, которая стала отличительной чертой его последующих, более сложных по замыслу книг»⁶⁹. Старые книжки по-прежнему издаются и переиздаются, так научно-популярный очерк «Который час?» к 1936-му году насчитывал уже восемь изданий, но Ильин работал над новыми книгами — обобщающими, суммирующими, прообразами будущих детских энциклопедий. В 1936 году вышли «Рассказы о вещах», объединившие ранее изданные книжки, а до этого Ильин написал две совершенно новые книги — «Рассказы о великом плане» (1930) и «Горы и люди» (1935). Содержание первой — планы пятилетки, содержание второй — их выполнение. Очевидно, не без влияния младшего брата то и дело берется за непривычные для него публицистические темы и Маршак («Почта», «Старше моря, выше леса», «Волга и Вазуза», «Ледяной остров», «Как печатали эту книгу», «Война с Днепром»). На двухстах тридцати страницах книги «Горы и люди» Ильин рассказывает, как орошаются пустыни, регулируется течение рек, расширяется количество плодородной земли. Оформитель книги, художник Н. Лапшин, снабдил ее не только выразительными рисунками, но и картами. Предисловие к «Горам и людям» написал А. М. Горький. Он назвал книгу Ильина «поэмой о настоящем». Она получила международное признание и была переведена почти на все европейские языки.

Встреча с Горьким подсказала Ильину еще одну «глобальную тему» — это своеобразная история человеческого разума от времен неолита до века двадцатого. Вместе с женой Еленой Сегал Ильин писал эту книгу с 1936 по 1946 год. Он посвятил ее памяти Горького и начал книгу с разговора с ним: «Он сказал: знаете, как я начал бы эту книгу? Представьте себе бесконечное пространство. Звезды, туманности... Где-то в глубине гигантской туманности загорается солнце. От солнца отделяются планеты. На одной маленькой планетке материя оживает, начинает осознавать себя. Появляется человек...»⁷⁰ В двадцати девяти главах шестисотстраничного издания Ильин и Сегал рассказывают, как человек проходил «школу-тысячелетку», переходя из детства в юность, из юности — в зрелость, наблюдая, сопоставляя, вычисляя и делая выводы. Пути развития мысли связа-

ны в книге с путями истории. Читатель встречается с путешественником Геродотом и слушает в гавани рассказы моряков, попадает в избранное афинское общество, узнает, как рабы поднимаются против рабовладельцев, как маленькая Иудея воюет с могучим Римом... Книга заканчивается временем Коперника. Ильин и Сегал собирают материал для продолжения этого солидного труда. Параллельно Ильин продолжает выпускать новые книги. В 1947-м выходит «Человек и стихия», в 1948-м — «Путешествие в атом», в 1952-м — «Рассказы о том, что тебя окружает». Только близкие друзья и родственники знали, какой ценой это достается: с раннего детства его здоровье оставляло желать лучшего. 5 ноября 1953 года старший брат пишет младшему нежнейшее письмо, называя его детским именем: «Мой милый, дорогой Люсенька! Спасибо тебе за добрые и мудрые строчки. Нужно быть очень богатым и щедрым — душевно — человеком, чтобы из больничной палаты посылать близким людям такие чудесные слова одобрения и утешения. Крепко тебя целую и благодарю, мой дорогой брат и друг. Почему-то я вспоминаю то время, когда ты болел в юности, и те прозрачные и светлые стихи, которые ты тогда писал. Во времена испытаний всегда сказывались твои неисчерпаемые душевные силы»⁷¹.

Через десять дней Илья Яковлевич скончался. Он прожил всего 58 лет. «Мы умираем каждый раз с умершим человеком», — писал Маршак и добавлял:

*Но погрузится мир без нас
В былое, как в потемки,
В нем будет вечное сейчас,
Пока живут потомки.*

Так стоит ли «погружаться в потемки», забыв о тех, с кем мы выросли и стали людьми?

Примечания

1. Кончаловская Н. П. Наша древняя столица. — М., 1972. — С. 223.
2. Там же. — С. 85.
3. Цит. по: Пришвина В. Д. Путь к Слову. — М., 1984. С. 52.
4. Там же. — С. 53.
5. Там же. — С. 96.
6. Там же. — С. 56.
7. Там же.
8. Там же. — С. 146.
9. Пришвин М. М. Весна света. Избранное. — М., 1955. — С. 659.
10. Путь к Слову. — С. 135.
11. Цит. по: Пришвина В. Д. Наш дом. — М., 1977. — С. 8.
12. Пришвин М. М. Лесной хозяин. — М., 1954. С. 274.
13. Пришвин М. М. Весна света. — С. 401.
14. Пришвин М. М. Светлая капля // Круглый год. — М., 1976. С. 71.
15. Пришвин М. М. Пень-муравейник // там же. — С. 231.
16. Пришвина В. Д. Наш дом. — С. 172.
17. Пришвин М. М. Весна света. — С. 666.
18. Пришвин М. М. Лесной хозяин. — С. 204.
19. Там же. — С. 167.
20. Там же. — С. 210.
21. Там же. — С. 169.
22. Там же. — С. 181.
23. Там же. — С. 170.
24. Серая Сова. Саджо и ее бобры. — М., 1968. С. 4.
25. Пришвин М. М. Серая Сова. — М., 1971. С. 172.
26. Пришвин М. М. Лесной хозяин. — С. 122.
27. Пришвин М. М. Наш дом. — С. 50.
28. Пришвин М. М. Весна света. — С. 667.
29. Пришвин М. М. Наш дом. — С. 59.
30. Пришвин М. М. Весна света. — С. 667.
31. Пришвин М. М. Цветущие травы // Круглый год. — М., 1976. С. 156.
32. Шварц Е. Л. Живу беспокойно ... Из дневников. — Л., 1990. — С. 616–617.
33. Там же. — С. 616.
34. Новый Робинзон. 1924. № 8. С. 2.
35. Лабулэ Э. Пальчик. Перевод Т. Г. Габбе // По дорогам сказки. — М., 1973. С. 379.
36. Там же. — С. 380.
37. Там же. — С. 383.
38. Шварц Е. Л. Указ. соч. — Л., 1990. С. 617.
39. Маршак С. Я. — Тамаре Григорьевна Габбе. Надпись на книге «Кошкин дом». Собр. соч.: В 8 т. Т. 5.
40. Маршак С. Я. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. — М., 1971. С. 602.
41. Там же. Т. 5. — С. 647.
42. Маршак С. Я. Книга для детей должна быть произведением высокого искусства // Литературная газета, 1963. 17 декабря.
43. Холмов М. И. Становление советской журналистики для детей. — Л., 1983. С. 158.
44. Маршак С. Я. Об этой книге. Предисловие к кн.: Белых Г., Пантелеев Л. Республика ШКИД. — Л., 1973. С. 10.
45. Алексеева М. И. Советские детские журналы 20-х годов. — М., 1982. С. 97–98.
46. Маршак С. Я. Об этой книге. — С. 10.
47. Горький А. М. Собр. соч. Т. 30. — М., 1956. С. 17.
48. Шварц Е. Л. Указ. соч. — С. 571.
49. Там же. — С. 137.
50. Пантелеев Л. Наша Маша. — Л., 1966. С. 5.
51. Там же. — С. 344.
52. Маршак С. Я. Дом, увенчанный глобусом // Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. — М., 1971. С. 565.
53. Алексеева М. И. Указ. соч. — С. 124.
54. Холмов М. И. Указ. соч. — С. 177.
55. Маршак С. Я. О Б. Житкове // Жизнь и творчество Б. С. Житкова. — М., 1955. С. 9.
56. Шварц Е. Л. Указ. соч. — С. 232.
57. Житков Б. С. Ледоколы // Пионер, 1927. № 4. С. 7.
58. Житков Б. С. Волховстрой // Пионер, 1927. № 2. С. 9.
59. Маршак С. Я. О большой литературе для маленьких // Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. — М., 1971. — С. 237.

60. Холмов М. И. Указ. соч. – С. 171.
61. Шварц Е. Л. Указ. соч. – С. 241–242.
62. Там же. – С. 248.
63. Цит. по: Маршак С. Я. Поэзия науки // Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. – М., 1971. С. 405.
64. Там же. – С. 411.
65. Там же. – С. 413.
66. Алексеева М. И. Указ. соч. – С. 123.
67. Ильин М. Бабушка автомобиля // Еж, 1929. № 10. – С. 15.
68. Еж. – 1929. – № 10. – С. 16.
69. Маршак С. Я. Поэзия науки. – С. 415.
70. Ильин М., Сегал Е. Как человек стал великаном. – М., 1967. – С. 6.
71. Маршак С. Я. – И. Я. Маршаку (М. Ильину). Собр. соч. в 8 томах. Т.8. – М., 1972. – С.272.
Маршак С. Я. – Собр. соч. в 8 томах. Т.5. М., 1970. – С. 627.
- г. Воронеж.

В 2003 году в Воронежском университете открылся диссертационный совет Д 212.038.18 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по филологическим наукам (специальность 10.01.10 – журналистика).

14 ноября состоялась защита кандидатской диссертации Цуканова Е. А. «Информационная среда как фактор социального и нравственного здоровья человека». Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Тулупов В. В. Официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор Акопов А. И., кандидат филологических наук Марочкин А. И. Ведущая организация – Московский государственный университет.

В диссертационном исследовании Цуканова Е. А. рассмотрены проблемы манипулятивных возможностей современной информационной среды, определены место и роль информационной среды в экосистеме «человек – социум», описаны ее структура и функции, сформулированы методы регуляции негативных информационных процессов, затрагивающих социальное и нравственное здоровье современного человека.

Теоретические выводы диссертации могут быть использованы при подготовке профессиональных журналистов, рекламистов, специалистов по связям с общественностью в рамках чтения спецкурсов «Информационная безопасность в постиндустриальном обществе», «Экология социальной коммуникации».

Владимир Тулупов

Серьезно и почти...

*Тятя, тятя! – плачут дети,
Смотрит жалобно студент...
Вот такие наши сети,
Вот такой у нас момент.*

*Подпись требует коллега,
К телефону – ректорат...
Так с утра и до обеда,
И до ночи... Сам не рад.*

*По рассказам помню речку,
А по песням – лес и луг...
Я поставлю Богу свечку,
Если даст мне пять минут...*

*Лучше – час, неделю, месяц.
Вот когда я развернусь!
Славлю лень! Вина и песен!
Через тридцать дней вернусь!..*

*Как хорошо жить толстокожим:
Спокойным от природы быть,
Не реагировать на рожки,
Не нервничать и не спешить...*

*Еще прикольной – пофигистом
(Его ничто не достает).
Лафа нештатным журналистам –
Гуляй все ночи напролет...*

*Как славно жить вне распорядка:
Лишь в полдень покидать кровать,
Лениво думать, что зарядка
Ведь тоже может напрягать...*

*Он наделен талантом разным –
Небритый, разбитной народ.
Желанье стать таким же праздным
И к нам приходит, но раз в год...*

*Отличный парень Креатив:
Он возвращает девам силы!
Беспечный, бесконечно милый –
Как незатейливый мотив...*

*Чудесный парень Креатив:
С ним чувствуешь движение крови
И ощущаешь прелесть нови,
Младой энергии прилив...*

*Хороший парень Креатив:
Не ждет серьезных обязательств,
Каких-то нудных доказательств...
Он прост – как фотообъектив.*

*Нормальный парень Креатив:
Расстаться можно без упреков
И, ограничившись намеком,
Сдать впечатления в архив...*

*Звуки «скорой», лай собаки,
Дворничиха вновь орет
(С алкашом у них до драки
Вновь дискуссия дойдет)...*

*Где-то музыка играет,
Где-то песенки поют:
Город трудно засыпает –
Молодые не дают...*

*Мне бы выбраться на дачу,
Где покой и лепота,
Где душевных сил не трачу –
Отступает суета...*

*Где тюльпаны и пионы
И калина бульдонеж,
Где – без копоты, бетона,
Без бензина, шума без...*

Голос трактора чарует,
Озонирует компост...
Душу дача формирует,
В ней — залог метаморфоз!

Весна проходит мимо нас,
Да что проходит — пролетает,
Сначала льдом и снегом тает,
Потом сиренью отцветает,
И все без нас, без нас, без нас...

Заглянет солнце в кабинет,
Прогонит прочь седые тени...
В окно проникнет трель свирели,
Но в этом мае и апреле
Опять нас не было и нет...

Весна, похожая на жизнь,
Природой связанная с нами,
Нам шепчет юными устами:
«Пришла... А вы уж выбирайте сами —
Парить или опускаться вниз...»

Может, это звучит и не ново,
Но скажу: мы похожи на лес,
И у каждого ствол есть и крона,
Корни, ветви с листвою и без...

И деревья, как люди, болеют,
Только молча (но если бы знать!)...
А потом на века каменеют,
Чтоб прожилками в скалах предстать.

Древо наше с годами грубеет,
Но внутри, в самом первом кольце, —
Память детства... Она не стареет
И хранится, как лед в погребце.

Вот уже — макушка лета,
Только солнца так и нету,
И надежду — жди-не жди —
Заливают вновь дожди...

Мы и в жизни нашей грешной,
Расточительной и спешной,
Лишь надеждою живем:
Мол, успеем, мол, споем,

Мол, увидим и узнаем,
Мол, полюбим, наверстаем!..
К солнцу, к морю — мы в дороге!
Глядь: уж осень на пороге...

День прощальный, хмурый, межсезонный —
Осенью пахнуло как-то вдруг...
Скоро, скоро поезд многотонный
Увезет тебя далеко, друг.

Город древний — и родной, и темный —
Встретит и печально лишь вздохнет...
Снова день наступит беспокойный,
И тоска как будто отойдет.
Только изредка кольнет у сердца,
Жар воспоминания обдаст...
Оглянувшись, ты прикроешь дверцу...
Не грусти — увидимся, бог даст.

Поколение

Повстречавшись, друг друга узнаем,
Потому что мы общее знаем,
Потому что мы общее любим —
Унесем, сохраним, не забудем...

Наши батеньки — прошли всю войну, —
Славно выпив, поют «Целину»...
Самодельный ковер, на комод
Грустно выстроились слоники (в моде!),
На обложках журналов цветные —
Белка, Стрелка...
Совсем молодые
Наши мамы поют про Саратов,
Где живет кавалер, но женатый...

Кристаллинская, Пьеха, Гагарин,
Жан Марс, Битлз, Хиль...
Вроде стали
Жить получше: болонья, капрон,
У соседей — «Рекорд», телефон!
Нас спасала картошка, но разве
Вы сегодня представите в праздник
Эту радость: в заветном кулече
Мандарин и зефир!
В кулачке
Зажимаешь красивые фантики —
И несешь однокласснице в бантиках...
Взяв коньки напрокат, нарезаешь
На «Гастелло» круги и не знаешь:

Может, битый придешь, может — нет
(От уфимской шпаны много бед)...

Ободзинский, Делон и Высоцкий,
«Песняры», КВН и Тарковский,
Стройотряды, хоккей, водолазка,
Брюки-клеш, в универе подсказки,
И романы, и свадьбы, и дети
(За которых всегда мы в ответе!)...

Брежнев и похоронные сводки,
Горбачев, покушение на водку,
Вечно пьяный Борис и реклама,
Смерти близких друзей...

У экрана
Нашей жизни стоим, наблюдаем,
Что же дальше нас ждет?
Мы не знаем...

Как хорошо спокойно жить,
Спокойно есть, спокойно пить,
Спокойно раненько вставить,
Постель спокойно убирать,
Сходить спокойно в туалет,
Спокойно сделать марафет,
Посуду грязную помыть,
На службу не спеша отбыть...
Спокойно отвечать жене,
Поправить фото на стене,
Спокойно просмотреть газеты,
По телевизору сюжеты —
Спокойно, как и все, стареть.
К утру спокойно умереть...

Жизнь коротка — теперь я это знаю
(Плати за право мыслить, человек!)...
На что же нынче, мудрый, уповаю,
Чем успокоен, доживая век?

Всесильно Время, неостановимо
Печатает трагически шаги:
Казалось медленным, теперь неумолимо
Набрало скорость, делая круги...

Его бы раздробить до бесконечности,
Вписавшись плотью в каждое мгновенье,
Остаться — здесь, сейчас, а значит — в вечности,
Найти в привычном счастье со-творенья...

Но мысль заиклилась на дне минувшем
Или галопом в будущее мчит...
Сегодняшнему дню ты будь послушным,
Мгновению — оно не огорчит!

Памяти ушедших

Друзья уходят... Вот и ты ушел...
И смотришь с укоризною со снимка:
«Ну, как вам нынче — плохо, хорошо —
В условиях наступающего рынка?
Что завтра предпочтете, мужики, —
Служенье музам иль служенье власти?
Игру ва-банк, а может, в поддавки,
Колоду набивая ходкой мастью?..»

Так все-таки пока гореть свече?..
Наступит утро и пройдет ненастье?..
...А дочка тихо плачет на плече,
Впервые заглянувшая в несчастье.

Черное на белом — грустно,
Человек ушел — пусто...
Люди собрались молча:
Кто на мир навел порчу?

Лучшие ушли стайкой —
Каждый со своей тайной.
Нам осталось жить порознь —
На костер нести хворост...

Увы, все больше грустных дней:
Сошлись в очередь потери...
Привыкли к смерти... В общем, к ней
Все движемся — стоим у двери...

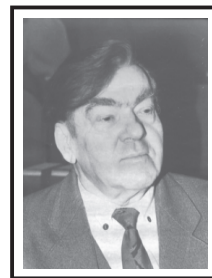
На входе в мрачный гардероб
Стоит суровый гардеробщик
И вынимает номерок,
И выдает... Никто не ропщет.

Раз так — не стоит торопить
Судьбу, печалиться заране.
Раз так — мы будем просто Жить!
Жить, избегая предсказаний!

г. Воронеж.

Рабочий человек

...Старики уходят, и с этим ничего не поделаешь... Последние годы Георгий Владимирович Антюхин отчаянно сопротивлялся болезни. Фронтвик, он защищал последний рубеж своей жизни с мужеством и отвагой солдата, отчетливо понимавшего, что отступать некуда.

И — нельзя!

В Воронеже Георгий Владимирович был фигурой легендарной — с него начинался будущий факультет журналистики, он активно способствовал созданию литературных музеев в Воронеже и Ново-Животинном, вел телевизионные передачи, выступал на радио, писал в газеты и журналы.

Студенты любили профессора Антюхина — число его курсовиков и дипломников всегда превышало академические нормативы, но как запретить учителю общаться с учениками, если тот необычайно «вкусно» рассказывает о пережитом — о войне, участником которой он был; о людях, с которыми встречался.

Был доктор филологических наук Георгий Владимирович Антюхин великим фантазером. Вот пришло ему в голову создать научный кружок из студентов-заочников.

И — создал!

Вот пришло ему в голову организовать на журфаке музей истории местной печати.

И — организовал!

Вот решил он однажды, что пора собрать по России всех изучающих историю региональной прессы и учредить академию наук региональной печати России.

И — учредил!

Естественно, был единодушно избран президентом этой академии.

И все это выходило у Георгия Владимировича как-то играючи. Скажет, как бы мимоходом, на заседании кафедры или на ученом совете: «А хорошо бы...». А потом глядишь — дело сделано.

Несколько книг оставил после себя Георгий Владимирович, свыше двухсот статей. Ученики профессора Антюхина сами защищали диссертации, выходили, как говорится, в люди. А сам профессор Антюхин предпочитал держаться в тени.

Но — работал.

Стал заслуженным работником культуры Российской Федерации, лауреатом нескольких журналистских премий, его имя занесено в «Золотой фонд Воронежской области».

Награды воспринимал скептически и, кажется, больше всех собственных наград гордился орденом Ленина, врученным его отцу — ветерану завода имени Дзержинского:

— Отец мой был рабочим человеком.

Рабочим человеком был и Георгий Владимирович Антюхин — без дела не сидел: учил студентов, писал книги, выступал перед разнообразной аудиторией...

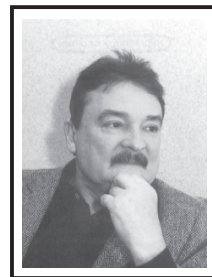
Когда приходилось звонить ему домой, на том конце провода неизбежно звучало доброжелательное:

— Вас слушают... Слушателей-ветеранов на журфаке ВГУ почти не осталось... Идут другие люди...

А. Кройчик.

Добрые дела помнятся долго

С Евгением Алексеевичем Корниловым в последний раз мы встретились в мае прошлого года: Женя неожиданно приехал к нам в Воронеж на традиционную весеннюю научную конференцию. Приезд декана Ростовского университета был неожиданным потому, что в последние годы Корнилов приезжал к нам нечасто, хотя контакты с нами поддерживал регулярные — то оппонента для своих аспирантов и соискателей попросит, то пригласит на ростовские «посиделки» в «Лиманчик», то сотрудничать предложит.

Вот и в последний свой приезд, сидя у нас на кафедре, прихлебывая душистый чай, Евгений Алексеевич предложил:

— Слушай, Лев, мы тут затеяли русско-немецкий словарь журналистских терминов — возьми-ка пару слов на себя.

О ростовско-немецких профессиональных контактах я был наслышан давно. Да и не только о них. Знал, что работал Корнилов в Вене, бывал в Дортмунде, Будапеште, Нью-Йорке, Катовицах... Приглашение было лестным, и я согласился.

— Ну вот и хорошо, — сказал Женя, — летом напишешь по две странички на каждое слово и перегонишь по «электронке» нам.

На том и сговорились.

А поздней осенью Евгения Алексеевича Корнилова не стало.

Теперь мне кажется, что смертельно больной Корнилов (о его болезни знали немногие), предчувствуя уход, приезжал в Воронеж прощаться. Конечно, не со мной лично — с городом, в котором неоднократно бывал; с людьми, с которыми встречался все эти годы...

Знакомство с Евгением Алексеевичем состоялось в Свердловске в начале семидесятых: гостеприимный декан свердловского журфака Валентин Андреевич Шандра собрал тогда у себя представительный форум — съехались гости из Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Воронежа, Томска, Алма-Аты... Евгений Алексеевич уже тогда был заведующим кафедрой ис-

тории журналистики — наверное, самым молодым в стране — «старики» советских журфаков за свое главенство держались достаточно цепко. Но уже заявляло о себе все громче молодое поколение, и пример Корнилова был тому подтверждением.

Помню, у нас в Свердловске сразу установились дружеские отношения — может, в силу возрастной близости; может, в силу общности интересов — мы оба тогда руководили в своих университетах студенческими театрами миниатюр.

Потом были новые встречи — в Москве, Ростове, Питере...

В начале девяностых на одном из заседаний УМО Марина Ивановна Алексеева предложила группе участников заседания разработать новый учебный план для факультетов журналистики. Мы тогда еще все были вместе — и россияне, и украинцы, и белорусы, и казахи, и таджики. Инициативная группа, возглавляемая энергичным деканом журфака Уральского университета Валерием Сесюниным, бодро взялась за дело. После бурных дебатов примерный вариант учебного плана был представлен Марине Ивановне. Принимал участие в той работе и Корнилов. Пока наиболее громкогосые творцы витийствовали, Женя, побряхывая и поглаживая свои усы, помалкивал, но когда возникла какая-то неожиданная проблема, говорил степенно:

— Коллеги, мне кажется, тут лучше сделать вот что... И давал дельный совет.

Ум у доктора филологических наук, профессора Евгения Алексеевича Корнилова был цепкий. Он легко схватывал тенденции развития современных СМИ, и потому многие идеи, высказанные Корниловым в его трудах, обречены на долгую жизнь.

Наверное, долгая жизнь суждена и нашей памяти о Евгении Алексеевиче Корнилове. Добрые дела помнятся долго.

Л. Кройчик.

